

Л. Дж. Сарджент

УЧЕНИЕ ГОСПОДА

Изучение Нагорной Проповеди

Перевод с английского языка Ирины Андрониковой

L. G. Seargent

THE TEACHING OF THE MASTER

A translation into Russian

by Irina Andronikova

St. Petersburg, Russia

Л. Дж. Сарджент

УЧЕНИЕ ГОСПОДА

Изучение Нагорной Проповеди

Перевод с английского языка

Ирины Андрониковой

Подготовка Учителя к Проповеди

1. Слово сказанное и Слово, ставшее плотью

Слово является выражением мысли и способом влияния на других людей; возникая в сознании одного, слова могут воздействовать на многих. Величайший смысл Писания состоит в том, что за всем, о чем имеют представление люди, стоит вечный Разум, дух которого наполняет Вселенную; когда же мысль Вечного выражена, сила ее беспредельна, а результаты действия – безошибочны и быстры.

Между словом и делом Бога, таким образом, связь настолько тесна, что Давид говорил о них как об одном и том же [1]. Когда говорит человек, между высказанной им мыслью и целью, которую он собирается достигнуть, натянута столь тонкая нить, что ее очень легко порвать; у Бога же слово и дело едины: слово, исходящее из Его уст “не возвращается... тщетным”, но исполняет то, что угодно Богу [2]. Так “словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их... Ибо Он сказал – и сделалось; Он повелел – и явилось” [3].

Смертный человеческий род, распространившийся в свое время по Его земле, только тогда смог осознать Бога, когда Он выразился языком людей, чтобы они могли Его понять. “Вечная сила Его и Божество” проявлены со времен создания Им мира в Его творениях [4], но образ жизни, предписанный людям Богом, и Его намерение спасти их от греха и смерти и привести многих сыновей в лоно Своей славы могли стать известны им только посредством Его слов. Слова же эти, сами по себе, могли бы стать силой, воздействующей на восприимчивые души и помогающей Господу достичь своей цели, связанной с людьми [5]. “Бог говорил многократно и многообразно” [6], и везде, где записаны Его слова, подчеркивается их источник: “слово Господне” [7]. Оно влияло на Илию, Исаию, Иеремию [8], но, кроме того, все пророчества изрекались святыми людьми Божьими, движимыми Духом Святым [9]. Эти откровения настолько расходились с побуждениями и волей самих пророков, – а иногда бывали и совсем противоположны их человеческим желаниям – что мы вправе назвать их “святыми словами” Божьими [10]. Его слово, представляющее собой проводимую в действие Божью волю, имело такую силу, что о нем можно сказать как о чем-то, посылаемом Богом на землю и

действующем в качестве Его представителя [11]. Слово – “богодухновенно” [12], оно исходило прямо от Бога, и о нем можно говорить как об объективно существующем предмете.

Откровение Божие, хотя и “многократно и многообразно” выраженное, было задумано как единое целое. Однако его сущностное единство было установлено лишь тогда, когда все это многообразие было собрано в одну полную и совершенную картину Откровения. Подобно тому, как при Сотворении мира “Дух Божий носился над водою”, теперь Святой Дух нашел на деву Дома Израилева, и “Сила Всевышнего осенила ее”, и дитя, рожденное в Вифлееме, наречено было Сыном Божиим [13]. Таким образом, Бог, обращавшийся к людям устами многих пророков, заговорил, наконец, посредством одного человека, и этот единственный был Его Сыном [14].

Однако, чтобы понять, что предшествовало рождению Сына, нужно заглянуть в далекое прошлое, где еще не было первых пророков или первых посланий ангелов. Иоанн, любимый ученик Иисуса, показывает, что Логос (Слово), объединяющий в себе разум, побуждения, мысли и их словесное выражение, “в начале” имел свой источник, был “с Богом” и был неотделим от Него [15]. “Слово (Логос), – продолжает Иоанн, – стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца” [16]. Как в прошлом Бог проявлял Себя в словах, произносимых пророками, так теперь Он открывается посредством того единственного человека, который стал живым воплощением Его собственного разума, “сиянием Его славы” и отпечатком Его природы в человеческой плоти [17]. Как и о слове, посланном Богом, Иисус мог сказать о себе: “Я от Бога исшел и пришел” [18]; как слово сказанное, так и слово, ставшее плотью, были выражением Божьего разума, ибо, как сказал Иисус, “Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня”. Откровение это было настолько необыкновенным, что Иисус мог сказать также: “Видевший Меня видел Отца” [19].

Поскольку Отец открыл Себя в нем, Иисус мог говорить о себе не просто как о правде, но как об Истине [20]; избрав это слово он выразил особым образом принцип непрерывности Божественного откровения. Характерной чертой еврейского мышления является редкость чисто абстрактных понятий. Даже тогда, когда в переводе Библии встречаются отвлеченные термины, они часто имеют конкретный смысл, что отличает их от абстракций ума, столь обычных, к примеру, в греческой мысли. Правда (или Истина) в Ветхом Завете не может пониматься как образец или норма, особенно, когда речь идет о

Божественной правде. Работа “в истине” отмечена Божественным постоянством. Его правда – это Его последовательность в действиях, верность по отношению к людям. Живой Бог, таким образом, Сам является образцом истины, и это качество определяет зависимость человека от Бога, что подтверждают еврейские высказывания. Так, Иаков мог сказать: “Недостойн я всех милостей и всех благодеяний (в английском переводе – “всей правды”), которые Ты сотворил рабу Твоему” [21], – подразумеваемая при этом качества Бога, раскрывшиеся в Его деяниях. Так, Михей мог произнести: “Ты явишь верность (в английском переводе – “правду, истину”) Иакову” [22]. Удивительно часто встречается в тексте Ветхого Завета понятие правды, объединяясь при этом с понятием милости, потому что правда эта – деятельная, живая. По примеру Бога от Его детей требуется, чтобы они “ходили в истине” [23]; эта мысль проходит через весь Новый Завет [24], особенно, сквозь послания Иоанна [25].

В Христе мы видим откровение Бога во всей его полноте, совершенное выражение Его живой правды. Христос не только говорит истину, но он сам – Истина; он – Слово, которое, обладая неисчерпаемой энергией, доводит до конца все, задуманное Богом. В последнем видении, где Христос предстает вместе с воинствами небесными как покоряющий весь мир праведностью, он назван “верным и Истинным”, а имя его – “Слово Божие” [26]. Как же относился сам Иисус к тому, что написано в Писании прежде? Окончательный ответ на этот вопрос, как и на многие другие, касающиеся Иисуса, – Крест. У Моисея, в Псалмах и у Пророков было сказано о том, что он обязан пострадать [27], потому что пришел выполнить волю Божию, как это было о нем написано “в свитке книжном” [28], “быв послушным даже до смерти, и смерти крестной”, мучительной и позорной. Много раз объяснял Иисус, как велико значение Писаний; одно из таких высказываний будет подробно рассмотрено в ходе изучения Нагорной Проповеди [30].

Уверенность и глубокое знание, с которыми Иисус использовал Писания в своих проповедях, полностью убеждает нас в его правоте, уже как Сына Человеческого.

Настоящее изучение, поэтому, ставит перед собой и особую цель: узнать, как использован Ветхий Завет в Нагорной Проповеди Иисуса. Многие понятия, употребляемые Господом, приобрели богатейший смысл, пройдя через уста пророков и псалмопевцев; нередко их значение вырабатывалось в ходе истории Израиля. Откровение Иисуса передает всю полноту смысла этих слов. Чтобы установить, какое

значение вкладывалось в отдельные слова Нового Завета, можно последовать назад, к их еврейским оригиналам, через греческий вариант Ветхого Завета; такая работа требует от писателя, независимо от его эрудиции, принимать во внимание комментарии, ссылки и прочие подобные вещи. Слова могут быть проверены в различных контекстах, прослежены в их развитии и ассоциациях. Цель может быть достигнута и при изучении более поздних, к примеру, апокрифических текстов; в то же время раввинские писания могут подсказать, как тот или иной термин понимался еврейской аудиторией во времена Христа: только с этой точки зрения мы ссылаемся на такие тексты, используя их для пояснения. Исследование происхождения притч, форм речи, поворотов фраз также покажет, до какой степени сознание “человека Иисуса Христа” было погружено в Святое Писание. Наше изучение Нагорной Проповеди, таким образом, становится, в некоторой степени, анализом литературных источников, значимость которых бесконечно выше просто литературной.

Цель Нагорной Проповеди – объяснить детям Отца Небесного, как им следует “ходить в истине”. Однако путь, по которому они должны идти, может быть показан им только в случае, если они ясно представляют, к чему необходимо стремиться. Учение об образе жизни должно быть основано на рассуждениях – явных или косвенных – о природе жизни, ее смысле и целях; в этом отношении ни одно учение в Писании или вне его не стоит так твердо на своих основах, как Нагорная Проповедь. Всеми отмечается такая великая убежденность в словах Иисуса о Боге, человеке, смерти, суде, Царстве Божиим и бессмертии, которую можно ожидать только от того, в ком воплощена Божественная Истина, а потому любое изучение Нагорной Проповеди, будь оно полным или частичным, должно быть в большей степени теологическим исследованием.

Вся великая литература воплощена в ту или иную форму; одним из критериев силы произведения является то, что форма эта не произвольна, а соответствует содержанию и становится сама частью смысла: полноценная мысль может быть выражена в столь же высокой форме. Бессмысленно предполагать, что такая форма меньше подойдет словам, несомым Святым Духом, чем тем, что рождены человеческим гением. Нагорная Проповедь облачена в точную, чистую форму. В ораторском искусстве ясной мысли сопутствует эмоциональная сила, изречения стремятся к полноте за счет сбалансированных и ритмичных фраз, в еврейском же языке эта тенденция усилена поэтическим слогом: особый размер и повторения, отличающие поэзию от прозы, в

большей степени ощущаются, чем звучат. На этом же основаны разнообразные и иногда сложные параллели в поэзии Ветхого Завета, и перевод – часто даже двойной перевод – с арамейского на греческий, а с греческого – на русский или английский – не может замаскировать использование подобных форм в Проповеди. Для того чтобы читатель по достоинству оценил строй языка, в начале каждой главы мы помещаем относящийся к ней отрывок из Проповеди, выделенный на фоне остального текста так, что глаза при чтении могут выбрать соответствующие друг другу строки и те строфы, в которых мысль достигает своей высшей точки. Кроме параллелизма еврейскую поэзию (с точки зрения современных ученых) отличает определенное количество ударений на строку, чем она похожа на староанглийский стих. Строки выстраиваются в размер, соответствующий настроению и содержанию сказанного. Не может быть простым совпадением то, что при переводе Нагорной Проповеди с греческого на арамейский, часто выявляются использованные в ней те же стихотворные формы, что и в Ветхом Завете. Несмотря на то, что обратный перевод на язык оригинала не может быть совсем точным, и мы не можем быть уверены, что нам открылись собственные слова Иисуса, появление одних и тех же поэтических форм в разных местах Проповеди дает возможность предположить, что Иисус использовал их в своей речи. Нагорная Проповедь – поэма, и читать ее следует как поэму.

Примечания к главе 1.1

1. Псалтирь 32:4	16. Иоанн 1:14
2. Исаия 55:11	17. Евреям 1:3
3. Псалтирь 32:6-9	18. Иоанн 8:42
4. Римлянам 1:20	19. Иоанн 14:10
5. Римлянам 1:15-16	20. Иоанн 14:6
6. Евреям 1:1	21. Бытие 32:10
7. 1-я Царств 3:21 и т. д.	22. Михей 7:20
8. 3-я Царств 21:17, 28; Исаия 38:4; Иеремия 1:2	23. 3-я Царств 2:4, 3:6; Исаия 38:3; Псалтирь 25:3; 85:11
9. 2-е Петра 1:21	24. Ефессянам 4:17-24
10. Иеремия 23:9	25. 2-е Иоанна, стих 4; 3 Иоанн, стихи 3-4; 1-е Иоанна 1:6
11. Исаия 9:8, сравните с Псалтирь 147:4	26. Откровение 19:11,13
12. 2-е Тимофею 3:16	27. Лука 24:26-27, 46-47
13. Лука 1:35	28. Псалтирь 39:8-9
14. Евреям 1:2	29. Филиппийцам 2:8
15. Иоанн 1:1	30. Матфей 5:17-19

2. Он рос, мудрея

Проповедник, учивший на Горе, провел свое детство в еврейском городе, и внешне в его жизни все складывалось совершенно обычно. Он жил с матерью и приемным отцом и, проходя сквозь годы детства, отрочества и юности, постепенно умнел. Он был бы совсем обычным мальчиком в глазах окружающих, если бы не исключительная для его лет мудрость и привлекательность натуры, благодаря которым он был любим и Богом, и людьми [1].

Мудрость эта, естественно, была результатом развития, пищей для которого служило изучаемое еврейским мальчиком Слово Божие; можно вообразить, насколько хорошо оно было впитано им, если ребенок Иосифа и “рабы Господней”, избранной и “благословенной между женами”, мог произносить драгоценные истины. Умственное и физическое развитие было существенной стороной его жизни, ведь он был человеком, имеющим ту же природу, что и мы.

В Назарете, куда пришла его семья, было место для игр и занятий будущего Учителя. С вершины холма, у подножия которого лежал город, Иисус мог вглядываться почти на пятьдесят километров в трех направлениях страны, рассматривая оттуда ее как “живую карту” истории своего народа. Прямо перед ним выступал конус горы Фавор, где Варак собрал свои войска, чтобы одолеть Сисару.

Так да погибнут все враги Твои, Господи!
Любящие же Его да будут как солнце,
восходящее во всей силе своей! [2]

В долине Иезреель, к югу, Геден начал свою погоню за мадианитянами после того, как его армия была умышленно сокращена Господом у источника Харод с 32000 человек до небольшого отряда из 300 стрелков, чтобы Израиль не сказал потом: “Моя рука спасла меня” [3].

Взглянув еще дальше, можно увидеть гору Гельвуйскую, где погиб Саул. Человеку, память которого наполнена сценами истории Израиля, высоты эти дали бы почву для размышлений о трагедии царя, преследуемого знанием о том, что он отвергнут, и наполненного ненавистью к своему преемнику, избранному Богом. Это история человека, религиозного по мирским стандартам, но веры которого

было недостаточно, чтобы Слово Божие стало живой реальностью для него. Эта слабость повлекла за собой возмездие; пошатнулась сама основа веры, и Саул взбунтовался против Божьего Суда, жестоко преследуя Давида. В конце концов, упрямство привело Саула к поискам утешения в колдовстве, что стало выступлением против заповедей Бога, оставившего его. Прекрасной противоположностью Саулу стал предок нашего Господа, столь же преданный Богу, как овца – своему пастырю, и который, несмотря на совершенный им однажды великий грех, остался, благодаря раскаянию, “человеком сердца Божьего”. Нет в Ветхом Завете человека, глубже чувствующего Бога, чем Давид.

Долина Изреель, за холмом Море, который разделил ее на две руки, спускающиеся к Иордану, была местом падения Ахава. Этот царь был человеком нерешительным и во всем уступал твердой гордыне Иезавели. Глядя сверху на эту долину, Иисус мог бы вспомнить, что, когда Киссон заливал водой плодородные почвы, потоки его были как железо, а небо – подобно меди. Через эту равнину царь и пророки Вааловы проследовали к горе Кармил, чтобы разрешить великий вопрос: “Долго ли хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, следуйте Ему, если Ваал – ему следуйте”. Эхом этому противостоянию отдаются слова самого Иисуса, произнесенные на другой Горе, но о том же: “Не можете служить Богу и маммоне (т. е. богатству)”.

Из своего дворца в Изреели жена Ахава угрозами вынудила Илию убежать в горы области Негев, пустыни Иудейской, где под можжевельным кустом он поддерживал силы принесенной ему Ангелом печеной лепешкой. Когда после сорока дней поста Иисус проголодался, он не мог ни вспомнить об этой ангельской помощи, оказанной Илие в минуты его голода. Как в юности, всматривался он за горы Самарии, мысленно следуя вместе с пророком далеко за Вирсавию к Горе Божией Хорив. Там перед лицом Илии пронесся сильный ветер, ломающий камни, затряслась земля и забушевал огонь; затем же “веяние тихого ветра” внушило пророку приступить вновь к служению с уверенностью, что даже в Израиле осталось семь тысяч мужей, в которых живо Слово Господа. Предназначение Царства не было погублено окончательно. Понемногу, среди бедного народа зерно его незаметно взойдет, принесет плоды Божественной славы, и придет день, когда будет объявлено: “Господь царствует”.

К югу от горы Море находился город Сонам, где преданная Богу женщина кормила божьего человека и давала ему пристанище. Этой женщине, как это было в свое время с Сарой, бывшей уже в годах, был

дан сын, ребенок, родившийся как свидетельство Божией власти над жизнью и рождением; это, в какой-то степени, предвестило намерение Бога совершить то же с девой в Вифлееме. Думал ли Сын обо всем этом, стоя на холме над Назаретом? Ребенок в Сонаме, однако, умер, и снова Господь Бог показал свою силу, на этот раз – в предвкушении того дня, когда смерть будет побеждена. Знал ли Иисус, какую великую радость принесет он, восстав из смерти, приблизив собой Царство? Знал ли, что сила воскресения к вечной жизни будет в его руках?

Мы можем представить себе его, глядящего вниз на равнину Изреель, когда перед его глазами проносятся видения, и взрослеющего в мудрости тех Божественных уроков, которые заключены в прошлом Израиля. Мы тоже можем извлечь знания из израильской истории: о реальности Бога; об определенности Его победы на земле; о Его способности спасти многих или лишь некоторых; о только Ему принадлежащей Славе; о том, что Бог отвергает людей, глухих к Его словам; о том, что Он выбирает людей, жаждущих праведности, и прощает их даже тогда, когда они оступаются; о Его обращении к человеческому сердцу во всей его полноте и отрицании лишь частичной преданности; о Его заботе о тех, кто любит Его, даже когда Он ведет через пустыню; о Его способности совершать невиданное посредством немногочисленных и бедных людей; о Его возможности достичь своей цели, “роясь в сухой земле”, и поглотить жизнью смерть. Заключительным же уроком является наша уверенность в том, что человек не в состоянии разрушить жизнь, и благоговение перед мыслью, что способный жить по Его заповедям принадлежит Богу. Равнина Изреель и холмы вокруг нее являли своей историей противостояние Бога и падшего человека и предвещали триумф Божественной праведности через Семя Давидово и Его святых. Для Божественного Провидения этот пейзаж не был случаен – он полон великого знания и таким вошел в душу подрастающего в Назарете паренька.

Нагорная Проповедь изобилует ссылками на повседневную жизнь, что вызывает восхищение. Местоположение Назарета, а также постоянные, начиная с двенадцатилетнего возраста, визиты в Иерусалим способствовали развитию Иисуса, наполняли его премудростью. Между горой Фавор и холмами, на которых стоял Назарет, пролегал великий путь из Дамаска на Равнину и на другую сторону южных холмов. Этой дорогой люди путешествовали в Египет еще со времен Авраама. С северного хребта холмов можно было увидеть путь между городом Акко и Десятиградием, вдоль которого

маршировали римские легионы и представители власти. Переходя вброд Иордан, арабские караваны оказывались на той стороне Изреель. Вверх и вниз по этим дорогам следовали бессмертные герои притч Христа. Здесь проходил купец в поисках хороших жемчужин, царь, уезжающий, чтобы получить свое царство, хозяин, неожиданно нагрянувший к своим рабам, блудный сын, вернувшийся в отчий дом из дальней страны. Галилея была плодородной землей, плотно заселенной и с высоким уровнем жизни. Она могла бы процветать, если бы не бремя налогов и политическая нестабильность. Большинство ее дорог проходит через равнину у подножия горы, с которой Иисус осматривал окрестности и видел множество поднимающихся на праздники странников.

Добавьте к этим картинам саму атмосферу восточного города с ее торговлей и со сталкивающимися между собой потоками слухов и страстей. Добавьте каждодневный труд в доме мастера-плотника, превращающегося иногда в строителя. Из всего этого и многого другого Иисус почерпнул свои знания о человеческой жизни и примеры для притч. В одной только Нагорной Проповеди он ссылается и на домашнюю жизнь (свет, соль, свеча, еда, которую ребенок просит, а отец дает ему), и на жизнь, связанную с работой (потребность в хорошем доме, угроза стаду овец, маленькие происшествия, такие, как попадание соринки в глаз), и на рыночные нравы (громогласная торговля и споры с ругательствами, хорошая или скудная мера зерна), и на обычаи в отношениях между людьми (приветствия, раздача милостыни, молитва или пост, специально демонстрируемые другим людям, ругань в состоянии злобы, оскорбительные выпады, привычка к накоплению богатства), и на официальные процедуры (местный совет, Синедрион, истец, судья, судебный служащий, тюрьма, требование клятвы, потребность в государственной службе), и на природу (птицы, цветы, солнце и дождь, хорошие и никчемные деревья, привычки собак и свиней), и на уже знакомые нам картины (город на холме, проезжая дорога к главным воротам, потайная дверь в стене). Иисус все вокруг примечал и знал, как использовать эти примеры, чтобы слова его ожили.

Примечания к главе 1.2

1. Лука 2:51-52

3. Книга Судей 7:2

2. Книга Судей 5:31

3. Мудрость, окрепшая в испытаниях

Не в Назарете, а уже в пустыне Иудейской выдержал Иисус последнее испытание на пути подготовки к служению. Сын Человеческий, будучи Капитаном корабля Спасения, должен был “сделаться совершенным через страдания”; еще до того, как он сообщил людям весть о спасении, он “страдал, будучи искушаем” в пустыне. В то же время это было не концом, а только началом тех мучений, которым он должен был подвергнуться, чтобы стать “Великим Первосвященником”, и завершением дней его учебы перед будущим служением “во дни его плоти”. Мудрость, накопленная им за дни безгрешной жизни, была испытана в момент искушения и, оказавшись победительницей, закалена, подобно стали, чтобы стать основой как его учения, так и собственного послушания “вплоть до смерти”. Как бы ни толковалось содержание вопросов, сопровождавших искушения, одно неоспоримо: “он был искушаем”. Он сам прошел через искушения и подавил их силой Слова Божьего; Иисус, пережив это, “сделался совершенным” для того, чтобы и другие могли с его помощью “сделаться совершенными”. До того как он “познал смерть” за каждого из людей, он “познал” и искушения; пройдя испытания, он своей смертью добился вечного спасения для себя, и его победа дает возможность другим разделить с ним ее плоды.

Неверие стало причиной первого человеческого послушания, в результате чего весь людской род был “заключен Богом в непослушание” [1]. Но Слово Божие было защищено верой и смирением одного человека, добровольно принесшего себя в Рабы Господу, потому что уши его были открыты Слову. Прямо перед искушением он, сам безгрешный, показал, что природа людей и его собственная – одинаковы: смирившись, он покрестился (“ибо так надлежит нам исполнить всякую правду”). Но даже то, что Бог назвал Иисуса Возлюбленным Сыном, не освободило его от пребывания в пустыне.

Важнейший вопрос, определяющий все последующие, содержится в первом искушении: “Если ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом”. Подтекст может быть таковым: “Если ты Сын Божий, то ты – Наследник, и все намерения Божии связаны с тобой как со Спасителем, а потому у тебя есть право, как у наследника, и обязанность, как центра Божественных целей, использовать силу Духа

для удовлетворения своих собственных нужд”. Ответ приходит из Второзакония 8:2-5: “...не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек”.

Для Израиля странствие по пустыне было тоже Божественным испытанием, из которого он должен был извлечь две истины. Первое: видимые вещи – это еще не вся реальность. Они появились на свет в результате работы Слова Божьего, прозвучавшего так: “Да будет свет... Да произрастит земля...” Этим же словом мы можем быть руководимы, поддерживаемы, останавливаемы или уничтожены. Это слово – фундамент, на котором покоится все творение. Жизнь, в буквальном смысле, должна зависеть не от хлеба, а от принятия человеком Слова Божьего, тогда все остальное приложится; Слово, исходящее от Бога – это неизменная реальность в этом мире перемен. Иисус является центром Божественного плана именно потому, что в нем Слово стало плотью, а цель может быть достигнута только посредством Слова. Намерение Бога полностью зависит не от Иисуса из Назарета, а от Самого Бога, помазавшего его, и от Слова Божьего, воплотившегося в нем.

Первый ответ Христа потому установил истину, что Бог – это Реальность, без которой ничто не реально, и Вечность, без которой ничто не постоянно; здесь провозглашается полная зависимость человека от Бога. Но это еще не все. Если первая истина, которую следовало усвоить израильтянам, говорила об их отношении к Богу, то вторая гласила об отношении Бога к ним. Когда в пустыне Он показал им полную зависимость их существования от Него, Он делал это с дальновидной любовью Отца, требующего от Сына определенной дисциплины для его воспитания. Глубокие уроки Исхода тесно вплетены в ткань каждой части Нагорной Проповеди Господа.

Искушение броситься вниз с крыла Храма, со скалистого обрыва в долину Кедрон, означало, что Иисус мог доказать всему миру одним решительным действием, что он и есть Мессия. “Почему не показать всем народам одним махом, что Бог избрал тебя и заповедал Своим ангелам сохранить тебя?” Ответ содержался в словах Второзакония 6:16: “Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе”. Будучи недовольными и требуя воды, израильтяне хотели проверить Бога, говоря: “Есть среди нас Господь или нет?” Они бросили Богу вызов, задумав подчинить Его своим собственным желаниям. Они указывали Богу, что Ему следует делать, угрожая своим неверием в Него, если Он не выполнит этого. Но не Бог, высшая

Реальность Вселенной, должен быть испытан, а люди, о чем в Исходе 5:25 сказано: “там (Бог) испытывал его”.

Не Он должен стать исполнителем человеческих желаний, а людям следует подчиниться Ему. В ходе этого урока Моисей понял суть их жизненного опыта, пересматривая вновь в конце своего странствия страницы своей истории. Отвечая на второе искушение, Христос, потому, отстаивает верховность Бога, отвергая попытку поставить Божью волю на службу своей собственной.

Стоя на холме Назарета, Иисус видел на западе отблески беспредельного моря, острова которого еще ждали Закона Божьего, и взгляд его следовал этим путем через равнину туда, куда отцы путешествовали в загадочные земли. Нет ничего удивительного, что для такого ума взгляд с вершины холма мог раскрыть “все царства мира и их славу”. Все это будет принадлежать ему, когда мир станет Царством Бога и Христа, Его Сына. Будет ли эта цель достигнута только годами человеческих страданий? Предложение, содержащееся в последнем искушении, намекало на то, что он мог бы избежать мучений на кресте и сократить бедствия людей, взяв власть тотчас же. Но тогда он присвоил бы себе славу и воздвиг новый объект для поклонения. Возвеличившись так, он сделал бы себя Богом. Как же в таком случае следует действительно прославлять Бога? Ответ один: только взойдя на крест, отрехшись от человеческой природы и подготовив людей огромным горем. Из той же части Второзакония он цитирует такие слова: “Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи” [2]. Царство принадлежит Богу, и слава, и поклонение – Ему одному; все это создал именно Он.

После этого тройного искушения, обращенного, в основном, к плотским желаниям и гордыне, Иисус вышел к людям, чтобы свидетельствовать о реальности, верховной власти и святости Бога. Понимание этого стало основой его жизни с тех дней, когда он, будучи двенадцатилетним мальчиком, сказал: “Или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит Отцу моему?” Однако, даже для него, истина, которой он никогда не изменял, могла достичь наибольшей силы только путем испытания. Это – принципы, подвергнутые сомнению, когда послушался первый Адам, ведь грех по своей природе есть отрицание того, что Бог истинен по Его собственному Слову, и даже того, что Он вообще существует. Это, в то же время, – те принципы, которые поддержал своим послушанием Второй Адам. Его служение начинается с торжественного утверждения реальности Бога в его собственной жизни, а заканчивается

провозглашением этой реальности миру с Креста. Защищаемые им принципы освещают все его речи, но особенно ясным светом – Нагорную Проповедь. С горы Искушения он последовал на гору Проповеди, и на гору Преображения, и на гору Распятия с чистотой и спокойствием в мыслях, полный стремления достигнуть Дома Господнего, с внутренним миром, пронизывающим все его слова. “Мой мир, – мог сказать он, – я вручаю вам”.

Тот день, когда Иисус собрал вокруг себя учеников на холме в Галилее, должен рассматриваться не как изолированное событие, а как часть всей его жизни. Этот день – фраза из общего текста, а сам текст – откровение Божие во Христе. Этот текст – Слово, бывшее “в начале”, ставшее плотью для того, чтобы плоть могла достигнуть совершенства путем страдания, которым только она подвержена.

“Когда сел, приступили к нему ученики Его” [3]. Иисуса, произносящего Нагорную Проповедь, можно сравнить с Моисеем, которому Господь сказал: “Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу” [4]. “Мы нашли Того, о Ком писал Моисей в законе и пророки,” [5] – говорит Филипп, проведя первую чудесную ночь в месте, где остановился Иисус. “Я ничего не делаю от Себя, – говорил Иисус, – но как учил Меня Отец Мой, так и говорю” [6]. “Пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить; И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец” [7]. Моисей получил Закон, представ прямо перед Богом, и спустился с Горы, чтобы передать его народу. Тот Единственный, Кто более велик, чем Моисей, открывал на Горе Закон, будучи истинным голосом Бога. Прямо обращаясь к словам Господа из Второзакония: “...с того Я взыщу”, – Иисус объявляет, что тот, кто не принимает сказанного им, “имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день” [8]. Чем закончится этот суд, ясно предсказано и Иисусом, и во Второзаконии: исполнение заповедей – это жизнь, в то время как непреклонное, постоянное их отрицание – это смерть [9].

Иисус, подобно Моисею на горе Фасга, смотрит с вершины, через ущелье времени, на будущее Царство Божие. Как и Моисей на склоне Синая, он оглашает заповеди, полученные им от Бога. Подобно Моисею “в пустыне на равнине против Суфа”, он ставит людей перед выбором: жизнь или смерть “на благо” Царства Божьего [10]. Выбор этот решает все, ведь в словах Иисуса нет никакого перечня наказаний,

и это указывает на то, что единственное реальное наказание – это могила. Тогда как жизнь в Царстве прошлого была обусловлена постоянным послушанием, жизнь в будущем Царстве будет дана за веру. “Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими, – говорит Иисус, – потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их” [11].

Не мягкость характера, а строгая логика побуждает Иисуса начать свою проповедь благословениями.

Примечания к главе 1.3

1. Римлянам 11:32	7. Иоанн 12:49-50
2. Второзаконие 6:13	8. Иоанн 12:48
3. Матфей 5:1	9. Второзаконие 30:15-20
4. Второзаконие 18:15-19	10. Второзаконие 1:1
5. Иоанн 1:45	11. Матфей 7:13-14
6. Иоанн 8:28	

!! ;020 2 Народ Завета

1. Царство Небесное (Матфей 5:3)

Портрет личности, который рисует Иисус перед своими учениками, это его собственный портрет. Для достижения совершенства, однако, даже от Иисуса требовалось пройти подготовку и приложить усилия, высшей точки которых он достиг в момент Искушения. Из этого испытания он выходит, проникшись волей Божией и находясь от нее в зависимости, что мы видим как в Заповедях Блаженства, так и во всей Проповеди.

Заповеди Блаженства – это не перечень свойств характера, проявляемых, одно за другим, разными людьми, вследствие чего некоторые из них достойны войти в Царство Божие. Нет, описывается один человек, рассматриваемый с разных сторон, но постоянно делается акцент на местоимения во множественном числе (“они наследуют”, “они Бога узрят”), чем подчеркивается, что, хотя совершенным примером такой личности является Иисус, описан также характер и каждого члена той группы людей, которая найдет свой дом в его Царстве. Они, и только они, смогут стать его гражданами.

Трудно найти такой термин, который точно выражал бы двойной смысл слова “царство”: царская власть и, одновременно, область, которой правит царь. Было бы неправильно сказать, что Иисус говорил только о политическом господстве. Мирское применение этого слова можно проиллюстрировать писаниями раввинов, где под “царством” подразумевается римское правительство в Палестине. Религиозный же смысл этого слова лучше всего открывается в еврейской молитве “Шема(?) Израэль”. Дважды в день, ложась и вставая [1], набожный еврей повторял слова из Второзакония 6:4-5: “Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь один есть. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим...”; таким признанием верховной власти Бога и своей ответственности перед Ним молящийся накладывал на себя “узы Царства Небесного”. Этот глубокий смысл слова уходит корнями в Ветхий Завет. Вот что говорит о Боге Давид: “Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает... Благословите Господа, все дела Его, во всех местах владычества Его” [2]. Этот отрывок воистину пророческий, он – высшая точка Псалма

Искупления, но это не меняет его истинного смысла: “Господне есть царство, и Он – владыка над народами” [3]. В восточном сознании понятие “царство” является в высшей степени личностным, означая власть единого монарха, и лишь во второстепенном смысле – ту землю, на которую эта власть распространяется.

В то же время, эта высшая власть должна быть где-то проявлена. Именно в уникальной истории народа, принадлежащего Богу, должны мы искать библейский смысл слова “царство” [4]. Высшая власть выбирает вначале народ Завета и назначает его “царством священников”, в то время как он еще находится в пустыне; это также подразумевает землю, которая будет дана народу в наследие. Летопись рассказывает далее: несмотря на то, что люди были еще в пути, целью их была земля, ради которой Бог вывел их из Египта. И хотя не только ради земли Ханаанской были они освобождены от рабства, – ведь, как говорит Господь: “Я носил вас на орлиных крыльях, и принес вас к Себе” [5], – все-таки без земли, освященной Богом и обеспеченной Его обетованиями, Царство было бы несовершенным. С восшествием Давида на “престол Господа” сердце Царства оказывается в месте, выбранном самим Богом, и становится Его обителью, “городом Великого Царя”.

Понятие царства, таким образом, включает в себя, во-первых, власть царя, во-вторых, отношения между царем и его подчиненными и, в-третьих, территорию, на которой они проживают и где законы царя имеют силу. Но отношения могут существовать еще до приобретения земли, а царство Израиль, как политический объект, было основано на Завете. Без Завета не могло быть царства, особенно Царства Божьего. По причине такой сильной личной власти царство имело конституцию более глубокого содержания, чем у окружающих народов. Понятие Завета включает в себя систему законов, пронизывающую все стороны жизни нации и отдельного человека, а наблюдение за выполнением законов было поручено священству.

Восточная идея монархии особенно ярко выражена словами Матфея “царство небесное”. Это Царство Того, Кто восседает на небесном престоле, и здесь метонимия (замена одного слова другим) использована еврейской традицией для того, чтобы избежать прямого упоминания Бога. В то время как сам Иисус не был связан этим обычаем, он мог использовать это выражение, потому что, в целом, старался подчиняться традициям, а потому высказывание, взятое нами из книги Матфея, могло быть в действительности таковым, тогда как

другие евангелисты употребляли слова “Царство Божие” для нееврейских читателей. Два этих выражения абсолютно однозначны.

Нас не должно смущать то, что еврейское представление о Царстве связано с постоянным ожиданием, если рассматривать сам дух пророческой надежды, того дня, когда “Господь будет царем на всей земле”. Это будет “проявлением” или “откровением” Божьего Царства, а потому Таргум (перевод Талмуда на арамейский язык) передает выражение “Господь будет Царем” словами “Царство Божие откроется”. На земле, находящейся под владычеством Рима, различие между “царством земным” и “царством небесным” было особенно тягостным. Зелоты, члены фанатической антиримской организации в Иудее первого века н. э., даже заявляли, что “узы Закона” освобождают их от “уз царства” (имелось в виду иностранное правление); однако, были и другие, такие как Симеон, с кротостью, но горячо ожидавшие “утешения Израиля”, которое стало бы также и проявлением миру Божьего царствования. Когда жители Галилеи, страдавшие под тяжестью налогов и незаконных поборов, захотели силой сделать Иисуса царем, потому что он накормил их в пустыне хлебом, они изменили известной надежде.

В своем учении Иисус проповедовал Царство Небесное [6], Благая Весть о котором должна быть оглашена везде [7] и стать призывом к покаянию [8]. Множество стихов содержит намеки на то, что царство приближается [9]. Царство Божие описывается как порядок, куда будут помещены люди вместе с патриархами и пророками, Его подданными, и где они возлягут (или воссядут) все вместе за трапезою, о чем написано во многих местах Нового Завета [10]. В Царстве человек может оказаться великим или величайшим, меньшим или мельчайшим по сравнению с другими, и, согласно Даниилу 12:3, все праведники там “воссияют как солнце” [11].

Но Царство может быть “затворено человекам” неверными учителями, обманывающими людей и препятствующими доступу в него [12]. С другой стороны, люди могут быть приглашены и войти в Царство [13]. Когда Иисус был среди людей во плоти, Царство Небесное приблизилось и было среди его учеников [14]. Люди даже прилагали усилия, чтобы предвосхитить его [15], или, как сказано у Луки, “всякий усилием входит в него” [16]. Люди могут быть уже “недалеко от Царства Божьего”, быть достойными или недостойными его [17]. Царство нужно ревностно искать или бороться за него [18]. Оно может быть дано, но прежде, чем унаследовать его, люди должны его признать и принять [19]. Оно принадлежит тем, кто получает его

либо как право на владение, либо как реальную собственность [20]. Оно уготовано этим людям [21].

Послание, вверенное ученикам, – это данные им “ключи Царства Небесного” [22]. Но наступит день, когда “двери брачного пира” затворятся перед “неразумными девами”, и люди могут быть изгнаны [23] или выброшены прочь [24]. “Сыны Царствия” – это либо те, кто требует его наследования, и они “будут извержены во тьму внешнюю”, либо те, в чьих сердцах послание, дающее ростки жизни, а потому они сами являются сынами веры [25].

Все приведенные выражения помогают нам понять смысл слов, произнесенных Иисусом. Царство – это будущий порядок, при котором осуществится все, обещанное отцам, а все люди, допущенные разделить это блаженство, станут одной духовной семьей. Это имеет историческую основу, ведь притязания потомков Авраама быть “сынами Царствия” подтверждены реально, в то время как на духовном уровне они были отвергнуты. Возможность для людей войти в Царство посредством веры является сутью Благой Вести; потому же, что пригодность человека для Царства определяется верой и характером, который она развивает, Послание является одновременно призывом к покаянию. Принятие Послания с верой, подобной детской, означает принятие самого “Царства”. С пришествием Царя “Царство” было среди людей. Его присутствие принесло им царскую власть, а приглашение войти в Царство было так настоятельно, и сама эта возможность – так безотлагательна, что, можно сказать, “Царство” было “навязано” людям силой. Несмотря на свободную волю людей отозваться на этот призыв или нет, несмотря на искреннее желание многих поскорее войти в Царство, оно застигло врасплох, подобно бедствию, тех, кто не был готов его принять.

Слово “Царство”, таким образом, многозначно. Первое и последнее его значение – это будущее правление Царя, под власть которого люди могут попасть путем суда, и это определяет весь остальной его смысл. Кроме того, это та сила, авторитет, высшая власть, которыми наделен Царь, и в этом смысле Царство было среди людей, когда он был с ними, изучая и испытывая их по отклику на его слова. Но Царство – это еще и то послание, посредством которого устанавливается связь людей с будущим порядком. Использование слова “Царство”, таким образом, является чем-то большим, чем простая метонимия, потому что послание является движущей силой, готовящей среди людей материал для формирования будущего Царства. Отношение к нему людей, принявших это послание, – больше,

чем надежда: это – договор, завет. Царство и завет неразделимы для Божьего народа, а потому, даже во время испытательного срока, о них можно говорить как о собственниках: “их есть Царство”.

Основное значение Царства, как будущего порядка, делает его граждан кочевниками в сегодняшнем мире, которому они принадлежат не более чем их Отцы – государству Ханаан. Исаак, отказавшись от своих колодезей и оставив плодородную равнину ради голых холмов Беэр-Шивы, чтобы избежать раздоров, устанавливает для них образ жизни [26]. В этом свете, в словах Господа, они противопоставляются другим людям. Народ Завета отличен от окружения, в котором он живет, как чужестранец; по своим качествам люди Завета противоположны тем, кто ищет успеха в мирской жизни. Однако настоящее этих людей не менее резко отличается от их собственного будущего: в Царстве они будут возвеличены. Эти ясные, последовательные контрасты – между святыми и миром, между их настоящим и их же будущим – дают основу для Заповедей Блаженства и всей Нагорной Проповеди.

Примечания к главе 2.1

1. Второзаконие 6:7	12. Матфей 23:13
2. Псалтирь 102:19-22	13. Матфей 22:3 и т. д.; 5:20; 7:21; 18:3; 19:23
3. Псалтирь 21:29; 2
Паралипоменон 13:5; также
параллель между “царством” и
“владычеством, могуществом”
– Псалтирь 144:11-13	14. Матфей 10:7; Лука 17:21;
Матфей 12:28
4. Исход 19:5	15. Матфей 11:12
5. Исход 19:4	16. Лука 16:6
6. Матфей 4:23; 24:14, где
говорится просто о “Царстве”	17. Марк 12:34; Лука 9:62; 20:34
7. Лука 9:60	18. Матфей 6:33; 13:45; Лука 12:31
8. Матфей 4:17	19. Лука 12:32; Марк 10:15;
Матфей 25:34
9. Лука 21:31; 22:18; 19:11; 9:27;
Матфей 6:10; Марк 9:1	20. Матфей 5:3; 19:14
10. Лука 13:28-29; Матфей 8:11;
Лука 22:30; Матфей 26:29	21. Матфей 25:34
11. Матфей 5:19; 18:1,4; 11:11;
13:43	22. Матфей 16:19
	23. Матфей 25:10; Лука 13:25;
Матфей 22:13; Лука 13:28
	24. Матфей 8:12
	25. Матфей 8:12; 13:38
	26. Бытие 26:12-23

2. Будущие граждане (Матфей 5:3)

*Блаженны нищие духом,
ибо их есть Царство Небесное.*

“Блажен муж...”, – говорится в первом и множестве последующих псалмов. Эта же идея выражена словами: “благословен человек...” Слово “блажен” встречается в Псалтири 27 раз, а “благословен” – девять; оба они обозначают счастье, рожденное искренностью, праведностью, честностью. Этот смысл заключен в имени одного из сыновей Иакова, Асира (по-еврейски “Ашер” – “счастье”), и позже слово часто используется в Писании, например, когда Моисей благословляет свой народ: “Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ, хранимый Господом...” [1] В этом случае “блажен” относится только к людям. Для восхваления Бога и поклонения Ему, с одной стороны, и для Божественного благословения людей, с другой, существуют совершенно разные слова. Такое различие сохранилось и в греческом языке.

Блаженство – высшая степень счастья, и когда Иисус описывает это чувство, он рисует величайшую радость. Христос говорит, что нищий духом не только будет счастлив, когда, подобно Учителю, “выдержит испытания на кресте” за ту радость, которая откроется ему; он утверждает, что такой человек уже счастлив. У этих людей есть лучшее из того, чем только может обладать человек: они – истинный Божий Израиль и могут найти радость, осознав эту привилегию. Даже “во дни плоти своей” Иисус, знакомый с горем, ощущал огромное и святое счастье: в нем отражались уже тогда будущие дни его славы. Это было даже больше радости его общения с Отцом, которая была с ним всегда и только подкрепила его вход в Царство. Это блаженство будет разделено всеми, кто искренне следует за ним.

Кто же такие “нищие духом”? Этим благословением, встречающимся и у Луки, Матфей возвращает нас к книге Исаии 66:2: “А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим”. В этих словах Исаия противопоставляет таких людей не богатым, а гордым и ожесточенным сердцем. Еврейское слово, переведенное как “нищие”, не означает находящихся в нужде; оно имеет в виду покорных, смиренных или согнувшихся под каким-либо бременем, особенно, страдающих от дурного обращения или лишенных прав. Живущие в таких условиях

люди очень часто бывают нищими, терпя притеснения богатых, поэтому слово стало означать класс тех, кто находится в нужде. Именно об этой группе людей мог бы особенно позаботиться какой-либо праведный царь, и, прежде всего – Мессия [2]. Похожее определение было использовано в обращении к Израилю в пустыне, как об этом говорит Псалом 67:11: “Боже, Ты говорил необходимое для бедного”.

Это и некоторые сходные слова стали постепенно означать не просто людей, находящихся в какой-либо форме материальной зависимости или нужды, они указывают нам на благочестивых нищих, страдающих праведников, людей, которые либо согнулись под тяжестью обстоятельств, либо нуждаются, либо стеснены, будучи верными слугами Ягве. Очевидно, что в древнем Израиле, особенно в поздние времена, набожность преобладала среди простых людей, а не среди состоятельных и правящих классов. Слово “нищие”, таким образом, стало почти синонимом богобоязненной группы людей, того “остатка”, который будет спасен во время суда над Израилем [3].

По-гречески, в Матфее 5:3, слово “нищие”, строго говоря, означает сильно нуждающихся; однако, как показывает Септуагинта, существует достаточная свобода в выборе эквивалента для таких слов как “нищий” и “смиранный”, а потому было бы неразумно слишком настаивать на классическом значении слова. Арамейское слово, лежащее в основе, означает притесняемых титанической злой силой и ждущих вмешательства Бога. Нищие – это, в первую очередь, верующие люди, угнетаемые существующим мировым порядком. Они ожидали “города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог” [4]. В Библии есть прекрасная фраза, определяющая “нищего”: “чающий (т. е. с надеждой ожидающий) утешения Израилева” [5].

“Жертва Богу дух сокрушенный”; Илия же произнес дерзкую и прекрасную в своей парадоксальности мысль о том, что “Высокий и Превознесенный, Вечно Живущий” обитает со смиренными духом, и оживит их в тот день, когда провозгласит совершенство мира от одного до другого конца земли, и излечит их сердца [6]. Быть нищим, говорит Иисус, – не случайное обстоятельство, а качество жизни, в центре которой не стоит обладание чем-либо и которая не основана на существующем порядке вещей. “Нищие духом” даже не стремятся изменить этот порядок, как политические фанатики и повстанцы, которые являются, на самом деле, неотъемлемой его частью. В одной фразе о “нищих” Иисус обобщает суть всего учения, берущего начало в

жизни еврейских патриархов и книгах пророков. Это – данное Богом проникновение в суть парадокса о том, что Созидательная Власть, потому что Он – Всевышний, должна нуждаться только в людях со смиренными сердцами, которых Он может взять Себе в родство, а потому именно эти люди – а не привилегированные и самодовольные – найдут свой постоянный дом во Время Пришествия Христа. Это они – те младенцы, которых Иисус противопоставляет “мудрым и разумным”, потому что они не спрятались в твердую раковину самодостаточности, они способны учиться у того, кто “кроток и смирен сердцем” [7].

Примечания к главе 2.2

1. Второзаконие 33:29	5. Лука 2:25
2. Псалтирь 71:2, 4, 12, сравните с Иеремией 22:16	6. Псалтирь 50:19; 33:19; Исаия 57:15, сравните с 26:3
3. Софония 3:11-13	7. Матфей 11:25-30
4. Евреям 11:10	

3. *Радость для плачущих (Матфей 5:4)*

*Блаженны плачущие,
ибо они утешатся.*

Плачущие люди – не значит скорбные, только и желающие “показаться людям постящимися”. Блаженны те, кто плачет о Сионе, потому что только в Боге они находят истинное вдохновение. Их дом – в Нем, а не в существующем мире, и когда Его день придет, им будет дан “вместо плача елей радости, вместо унылого духа – славная одежда” [1]. “Я... буду... утешать его и сетующих его”, – говорится о “сокрушенном и смиренном духом” человеке, и это связано с обещанием о примирении, содержавшемся в словах: “мир, мир дальнему и ближнему” [2]. Слезы израильтян, сеявших семена (описанные в Псалме 125), были вызваны “пленом” или угнетением; радость, наполнившая их грудь после этого, рождена избавлением Господним. Люди Божьи терпят плен до тех пор, пока Его Царство и праведность не явятся на землю. Они – узники этого мира, более того, они закованы в цепи греха и смерти. Они угнетены этим различием между славой Бога и злом этого мира, к чему добавляется слабость их собственной плоти [3]. Символ царствования зла – попираание Божией “святой обители”. В тот день, когда Сион будет вознесен, Господь

изменит их печаль на радость, и утешит их, и образует их после скорби [4]. Теперь они укреплены знанием того, что Господь ведет их к этому дню.

В книге Исаии 61:1-3 говорится о работе Помазанника по утешению всех плачущих. Однако если думать только о милости, сменяющей прошлые печали, можно упустить саму сущность пророчества. Искупитель, который придет на Сион, говорит через пророка: “Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня...” [5]. Нести благую весть, исцелять сокрушенных сердцем, освобождать узников и пленных, повернуть их от печали к восхвалению, – такова работа Самого Бога, которую Он продельывает посредством Того, Кого приберег для этого; дальняя цель этой работы – счастье людей. Их назовут “сильными правдою, насаждением Господа во славу Его” [6].

Главы 61 и 62 книги Исаии наполнены картинами земного блаженства. Даже сама Земля описывается не просто неопределенной физической массой, на поверхности которой построено здание нового Царства. Обращаясь к городу Сиона, Иерусалиму, пророк Исаия говорит: “Не будут уже называть тебя “оставленным”, а землю твою не будут более называть “пустынею”... ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочетается. Как юноша сочетается с девою, так сочетаются с тобою сыновья твои; и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой” [7]. Никогда не было сказано с большим чувством о живом союзе людей с их единственной землей; сколь же сильной и реальной должна быть причина, породившая такие напряженные по выразительности поэтические строки!

Сказанное в этом пророчестве Иисус берет за основу “своих собственных слов благодати” [8] в Нагорной Проповеди, как он поступал и в других критических жизненных ситуациях. Однажды так было в синагоге, в Назарете, где он провозгласил себя Тем Самым Помазанником, о Котором говорили пророки. При этом Иисус цитировал строки пророчества, относящиеся к его нынешней деятельности: “ныне исполнилось писание сие, слышанное вами” [9]. В другом случае ученики Иоанна Крестителя пришли к нему с вопросом: “Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?” [10]. Иисус ответил им, ссылаясь на своих свидетелей, известными словами из книги Исаии, где он отождествляется с “испытанным, краеугольным камнем”, который, будучи убежищем для верующих, должен стать также “камнем преткновения” для Израиля. Таким образом, когда Иисус с горы благословляет нищих, смиренных и плачущих, он совершает то, что только он один способен был сделать: он говорит как

Помазанник Господа, в котором Царство уже приблизилось. Его выступление – это мессианский акт.

Апостол Павел, имея это в виду, может написать фессалоникийцам следующее: “Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благовую во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом” [11]. Вечное утешение пришло к ученикам, уверовавшим в Божью цель, связанную с воскресшим Христом. Придет время, когда слышавшие Нагорную Проповедь ученики “восплачут и возрыдают”, а мир возрадуется в кажущемся триумфе над Царем Иудейским. Их скорбь, однако, станет лишь острой болью при рождении новой радости о том, который, зная что будет взят от них, говорил: “Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас” [12]. Радость, появившаяся на свет от знания того, что Господь действительно воскрес, стала залогом будущего счастья во дни, когда Сион должен стать “венцом славы в руке Господа и царскою диадемою – на длани Бога...” [13].

Примечания к главе 2.3

1. Исаия 61:3	5. Исаия 59:20-61:1
2. Исаия 57:15,18,19; сравните с
Ефесянам 2:14-18	6. Исаия 61:3
3. Дважды Павел использует
глагол “оплакивать”, говоря о
грехе в общине: 1-е
Коринфянам 5:2 и 2-е
Коринфянам 12:21	7. Исаия 62:4-5
4. Иеремия 31:13	8. Лука 4:22
	9. Лука 4:16-21
	10. Матфей 11:2-6
	11. 2-е Фессалоникийцам 2:16-17
	12. Иоанн 16:20-23
	13. Исаия 62:3

4. *Наследие кротких (Матфей 5:5)*

*Блаженны кроткие,
ибо они наследуют землю*

Если нищие – это люди, покоренные кем-то, то кроткие – это смиренные по своей природе, не слабовольные, а прилежные, а потому Господь “наставляет кротких к правде, и научает кротких путям Своим... Тайна Господня – боящимся Его, и завет Свой Он открывает им” [1]. Соломон говорит: “Если над кошунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать” [2]. Одни и те же слова о кротких,

которые наследуют землю, сказаны в Псалме 36:11 и в проповеди Христа о Блаженстве. Кротость – вот что в первую очередь требуется по отношению к Богу, благоговение перед Ним, а потому – доверие и зависимость от Него, праведного и верного. Покорность же Богу рождает в человеке дух всепрощения и самоотречения. Сам Христос является высшим примером личности, в которой эти качества проявлены, и “кротостью и снисхождением” которого Павел убеждает коринфян [3].

Унаследовать – значит вступить во владение. “Надеющийся на Меня наследует землю и будет владеть святою горою Моею”, – так звучит параллельное место из книги Исаии 57:13. Содержание этого стиха связано со всей израильской историей и означает, что, по обетованию, Бог будет их Богом, а они станут Его народом. Проживание на этой земле – фундамент Божьего Завета.

Это наследие, говорит Иисус, Бог дает кротким; люди, чьи сердца свободны от страсти к материальному обладанию, вступят во владение навечно, и это произойдет здесь, на земле. Что же из этого следует? Во-первых, того, кто не был кроток и чем-то владел, больше не будет здесь, и, во-вторых, надежда смиренных – в телесной жизни, а не в жизни после смерти неосязаемой “души”. Имея эти абсолютно ясные выводы из простого утверждения, мы стоим лицом к лицу с основными положениями религиозной и философской веры, с тем, что определяет не только наши мысли, но и цели нашей жизни и пути их достижения.

Предположения становятся точными заключениями при чтении Псалма 37, которому почти дословно соответствует сказанное Иисусом. Тема псалма, развиваемая в разных образах, – полная гибель нечестивых, их исчезновение, подобное вчерашнему дыму, и спасение праведников, обеспеченное Божьим благословением. Это напоминает нам слова Иисуса и Иоанна Крестителя о том, что всякое дерево, не дающее добрых плодов, “срубают и бросают в огонь” [4]; ни в одном другом месте в Писании – а об этом говорится великое множество раз – не противопоставлены так решительно два пути людей: скоротечность нечестивых и вечность праведных.

Нетрудно убедиться в том, что сквозь все псалмы проходит следующая мысль: Бог “никогда не даст поколебаться праведнику”, нечестивцев же Он “низведет... в ров погибели” [5], и это, высказанное так ясно, противопоставление временного, быстротечного и постоянного основывается на учении о человеческой природе. Чтобы понять, какие духовные цели ставил Иисус, цитируя Псалом 36:10-11, нужно знать смысл слов в ветхозаветном образе мыслей. Существует

только два выхода: либо – скоротечность, либо – постоянство; на выборе между ними основывается и учение Христа, и псалмы. Слушающим его либо открыт путь в жизнь в Царстве Божием во время Пришествия, либо путь к полному уничтожению. Условие суда, который решит их судьбу, – “кто слушает то, что Я говорю, и выполняет это” – является таковым и для псалмопевцев, и для пророков. Наша жизнь не является нашим врожденным правом, она – в руках Божьих, и только Он может сохранить ее или оборвать: “Все души – Мои: как душа отца, так и душа сына – Мои; душа согрешающая, та умрет” [6]. Такова реальность той абсолютной противоположности между смертью и жизнью, которая делает Евангелие Иисуса совершенно безотлагательным. Это противопоставление содержится и в благословении кротких, и эти слова не могут быть вырваны из их ветхозаветного контекста.

Фраза “они наследуют” была хорошо понятна современникам Нагорной Проповеди в связи с ожиданием Мессии. У Софонии сказано, что “остаток” народа Господа унаследует землю, которая будет опустошена в результате Его Суда [7]; ранее же в этой главе “остатку” были адресованы слова: “Взыщите Господа, все смиренные земли, исполняющие законы Его; взыщите правду, взыщите смирennemудрие; может быть вы укроетесь в день гнева Господня” [8]. “Все это Я отдам во владение оставшемуся народу сему”, – говорится в книге Захарии [9]. Хотя, как мы говорили, еврейские выражения не обязательно означали “получить во владение отцовское имущество”, мысль о законном праве наследника использована Иаковом в одной из его многочисленных ссылок на Нагорную Проповедь: “Не бедных ли мира избрал Бог быть богатыми верою и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его?” [10] Первое послание Петра также написано под влиянием слов Господа; призывая братьев “благословлять” тех, кто их ругает, он добавляет: “...вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение” [11]. Осуществление этого обетования мы находим в видении Иоанна: “И сделал нас царями и священниками Богу нашему, и мы будем царствовать на земле” [12]. Они войдут во владение потому, что являются сыновьями Бога и “сонаследниками” Сына, ибо “побеждающий наследует все, и буду ему Богом, а он будет Мне сыном” [13].

Побеждающий – это человек, богатый верой. Опыт жизни в вере приучил его быть не озлобленным, а кротким. Видя образ Божией славы, он оплакивает существующую в мире темноту. Поскольку он поклоняется только Богу, он не просто кроток, он – покорен. Образ

жизни, демонстрируемый им, является для него единственно возможным, потому что для него Бог – это Реальность, существующая вечно. Характер, подходящий для Царства, был проявлен Господом, когда он победил искушения. Он сам – нищий духом и кроткий, когда говорит: “Не хлебом единым будет жить человек... не искушай Господа Бога твоего... Господу Богу поклоняйся и Ему одному служи”.

Примечания к главе 2.4

1. Псалтирь 24:9-14	8. Софония 2:3
2. Притчи 3:34, сравните с
Иаковом 4:6, 1 Петра 5:5	9. Захария 8:12
3. 2-е Коринфянам 10:1	10. Иаков 2:5
4. Матфей 3:10; 7:19	11. 1-е Петра 3:9
5. Псалтирь 54:23-24	12. Откровение 5:10
6. Иезекииль 18:4	13. Римлянам 8:16-17; Галатам 4:7;
7. Софония 2:9	Откровение 21:

5. *Пир Царства (Матфей 5:6)*

*Блаженны алчущие и жаждущие правды,
ибо они насытятся.*

Одна из притч гласит: “Трудящийся трудится для себя, потому что понуждает его к тому рот его” [1]. Здоровый аппетит придает вкус работе, но, когда цель достигнута, сам аппетит превращается в острое лезвие. То же случается и с нашим разумом: сильное стремление к духовной пище делает работу по ее приобретению, казалось бы, легкой, однако, наши достижения только обостряют желания. В этом мире голод не всегда бывает здоровым: очень часто “голодные напрасно жаждут насыщения”. И хотя, по словам Бога, обильный пир всегда доступен тем, кто повернул свои сердца к нему, люди, мыслящие духовно, часто испытывают чувство жажды, подобное тому, о котором говорил Давид, оказавшийся в пустыне Иудейской:

Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя
в земле пустой, иссохшей и безводной,
чтобы видеть силу Твою и славу Твою,
как я видел Тебя во святилище. [2]

Хотя сам Давид может “увидеть, что Господь хорош”, очевидно, что по мере того, как растет его духовное чувство, он, будучи Божиим человеком, все больше осознает глубину той пропасти, которая разделяет Божию святость и человеческую испорченность. Существует такой голод, который всегда должен оставаться неудовлетворенным, пока не “заградятся уста, говорящие неправду” [3]; существует и такая жажда, которая не будет утолена до тех пор, пока земля не освятится именем Божиим. Можно найти лишь одно место, где голод этот удовлетворится по-настоящему, и место это выбрано Богом для Своего проявления. Поклоняющийся человек мог войти во двор храма для исполнения какой-либо службы, зная, что внутри святилища Господь освящал своей милостью место между херувимами. Это святое место, где из года в год совершалось искупление грехов, было гарантией того, что в конце концов – и это так же верно, как то, что Он жив – “вся земля наполнится славою Господней” в тот день, когда мир примирится с Ним.

Таким образом, войти в святилище означало оказаться, через посредничество священников, перед лицом Великого Царя, Правителя, и мысль об этом присутствует в псалме у левита [4]. Именно в святилище израильтянин осознает истинный смысл тех ценностей, которые дают ему удовлетворенность жизнью [5]. Однако из-за несовершенства мира и самого человека, чувство утоления духовного голода не будет совершенным – это только предвкушение полноты; чтобы ее достигнуть, он всматривается в грядущий день, туда, где ни для Давида, ни для левитов не будет больше никаких барьеров, которые ставит человеческая плоть, перед входом в Святое Святых. Им не придется больше стоять во время службы в отдалении и общаться с Богом только через священников. Подобно тому, как Моисей “созерцал образ Господа”, когда Бог говорил с ним “лицом к лицу”, Давид увидит безо всякой завесы всю полноту Божественной славы.

А я в правде буду взирать на лице Твое;
пробудившись, буду насыщаться образом Твоим. [6]

Как часто в Псалтири и Притчах физический голод и его удовлетворение становятся образом жизни духовной, видно из этих примеров: когда Иисус прибегает к подобным сравнениям мы можем быть уверены, что он имеет в виду Писание. Исаия также использовал эти образы; у пророков, как и в псалмах, утоление голода и жажды

связывается с грядущим днем, когда возвеличатся бедные, и блаженство изольется на смиренных [7].

Поскольку щедрость Бога вознаградит тех людей, которые удостоились Его одобрения, этому должен предшествовать Суд, который отделит их от прочего мира и оправдает их в глазах людей; для непокорных же потомков Авраама, “которые оставили Господа, забыли святую гору”, пророк произнес такое слово: “вот, рабы Мои будут есть, а вы будете голодать; рабы Мои будут пить, а вы будете томиться жаждою; рабы Мои будут веселиться, а вы будете в стыде... ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце” [8].

Анализ обстановки, в которой делались подобные заявления, постоянно возвращает нас к пророчествам о Помазаннике Господнем. Именно Мессия утолит этот голод. Ясно, что единственный, кому адресованы, к примеру, слова Исаии 49:7-10, – это страдающий Раб из пятьдесят третьей главы Исаии, Помазанник из шестьдесят первой главы и мессианский вождь тех дней, когда воссияет правда Сиона; с этим образом, периодически повторяющимся в пророчествах, Иисус отождествляет себя [9]. Он был дан народу как “завет”, потому что способен принести избавление узникам и навек утолить голод и жажду, ведь это он приведет их к источникам вод, описанным Исаией (49:10) и живо напоминающим те “воды тихие”, близ которых Господь, Вечный Пастырь, водил пастуха – псалмопевца [10]. Хотя Иисус уже сейчас дает ищущим его освобождение от страха смерти и утоление жажды Божественной правды, полностью это может свершиться лишь в Царстве Божием.

“Кто жаждет, – говорит Иисус, – иди ко Мне и пей”: “Никто не приходит к Отцу, как только через Меня; Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда” [11]. Все время повторяя призыв “иди ко мне”, Иисус сознательно использует пророчество из 55 главы книги Исаии с обращением к “жаждущим”. То же сказал Иисус и в Нагорной Проповеди, когда публично благословил тех, кто жаждет, представив себя, не произнеся этого вслух, тем единственным, посредством кого эти благословения могут осуществиться.

Несомненно то, что учение Иисуса о себе как о “хлебе жизни” является, в буквальном смысле, учением о том, что необходимо человеку для жизни: смысл метафоры состоит в том, что без этой пищи никакой другой жизни, после нашего скоротечного существования, быть не может. Те же люди, для которых Иисус стал “хлебом”,

воскреснут в последний день, “сподобятся достигнуть того века”, станут “сынами воскресения” и с этого времени умереть уже не смогут [12]. Чтобы Божественная цель их посредством дала плоды, Его слово в должное время обрело реальную форму и “стало плотью” в Иисусе Христе; вера же в него – это “семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест”, она растит новое человечество для жизни во Время Пришествия [13].

В этих пророческих образах, имеющих глубокие ветхозаветные корни, мы видим источник слов Иисуса, сравнивающих Царство с пиром. Он говорит, что “многие придут с востока и запада” и возлягут за столом в Царстве вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом, тогда как “сыны царства” (т. е. этого мира) выброшены будут “во тьму внешнюю” [14]. В другом подобном пророчестве содержится обещание Иисуса тем, кто будет есть и пить за его трапезою в его Царстве [15]. Ту же мысль несет притча о большом ужине, рассказанная Иисусом в ответ на слова одного из людей: “Блажен, кто вкусит хлеба в Царствии Божием” [16].

Сравнение Царства с пиром имеет тройной смысл. Во-первых, на пиру “алчущие насытятся”, т. е. в Царстве любая духовная потребность или нужда будет утолена. Во-вторых, трапеза, как место общения людей, соединяет всех, в ней участвующих – Царя, праотцов, израильтян, бывших раньше далекими, а теперь – близкими, – в нерушимое братство. В-третьих, это ритуальный праздник, праздник Кушей, который Господь устроит на Своей святой горе, когда Он “... уничтожит... покрывало, покрывающее все народы”, и когда “поглочена будет смерть навеки” [17]. Таким образом, полный смысл содержащегося в Заповедях Блаженства обещания “они насытятся” несет пророчество о Царствии Божием, и людям следует искать не просто этической чистоты как способа утоления духовного голода, а именно правды Божией. В этом стремлении стать праведнейшими из праведных нет эгоизма. Они жаждут проявления Божественной правды, доказательства Его святости и того, чтобы земля наполнилась Его славой. Они ждут того, что произойдет Отрасль от корня Иессеева, на которой “почиет... Дух Господень” и “будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине”, “и будет перепоясанием чресл Его правда, и перепоясанием бедр Его – истина” [18].

Они, однако, так захвачены этим желанием, что не могут хотеть, чтобы правда Божья проявилась на земле прежде, чем это случится в них самих. Заглядывая в будущее при посредничестве Духа Святого, пророк радуется как своей собственной праведности, как части целого, так и грядущей общей победе правды Божьей: “Радостью буду

радоваться о Господе, возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня... Ибо как земля производит растения свои, и как сад произращает посеянное в нем, – так Господь Бог проявит правду и славу перед всеми народами” [19].

Называя блаженными кротких, милосердных и других людей за качества, которыми они обладают, Христос не говорит: “Блаженны праведные”, – для него блаженны те, кто не утолил своего стремления к правде. Но если люди искренно хотят правды Божьей в день Его славы в будущем, они не меньше жаждут того же сейчас. Невозможно желать правды абстрактно или считать, что она придет только в тысячелетнем царстве; невероятно желать этого для других, а не для себя самого. Граница между смертным и бессмертным состоянием тела отчетлива: “мы изменимся вдруг, во мгновение ока”. Однако столь же моментальное преобразование человеческого духа невероятно: мы еще только превращаемся в ту личность, которой давно и твердо хотим стать, т. е. сейчас мы находимся в становлении. К таким людям, вновь рожденным во Христе, обращается апостол Петр: “Как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение” [20]. Духовные голод и жажда необходимы для сегодняшней праведности, она же – для будущего, таким образом, начала будущего заложены в настоящем; жажда же правды – это жажда пищи правды, которая есть Слово. Тот, кто говорит: “Я есмь хлеб жизни”, – и является истинной духовной пищей.

Эти слова Господь использовал во время насыщения множества людей. Очень часто в Евангелиях деятельность самого Иисуса и его комментарии по поводу поступков других людей поясняют сказанное в Нагорной Проповеди, и, в частности, насыщение пяти тысяч людей иллюстрирует блаженство алчущих. Кормить стадо – забота пастуха; только он, Добрый Пастырь, может дать пищу вечной жизни, потому что пища эта – он сам. Алчущие и жаждущие правды должны прийти к нему. Личность его отражена даже в этих словах. Он может накормить других, потому что сам жаждал правды и мог сказать: “Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его” [21]. Посредством “подвига души своей” он становится Пасхальным Агнцем, которым могут угощаться все; излившаяся же его кровь становится для них символом не смерти, а жизни. Он может утолить голод, потому что сам “насыщен” долготой дней и полнотой радости перед лицом Божиим [22].

Некоторые думают, что сказанное Иисусом касается “праведности” как правильного поведения, а не как теологической концепции спасения. Эти люди могут возразить, что, рассуждая так, мы будем вынуждены оторвать сказанное от повседневной жизни и затеряться в метафизических облаках. Сразу ответим, что, поступая так, мы следовали Писанию. Мы рассмотрели, как в Ветхом Завете используются те или иные слова, чтобы понять, в каком смысле мог употреблять их Христос; мы проверили наши результаты, сопоставив слова и действия Иисуса в различных частях Евангелия. Мы пришли, таким образом, к выводу, что сказанное Иисусом нельзя рассматривать только с точки зрения этики. Из этого следует, что критика неверно понимает саму природу “праведности”, имея под ней в виду поведение одного человека по отношению к другому и относя ее, главным образом, к этой жизни. Праведность – это жизнь, на протяжении которой человек постоянно помнит о Боге и Его целях; жажда праведности – настолько страстное желание, что становится силой, контролирующей наше поведение и личность. Действительно, Его намерение – это добродетель, милосердие и истина, эти же качества требуются от тех, кто пришел к Нему; не может, однако, существовать никакого разрыва между поведением человека в жизни и целью Бога во Христе, дающей этой жизни смысл. Больше того, не может быть никакого разрыва между самопожертвованием Христа и теми, ради кого была совершена эта жертва.

Последняя мысль – это фокус всех наших размышлений. Как в прошлом для утоления духовной жажды люди приходили в Храм, где Бог являлся им Сам, так мы можем каждую неделю собираться вместе с уверенностью, которую дал нам Христос: “...где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них”. Он дал нам символы, представляющие его как хлеб и вино жизни, и мы можем их отведать. С их помощью мы вновь вспоминаем его жертву и, говоря его собственными словами, смотрим вперед в Царство его Отца, где он будет пить с нами новое вино [23]. В этом обряде мы видим воплощение благословения алчущих и жаждущих правды: “ибо они насытятся”.

Примечания к главе 2.5

1. Притчи 16:26	5. Псалтирь 72:17
2. Псалтирь 62:2-3	6. Псалтирь 16:15; 21:25
3. Псалтирь 62:12	7. Исаия 41:17-20; 44:3-4; 49:7-10
4. Псалтирь 41:3	8. Исаия 65:2, 11, 13-18

9. Исаия 62:1; Матфей 16:21;
17:22-23; 20:17-19; Лука 24:25-
27, 44-48	16. Лука 14:15-24
17. Исаия 25:6-8
18. Исаия 11:1-5
19. Исаия 61:10-11
20. 1-е Петра 2:2
21. Иоанн 4:34
22. Исаия 53:11; Псалтирь 15:11;
90:16
23. Матфей 18:20; 26:29
10. Псалтирь 22:2	
11. Иоанн 7:37; 4:14,6; 6:35	
12. Иоанн 6:39-40; Лука 20:35-36	
13. Исаия 55:8-13	
14. Матфей 8:11-12; Лука 13:29	
15. Лука 22:30	

6. *Милость для милостивых (Матфей 5:7)*

*Блаженны милостивые,
ибо они помилованы будут.*

Корень сказанного может быть найден в словах Давида:

И воздал мне Господь по правде моей,
по чистоте рук моих перед очами Его.
С милостивыми Ты поступаешь милостиво,
с мужем искренним – искренно,
с чистым – чисто,
а с лукавым – по лукавству его;
ибо Ты людей угнетенных спасаешь,
а очи надменные унижаешь. [1]

Бог всегда тот же, и качества, которые Он проявляет по отношению к людям, неизменны, что мы еще не раз испытаем в нашей жизни. Однако эти качества не всегда нам открыты в настоящем; Давид, опираясь на свой прошлый опыт общения с Богом, заглядывает в будущее, когда Бог “угнетенных спасет”. Псалом, почерпнув свою образность из книги Исхода, предвещает день, описанный у Аввакума языком, близким к Давидовому, и указывает на явное Божественное вмешательство, когда будут защищены и качества, заключенные в Его памятном Имени [2], и тот человек, который их отражает и которого, потому, Бог любит. Рассматриваемое на фоне книг Закона, Псалмов и Пророков выражение “обрести милость” тесно связано с Заветом Бога и грядущим Царством праведности.

Что такое милость, в том смысле, в котором использует это слово Иисус, лучше всего пояснить на примере двух случаев, когда он цитирует Осию 6:6: “Ибо Я милости хочу, а не жертвы”. Этот вопрос возвратит нас не только к контексту того, что сказано у Осии, но к

рассмотрению масштаба применения слова из Осии 6:6 и Псалма 17:26, переведенного как “милость” (“хэсэд” – по-еврейски). Это слово, также часто переводимое как “благоволение”, встречается в следующих ситуациях, описывающих: во-первых, отношение Бога к людям, во-вторых, отношение людей к Богу и, в-третьих, отношения между людьми. Произносимое Богом, слово “милость” определенно связано с Его Заветом. Доктор Снэйт, изучавший этот вопрос, отмечает, что более чем в 43 случаях слово “хэсэд” встречается с другими существительными: в 23 случаях – со словами “твердость”, “истина”, “верность”, в 7 случаях – с “заветом”, в 4 – с “праведностью”. Классическим примером может служить отрывок из книги Михея 7:20, где “верность Иакову” соседствует с “милостью Аврааму”, причем оба выражения означают обетования, данные Аврааму. В этой связи слово “хэсэд” справедливо было бы перевести как “завет любви” [3].

То же самое слово использовано в книге Иосии 6:4, где Бог говорит об отношении к Нему Израиля: “благочестие (хэсэд) ваше как утренний туман”. Слова, процитированные Иисусом в подобной ситуации, звучат так: “Господа они не познали” [4]. Контекст не оставляет никаких сомнений в том, что “милость”, которой желает Бог, – это преданное исполнение Его завета любви: “Я милости хочу... они же... нарушили завет”. Божья милость по отношению к Израилю проявлена, несмотря ни на что, в выполнении договора. Когда Иеремия, в главе, содержащей множество отголосков книги Осии, говорит: “Любовью вечною Я возлюбил тебя, и потому простер к тебе благоволение” [5], – он показывает, что движущей силой всего является любовь, а благоволение (хэсэд) – выражение любви и связано с нею постоянно.

Септуагинта часто заменяет слово “благоволение” на “милость”, и это последнее значение перенесено в Новый Завет, хотя легко понять, что ни в греческом, ни в русском языке нет слова, полностью соответствующего по смыслу ветхозаветному термину “хэсэд”. Иисус, вероятно, говорил с фарисеями на арамейском языке, цитируя места из Писания на еврейском, поэтому смысл, который он вкладывал в свои слова, не мог быть ограничен греческим языком.

В Матфее 9:13 Иисус, цитируя слова из Осии 6:6, имел в виду ситуацию, сходную с той, когда Израиль осознает, что нуждается в исцелении: “пойдем и возвратимся к Господу! ибо Он уязвил – и Он исцелит нас...”; Иисус же говорит: “не здоровые имеют нужду во враче, а больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию”. При каких же обстоятельствах произнесены были эти

слова? Это произошло на трапезе у Матфея, когда Иисус ответил на упреки, адресованные фарисеями его ученикам. Матфей принадлежал к презируемым всеми состоятельным мытарям, занимающимся сбором пошлин и налогов от имени правительства. Он покинул место сборщика, услышав призыв Учителя: “Следуй за Мной”. Как только представился случай, он устроил трапезу, чтобы отметить конец старой и радость начала новой жизни, жизни ученика Иисуса. Он был одним из “сынов чертога брачного”, веселившихся, пока “жених” – с ними [6], и в этом пиру принимало участие много старых знакомых Матфея, людей его же профессии, собравшихся для знакомства с Иисусом. По восточной традиции на праздник в качестве зрителей пришли и люди неприглашенные. Для фарисеев, столь педантичных в соблюдении ритуалов, камнем преткновения стало дружеское общение Учителя с “мытарями и грешниками”, однако, эти люди осознавали свою нужду в спасении, в то время как фарисеи были ослеплены уверенностью в своей праведности. По меньшей мере, один человек из презируемого всеми класса показал нечто большее: Матфей проявил свое благоволение по отношению к Христу, подчинившись его призыву следовать за ним, и это благоволение излилось на бывших товарищей Матфея, когда он собрал их повидаться с Господом. Именно среди сборщиков налогов и рыбаков должна была обнаружиться истинная милость как к Богу, так и к человеку. Фарисеи могли броситься в ноги к своему раввину, но они не познали той единственной любви, которая может связать людей с Богом.

Во второй раз Иисус использует слова Осии, будучи опять в компании с “сынами чертога брачного”, но теперь он сравнивает их с людьми Давида, подразумевая тем самым, что он и есть Семя Давидово. Это случилось, когда фарисеи возмущались, что ученики Иисуса в Субботу срывали колосья и ели. Тогда-то Иисус и напомнил им, “что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним” [7]. Сейчас же среди них был Тот, кто больше Давида и кто является Господином всего. Священники в Храме тоже нарушали Субботу, выполняя требования самого Закона, но были невиновны. Но среди них – “Тот, Кто больше Храма”, потому что в нем проявился Сам Бог Храма. Почему же его не узнали? Потому что они не понимали, что значит “милости хочу, а не жертвы”. Они подменили своей “праведностью” от закона любовь к Богу, а потому не увидели любви Самого Бога, открывшейся в Его Сыне, которого Он послал им. Поэтому же фарисеи осудили учеников Господа, столь же невинных, как и те священники, которые проводят в Субботу службу Богу в Храме. Но его узнали

открытые сердцем люди, отдавшие все, чтобы следовать за ним. Его ученики не всегда бывали милосердны в узком смысле слова; в своем рвении они могли заслужить выговор Христа, например, за просьбу обрушить огонь с небес на его врагов. Но они узнали своего Господина и Христа, потому что их сердца не были ослеплены иллюзией собственной безгрешности. Осознавая свои нужды, они смогли распознать Божественную любовь, обращенную к ним, и ответить привязанностью Богу и Его Сыну. С этого момента их души стали наполняться милостью к людям, и они вышли с риском для себя с посланием жизни во имя Христова, зная, что “обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов” [8].

Именно они были людьми Божьего завета, людьми “благоволения”, которым была дана возможность узнать и получить милость Бога, открывшуюся в Иисусе Христе. Однако на такое благоволение они никогда не смогут ответить полностью, они лишь могут его отразить в себе, чтобы люди, столь же неустойчивые, как и они, восприняли его, ведь оно даровано им в виде сострадания, которым “милует Господь боящихся Его” (Псалтирь 102:13). С этими людьми Бог “поступает милостиво”, ведь у них есть “глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать”. Они были помилованы, ведь, когда они общались с Христом, им были прощены грехи; они получают милость во всей полноте, когда, в день воскресения, разделят ее с Авраамом, и будут включены в вечный завет Бога: “милость же Господня от века и до века к боящимся Его”. До сих пор же лучшие из лучших среди них были лишь бледным отражением личности их Учителя, совершенного в любви к Богу и людям.

Этот завет о милости должен был в первую очередь проявиться в прощении людей, когда в них поселился грех, и они стали нуждаться в исцелении, поэтому любовь Божья приходит к ним в виде милости в обычном смысле слова. Однако человек по своей природе не хочет милости, он желает власти. Быть помилованным – неестественно для его собственного духа, ибо это означает признание Того Вечного, Кто полностью отличен от нас. Оставленное расти беспрепятственно наше внутреннее “Я” начинает самоутверждаться; если же человек молит о милости другого, имеющего большую власть, чем у него самого, его целью становится или сохранить себя, или приспособиться к тому, кого он не в состоянии проконтролировать. Вот почему человеческая религия имеет склонность к магии, при помощи которой люди стараются или добиться власти над невидимым миром, или

приспособиться к нему, или хотят иметь веру, соответствующую их “я”, или перенести свой воображаемый внутренний мир на каких-нибудь деспотичных Ваалов или Хамосов. “Нужно создать себе репутацию”, – вот одна из ведущих движущих сил человеческой природы, проявляющаяся как в отдельной личности, так и в группах людей. Когда неудачи посещают их, факты извне воздействуют на их философию, приводя к мысли о собственной ничтожности. Однако только этого недостаточно для прихода к Богу, вера в Бога милости нуждается в том, чтобы “я” было надломлено изнутри; почвой для ответного отношения, возникающего между человеком и Вечным Богом, является разбитое и кающееся сердце.

И необходимость в милости, и факты ее проявления описываются в Библии начиная с книги Бытия и вплоть до Откровения таким образом, что выделяют Библию среди всех других религиозных книг разных вероисповеданий, которые рождены человеческим разумом. “Когда мы были еще грешниками”, так возлюбил Господь мир, что отдал Сына Своего едиnorodного “умирать за нечестивых”, дабы всякий уверовавший в него “не погиб, но имел жизнь вечную”. Поэтому, как нет никакой другой основы для надежды на вечную жизнь во Христе, кроме понимания, что смерть, от которой он спасает – реальна, так и не существует иного основания для осознания “милости Божией”, кроме откровенного и полного принятия идеи греха. Человек, действительно, имеет долг перед Богом и нуждается в его прощении [9]. Сказанное Господом, таким образом, идет дальше простой точки зрения человека на самого себя, но указывает ему правильный способ общения с Богом и с другими людьми.

Слова Господа проникают в человека и обнажают его. Напомнив о его нужде в милосердии, они представляют его одинокой частичкой бессильной плоти, обнаженной перед светом Божиим. Такой ход мысли приводит нас к отдельной личности, которой необходимо узнать свою потребность и, в связи с этим, изменить свое отношение к другим людям. Тот же, кто получил Божью милость, не является более изолированным обломком рода человеческого, – он теперь тоже включен в Завет. Он становится неотъемлемой частью целого: народа Израилева, семьи Божией, тела Христова. Потому, слова, несущие в его дом страшную изоляцию, одновременно открывают ему путь в новый союз Божьего братства, основания будущего Царства. Сломав самонадеянность человеческой личности, Бог сплавивает людей в Храме, где они – “камни живые”. Здесь мы возвращаемся к идее о том, что Божьи “милость” и “завет” – понятия неразделимые, и мы уже не

сомневаемся, что Господом Иисусом подразумевалась вся полнота ветхозаветного значения слова, когда он говорил о милости, которой удостоится милостивые.

Примечания к главе 2.6

1. Псалтирь 17:25-28	5. Иеремия 31:3
2. Аввакум 3; Исход 34:6-7	6. Матфей 9:15
3. N. N. Snaith. Distinktive Ideas of the O. T.	7. Матфей 12:1-8
4. Осия 5:4	8. Иаков 5:20
	9. Матфей 6:12,14; 18:21-3

7. *Стоящие перед Царем (Матфей 5:8)*

*Блаженны чистые сердцем,
ибо они Бога узрят.*

Качества, формирующие личность учеников, постепенно расширяются, и тот порядок, в котором были даны благословения, раскрывает соотношение между этими человеческими характеристиками. Покорившиеся под воздействием жизненных испытаний люди стали кроткими и милосердными. Смирение – это самоотречение, рождающее стремление, направленное не вовнутрь, а вне нас самих: голод и жажду правды. В “благоволении” все эти качества сплелись воедино: на этом уровне ученик мог уже достичь “чистоты сердца”. Чистота же устанавливает мир внутри человека, влияющий на его отношения с другими людьми.

Слова Господа из Матфея 5:8 согласуются со сказанным в Псалме 23:4. В этом отрывке Давид говорит, что человек, который встанет на святом месте Божиим, – это “тот, у кого руки непорочны и сердце чисто”, такое сердце – одновременно “отличное” и “светлое”, как сказано в двух замечательных стихах из Песен Песней Соломона [1]. Уже было сказано, что еврейское слово, означающее чистоту, лишь в небольшой степени связано с идеей ритуальной оскверненности, или нечистоты; в этическом смысле слово использовано также в книге Иова 11:4 и в Псалме 18:10, всего же эти два понятия встречаются вместе только семь раз. В целом, слова Иисуса основываются на мысли из Псалма 23. Это – поэтическое размышление о том, что Господь в приближающихся к нему освятится и прославится перед всем народом, после чего земля наполнится славой Господней [2]. Кто же в действительности займет постоянное место в самом центре

Божественного плана? Не те ли, кто имеет “непорочные руки и чистое сердце”, и в ком Он освятится? Здесь мы достигли важнейшей точки наших рассуждений: они получают “благословение от Господа и милость от Бога Спасителя своего”. Поразительно, что Иисус, будучи личностью без изъянов, тоже нуждается в праведности, обещанной ему милостивым Богом. Правда и в том, что духовный род, поколение истинного Израиля, образцом которого является этот человек, назван родом, ищущим Бога. Как сказано у псалмопевца: “Таков род ищущих Его, ищущих лица Твоего”; это – истинное семя Иакова. Отталкиваясь от этих слов, Иисус пришел к заключению: кто стучит, тому открыто будет, кто спрашивает, тому ответят, и чистые сердцем найдут Бога, которого ищут. В своем поиске они не одиноки: Бог есть дух и ищет тех, кто поклоняется Ему в духе и истине [3].

Но Иисус мог обратиться не только к двадцать третьему псалму. Подобная мысль встречается и в Псалме 72:1: “Как благ Бог к Израилю, к чистым сердцем!” Этот вывод делает Асаф, ввязавшись в борьбу против “благоденствия нечестивых”, которая явилась для него камнем преткновения, и “едва не пошатнулись ноги” его. Смысл сказанного им состоит в том, что только “чистые сердцем” способны постигнуть Божественную чистоту, которую Бог открывает в Своих отношениях с человеком; Давид говорил об этом так: “Ты поступаешь с чистым – чисто” [4].

Здесь мы достигли кульминации учения Господа. Только чистое сердце способно сделать чистой жизнь, подобно тому, как только крепкое дерево рождает хороший плод. Только с непорочным сердцем можно жить, постоянно чувствуя присутствие Бога, ибо никакое другое сердце не способно сохранять твердое желание узнать Бога или быть узанным Им. Не обернувшись в покров чистой жизни, ни один человек не окажется в обществе Царя, иначе он почувствует себя гостем, пришедшим на брачный пир без свадебного одеяния. Говоря это, Иисус ставит точку в толковании праведности как причины человеческих поступков: пока действия не выражают сердца, они – испорченный плод с прогнившего дерева, как бы ни приятна была кожура таких плодов и их облик; если их попробовать, убедишься, что они в действительности – гнилые.

Позже только в двух случаях в Новом Завете мы встречаемся с выражением “чистое сердце”, и оба раза – в посланиях Павла Тимофею. В первом послании (1:3-5) апостол поручает Тимофею: “увещевать некоторых, чтобы они не учили иному”, – и объясняет причину, по которой дано такое внушение: “цель же увещания есть

любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры”. Во втором послании Тимофею (2:22) Павел внушает: “держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца”. Мы не можем не заметить в этих высказываниях, особенно в последнем, переключки с Нагорной Проповедью; трудно что-либо добавить к апостольскому толкованию того, что значит “чистота сердца”.

“Блаженны сии слуги твои, всегда предстоящие перед тобой”, – Сказала Царица Савская Соломону. Считалось великой привилегией для “семи князей Персидских и Мидийских... видеть лицо царя” [5]. Давид мог обратиться к Господу на этом языке восточного дворцового этикета и сказать: “лице Его видит праведника” [6]. На языке Иисуса, обещавшего, что “чистые сердцем Бога узрят”, это означает также видение Царства Божьего, где они увидят воцарившегося Бога [7]. Видеть Царя значит быть допущенным в Его общество, а для слабого человека, т. е. для каждого из нас, это невозможно без примирения. Иов, в самом ясном заявлении о своей вере, сказал, что Бог Сам оправдает его в последний, судный, день, восстановив “из праха”; в этот день, говорит Иов, “я во плоти моей узрю Бога” [8]. Таким образом, Бог, по-видимому, более не будет его противником; уверенность Иова в том, что глаза его узрят Бога, означает, что они будут вместе. В этом смысле и Елиуй использует это выражение, когда говорит, что “если есть у него Ангел-наставник, один из тысячи”, чтобы показать человеку прямой Божий путь, то Бог скажет: “Я нашел умиловление, а избавление человека от страданий проявится в том, что он с радостью будет взирать на лицо Бога [9].

Позже, в Новом Завете, мысль Христа развилась в двух замечательных направлениях. Во-первых, тот, кого они должны были увидеть воцаренным, был Сын Божий, ставший проявлением Отца. У апостола Павла в Послании к Евреям 12:14 есть ссылка на Нагорную Проповедь: “святость, без которой никто не увидит Господа”. О каком Господе идет речь? В этом же послании уже говорилось об Иисусе как о Господе [10], а потому мы не можем не заключить, что “Господь”, которого они узрят, – это Сын, сияние Божественной славы, когда он воцарится и будет властвовать. В Откровении 22:3-4 использованы слова из Есфири 1:14 и Псалма 10:7 о “престоле Бога и Агнца”: “и рабы будут служить Ему. И узрят лице Его”. Чье же лицо увидят они? Владельца престола, являющегося проявлением Бога в Агнце. И Иоанн говорит об Агнце: “Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть” [11].

Второе направление, по которому развивается эта мысль, приводит нас к заключению, что “узреть Бога” означает не только благословение в будущем; “чистые сердцем” даже в дни их плотской жизни имеют знание о Нем, к которому другие не допущены. Сказанное можно сопоставить с отрывком из 1 Послания Фессалоникийцам (4:5), где говорится, что нечистота сердца – результат пренебрежения Богом и отсутствия знания о Нем: “в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога”. Но и этот ход мысли возвращает нас к проявлению Бога; если апостолы могут уже сейчас видеть Бога, то это потому, что они видят Его отражение в Христе, и потому – в Христе, что преклонение, введенное для Израиля, было отменено. “Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу”. “Потому что Бог... озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа” [12].

Примечания к главе 2.7

1. Песни Песен 6:9,10	7. Сравните с Исаией 52:7
2. Левит 10:3; Числа 14:21	8. Иов 19:25-27
3. Иоанн 4:23-24	9. Иов 33;23-26; Исаия 33:17
4. Псалтирь 17:26-27	10. Евреям 2:3; 7:14
5. Есфирь 1:14	11. 1-е Иоанна 3:2
6. Псалтирь 10:7; 16:15; 139:14	12. 2-е Коринфянам 3:18; 4:6

8. Сыны Божии (Матфей 5:9)

*Блаженны миротворцы,
ибо они будут наречены сынами Божиими.*

Мир – это плод того преобразования, о котором говорится в конце предыдущей главы. Он нисходит от мудрости свыше, “от Отца светов”, от Которого приходит всякий добрый дар [1]. Бог называет Своими сыновьями тех, кто отражает в себе Его характер, подобно Христу, проявляя себя не только мирными людьми, но миротворцами; Павел, рассуждая о Божественной природе, говорит: “Бог не есть Бог неустройства, но мира” [2]. Бог мира рождает детей мира, чьи поступки мирные.

Синонимы, часто используемые в Библии, могут отличаться оттенками смысла. В качестве примера могут служить два греческих слова: “сын” и “ребенок”. Иоанн с особенной нежностью обращается к

верующим как к “маленьким детям” и подчеркивает, насколько зависимы они от Отца: “Возлюбленные, мы теперь дети Божии” [3]. Слово же “сыновья” выражает высшую степень связи с Отцом, и, в то же время, определяет сына как индивидуума со своим собственным характером; он тем более должен быть признан личностью из-за своего сходства с отцом. “Бог мира”, – вот любимое выражение Павла. Существует, однако, и еврейское словосочетание “сыны Божии”, смысл которого – в моральном родстве, “усыновлении” путем прощения грехов.

Становится понятной мысль, содержащаяся в книге Исаии 58, где “дом Иаковлев” осыпается упреками за выступление его против миротворцев: “вы поститесь для ссор и распрей... вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте” [4]. Но если ты “отдашь голодному душу свою, и напитаешь душу страдальца: тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень” [5]. Это – полная противоположность “ссорам и распрям”: истинный пост для призванных Богом – милосердная жизнь, идущая от чистого сердца и несущая мир, тот мир, который является не просто отсутствием раздоров, а устроением жизни в любви. Результатом, к которому с Божьим благословением это ведет, будет восстановление: “И застроятся потомками твоими пустыни вековые: ты восстановишь основания многих поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения” [6]. “Восстановитель развалин” – есть ли лучший синоним слову “миротворец”? Если погибшие жилища Давидовы восстанут вновь и больше никогда не упадут, их основания должны стать прочнее камня: они должны покоиться на жизнях, полных доброты и любви, и их опоры должны быть установлены в духовном мире. Послание Исаии с определенностью говорит, что не один Бог творит мир в Царстве, но и люди, жизни которых были мирными, и которые восстанавливают развалины. Миротворец – это ни тот человек, который замазывает трещины, чтобы их не было видно, и ни тот, кто идет легким путем внешнего дружелюбия. Мир творится созидающей силой любви, и это верно, думаем ли мы о воздвижении поврежденных стен или о заживлении травмированного тела. Исаия показывает нам картину восстановления разрушенного города, потому что для него материальное и духовное – части единого целого. Таким полнокровным смыслом наполнено слово “миротворцы” в размышлениях Иисуса: те, кто наставлен в любви, строят сейчас дом Божий в Его царстве, они – “восстановители развалин”, их жизнь –

жизнь созидателей; те же, кто живет в “спорах и распрях”, – разрушители. Это созидание перенесено в то Царство, где нет места разрушению.

Однако верховным Миротворцем (и в этом, и в остальных смыслах) является сам Сын Божий: в Новом Завете именно к нему относятся такие слова: “Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в Нем (Иисусе) обитала всякая полнота и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его” (Колоссянам 1:19-20). “Ибо Он есть мир наш”, он – “восстановитель развалин”, а потому на нем, как на краеугольном камне, “все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе” [7]. Как он стал творцом спасения, так – и созидателем мира и предшественником всех своих братьев – миротворцев, ведь и они отражают в себе, хоть и в очень небольшой степени, это качество, в котором он должен быть навеки верховным.

Самое полное толкование мысли Господа можно найти в отрывке из послания Иакова (в результате нелепого искажения ставшего для многих неясным), который чаще использовался, чтобы оправдать борьбу с оппонентами, а не наоборот. “Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна...” [8], – это не означает, что мира можно достичь, когда ваш противник сокрушен. “Во-первых” не подразумевает момент времени, как если бы вы были “чисты” на этой неделе, а на следующей, когда ваши неприятели были бы уничтожены, – стали бы “мирны”. Такая примитивная философия принадлежит не Христу, а Гитлеру, который, в конце концов, “умиротворился” только путем самоубийства. Кто-то мог приписывать ему чувство искреннего стремления к миру, – но однажды все споры с ним были кончены. Подобно многим искажениям смысла Писания, в данном случае это стало возможным, потому что из контекста была вырвана маленькая, как осколок, цитата. Иаков же говорит, что мир приходит от чистых сердцем, раздоры же – от порочных.

“Горькая зависть и сварливость”, – говорит Иаков, – это не есть мудрость, нисходящая свыше” [9]. Источник этих качеств – земной, человеческий, а результат их проявления – беспорядок, который на языке того времени мог быть назван “бесовским”: “где зависть и сварливость, там неустройство и все худое” [10]. Обыгрывая слово “бесовский”, мы можем сказать: “Это обиталище демонов”. Здесь перед нами вырисовывается воистину грустная картина, иллюстрирующая “дела плоти”, которая особенно перекликается (что мы увидим в 4 главе) с тем, что описано в Послании к Галатам 5:19-20.

В противоположность этому мраку Иаков описывает мудрость, нисходящую свыше, от Отца света, и приносящую (снова на ум приходит Послание к Галатам, глава 5) “плоды Духа”. Первое, что характеризует такую мудрость, – то, что она “чиста”. Опять Иаков, в большей степени, перекликается не со словами, а с мыслями Господа, для чего использует другое слово для определения “чистого”, которое ближе по смыслу к “святости” или “непорочности” (как в Послании к Евреям 12:14), чем к идее очищения, или катарсиса. Это говорит об освобождении от любого рода осквернений и “хранении себя неоскверненным от мира” [11]. Слово могло использоваться при описании просто церемониального очищения [12], но в моральном смысле – это та “чистота”, о которой пишет Павел Тимофею [13]. Иаков употребляет это слово также в смысле полного освобождения от внутреннего позора, или запятнанности, как и в Послании Иоанна, где последний говорит о Сыне, являющимся проявлением Отца: “И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя, так как Он чист” [14]. Петр также применяет глагол “очищать” в отрывке, отражающем образ мыслей Господа, выражаясь при этом на языке Иакова: “Послушанием истине через Духа очистивши души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца” [15]. Тот, кто послушен этому завету, действительно будет миротворцем.

Иаков завершает свои рассуждения многообразными ссылками на Нагорную Проповедь: “Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир” [16]. Вся же глава, начинающаяся предостережениями против амбиций желающих стать учителями [17], подобна предупреждению Господа о лжепророках, которые внесут беспорядок и смятение в ряды верующих. В стихах 11-12 сказано: из источника течет на поверхность та же вода, что зародилась на глубине, и дерево дает плоды, соответствующие своему сорту. Последнее – любимое сравнение Господа, впервые встречающееся в Матфее 7:16-18. Эти два образа запечатлелись в памяти Иакова и окрасили его язык, и сейчас он возвращается к дереву как к метафоре. Доброе дерево дает хорошие плоды. Посадка его – скромная работа, но выполняют ее миротворцы, “чистые сердцем” [18]. Сам рост может быть незаметным, но рождающийся в результате плод – это “сильные правдою насаждения Господа во славу Его” [19]. Для посадки таких насаждений существуют определенные условия, в которых Бог работает с людьми: это делается “в мире”, а не в борьбе, разрушающей зерно правды.

Ничто, однако, кроме терпимости к поступающим неверно и пытающимся учить неправильно, не следует как из учения Иисуса, так

и Иакова. Единственная цель обоих – убедить в необходимости отличать “черное от белого”. Опасайтесь лжеучителей, говорит Иисус, и эта фраза – обратная сторона благословения миротворцев, потому что существуют те, кто сеет раздор и разрушает жизнь, и вы можете узнать их по делам. Опасайтесь самих себя, говорит Иаков, и не стремитесь все стать учителями; отличайте сладкое от горького, исходящее из ваших уст, и, если что-то и нужно изменить, то это – мудрость, идущую снизу, а не свыше. И Иисус, и Иаков горевали по поводу существования враждующих учений в Церкви и той борьбы, которая в результате рождается, и поддерживали оба скорее нравственную, чем интеллектуальную первопричину этих раздоров. Искажение сначала возникает в сердце, и лишь потом отражается в сознании: корень ереси – в эгоизме. Кто, пересматривая печально разнообразную историю Семьи Божьей, решится отрицать, что первоначальным поводом к возникновению большинства войн и раздоров было соперничество или зависть? Мы не можем судить людские сердца, но мы призваны быть судьями их плодов, так же, как и наших собственных.

Павел тоже упоминает, что “горькое” связано в контексте с чистотой и миром. “Горький корень” из Послания к Евреям 12:15 – это ссылка на “корень, произрастающий яд и полынь”: человек или семья, служащие идолам других народов (Второзаконие 29:18). Этот корень оскверняет, говорит Павел. “Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа” [20]. Порядок вещей изменился, но мысль – все та же, что и в Благословениях. Непорочный, освященный, чистый – слова разные, а идея одна: чистые сердцем увидят Бога, и они – миротворцы.

Примечания к главе 2.8

1. Иаков 1:17	12. Как в Иоанне 11:55, Деяниях 21:24, 26 и т. д.
2. 1-е Коринфянам 14:33	13. 1-е Тимофею 4:12; 5:12
3. 1-е Иоанна 3:2	14. 1-е Иоанна 3:3
4. Исаия 58:4	15. 1-е Петра 1:22
5. Исаия 58:10	16. Иаков 3:18
6. Исаия 58:12	17. Иаков 3:1
7. Ефессянам 2:14, 21	18. Матфей 5:9
8. Иаков 3:17	19. Исаия 61:3
9. Иаков 3:14-15	20. Евреям 12:14
10. Иаков 3:16	
11. Иаков 1:27	

9. *Веселье во имя Господа (Матфей 5:10-12)*

*Блаженны изгнанные за правду,
ибо их есть Царство Небесное.
Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать
и всячески неправильно злословить за Меня;
Радуйтесь и веселитесь,
ибо велика ваша награда на небесах:
так гнали и пророков, бывших прежде вас.*

Счастье Благословенных – это не столько душевное состояние, сколько привилегированное положение. В речах Иисуса есть одно место, где он призывает предназначенных для Царства познать свое счастье и радость в нем, при этом высшей точкой в обращении является – и в этом состоит замечательный парадокс – благословение страдающих от гонений во имя его. Три стиха, с 10 по 12, о которых идет речь, насквозь пронизаны языком Исаии, в особенности, они перекликаются с Исаией 51:7-8. У Исаии, в главе 50, показано, что орудие спасения Господня пострадает даже больше, чем “сыновья”, которых он спасет [1] и о которых сказано в стихе 49:13 как о “страдальцах”. Из-за того, что ухо его открыто для заповедей, и он не отступил от них [2], он может сказать: “Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим лица Моего не закрывал от поруганий и оплевывания” [3]. Он держит лицо свое как кремь, потому что Господь Вечный оправдывает его, в то время как осуждающие его “как одежда обветшают; моль съест их” [4]. Раб не одинок в своих страданиях, потому что он выносит их не только ради себя самого; это воодушевляет человека, боящегося Господа, который “слушается гласа Раба Его”, “уповаяет на имя Господа и да утверждается в Боге своем” [5]. Даже если небеса и земля исчезнут со всеми жителями, останется то, что непоколебимо для тех, кто получит Царство, которое не может быть уничтожено: “Мое спасение пребудет вечным, и правда Моя не престанет” [6]. За примером страдающего Раба (и еще раз возвращаясь к словам об одежде, погибающей от моли) следует такое послание:

Послушайте Меня, знающие правду,
народ, у которого в сердце закон Мой!
Не бойтесь поношения от людей,
и злословия их не страшитесь.
Ибо, как одежду, съест их моль,

и, как волну, съест их червь;
а правда Моя пребудет вовек,
и спасение Мое – в роды родов. [7]

Поразительно, что Иисус приравнивает страдания “за правду” к страданиям за Него (Матфей 5:11); кто же это, отождествляющий себя с правдой? Ответ можно получить у Исаии: все слова, на которые ссылается Иисус, – мессианские. Это касается Царства и Раба, который должен пострадать и прославиться, причем, те, кто слушается голоса учителя, должны быть, как он сам [8]. Следует заметить, что те, кто “слушается гласа Раба Его”, и есть “стремящиеся к правде” [9]: отождествление, сделанное Иисусом и не нуждающееся в объяснениях, мы находим уже у Исаии.

Мысль эта, однако, может быть продолжена: “за имя Мое” звучит как эхо в Исаии 66:5, где сам Господь говорит: “Выслушайте слово Господа, трепещущие перед словом Его: ненавидящие вас и изгоняющие вас за имя Мое говорят: пусть явит Себя в славе Господь, и мы посмотрим на веселие ваше”. Но “они будут пристыжены”. Это выражение (“за Меня”) произносится Господом в Матфее 10:22; 19:29; Марке 13:13; Луке 21:12,17. Единственный, кто мог так говорить, – тот, кто воплотил Спасение Господне и носит Его имя. Он сам говорит ученикам словами Исаии: “И будете ненавидимы всеми за имя Мое” [10].

В Матфее 5:12 Иисус прямо сравнивает учеников с пророками, и это не просто историческое сопоставление; тем самым, показано, насколько глубоко Иисус обдумал пророческие слова. “Радуйтесь и веселитесь”, – говорит Иисус так, как будто веселие праздника Царства уже наступило для нас; эти же слова звучали на празднике Пасхи при царе Езекии и при освящении восстановленной иерусалимской стены [11]. Радость – в восхвалении Бога и Его славы, но такова же и “радость Господина твоего”, когда “добрый и верный раб” вместе с ним входит в Царство, куда он был приглашен [12].

Их вознаграждение – “на небесах”, они сохранены Богом, как сокровище, для Его цели, Его Царства, уготованного им “от создания мира” [13]. Говоря словами Петра, это наследство хранится на небесах. Давид сказал об этом так: “Как много у Тебя благ, которые Ты хранишь для боящихся Тебя” [14]. В свете Ветхого Завета становится ясно, что сказанное в Матфее 6:19-20 – это продолжение мысли о “награде на небесах” из Матфея 5:12.

Подобным образом Иисус может использовать другой хорошо знакомый образ Ветхого Завета, а именно, “книгу Бога”, в которую

вписаны имена тех, кто” живет у Него” [15]. Потому он и говорит своим ученикам, чтобы они радовались тому, что их имена “написаны на небесах” [16]. Подобно многим важным образам Ветхого Завета, этот возвращает нас к Моисею, молящемуся Богу и просящему Его, если Израиль не будет прощен: “Изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал” [17]. Исаия же мог сказать об “остатке”: “Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для жития в Иерусалиме” [18]. Несомненно, это означает жизнь вечную, жизнь в Царстве Божиим, – так развивает и интерпретирует этот образ Иисус.

Сказанное оставило свой след в сердцах слушателей Нагорной Проповеди. Когда апостолы были освобождены из синедриона, “они... пошли... радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие” [19]. “Но если и страдаете за правду, то вы блаженны, – говорит Петр, – но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете... Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны” [20].

Был ли Иаков, брат Господа, среди слушателей? Нигде нет такого количества ссылок на Нагорную Проповедь, как в его послании. “В пример злострадания и долготерпения возьмите, братья мои, пророков, которые говорили именем Господним. Вот, мы ублажаем тех, которые терпели”. “С великой радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения”. “Блажен человек, который переносит искушения, потому что, быв испытан, он получит венец жизни” [21]. Павел тоже обнаруживает свое знакомство с учением Господа [22].

Этими стихами мы завершаем изучение проповеди Блаженства. Оно было столь протяженным и детальным, потому что эти высказывания являются для нас фундаментом, на котором строится все наше рассуждение. Проследить, где в почве Ветхого Завета кроются корни речей Иисуса, – это гораздо больше, чем простое изучение. В этих коротких стихах – квинтэссенция сказанного пророками, сущность Надежды Израиля

Примечания к главе 2.9

1. Исаия 49:25
2. Исаия 50:5
3. Исаия 50:6
4. Исаия 50:7-9
5. Исаия 50:10
6. Исаия 51:6

7. Исаия 51:7-8
8. Сравните с Матфеем 10:24-25
9. Исаия 50:10; 51:1
10. Матфей 10:22
11. 2-я Паралипоменон 30:23
12. Матфей 25:21-23

13. Матфей 25:34
14. 1-е Петра 1:4-6; Псалтирь 30:20
15. Лука 20:38
16. Лука 10:20
17. Исход 32:32
18. Исаия 4:3

19. Деяния 5:41
20. 1-е Петра 3:14; 4:13-14
21. Иаков 5:10-11
22. Римлянам 5:3; 2 Коринфянам
2:10; Колоссянам 1:24; 2
Тимофею 2:12; Евреям 10:

10. Верующие и мир (Матфей 5:13-16)

*Вы – соль земли.
Если же соль потеряет силу,
то чем сделаешь ее соленою?
Она уже ни к чему негодна,
как разве выбросить ее вон
на поправление людям.*

*Вы – свет мира.
Не может укрыться город,
стоящий на верху горы.*

*И зажегши свечу,
не ставят ее под сосудом,
но на подсвечнике
и светит всем в доме.*

*Так да светит свет ваш перед людьми,
чтобы они видели ваши добрые дела
и прославляли Отца вашего Небесного.*

Характер граждан Царства Божьего, включенных в Его Завет, описан в проповеди Блаженства. В обращении Иисуса, которое мы читаем у Луки 6:20-26, подобные благословения соседствуют с проклятиями по отношению к “богатым”, “пресыщенным ныне”, “смеющимся ныне”, тем, о ком сейчас люди “говорят хорошо”; их судьба полностью изменится. Они, получившие утешение уже “ныне”, не будут иметь ничего, кроме осуждения и следующей за ним скорби. Их сокровища – не на небесах; Иаков говорит им, ссылаясь на слова Иисуса: “вы собрали себе сокровища на последние дни” [1]. Доверяющий богатым найдет потом их золото “изоржавленным”, а их одежды – изъеденными молью [2]. Исчезнет то, от чего зависела их жизнь.

В Матфее 5:3-12, однако, эта категория людей упоминается лишь косвенно: благословения гонимых и оскорбленных показывают, какое положение будут занимать люди Божии по отношению к окружающему их миру. Эта мысль является фоном для двух высказываний Иисуса, иллюстрирующих его заповедь о том, какими должны быть ученики по отношению друг к другу и к миру вокруг них.

“Вы, – настойчиво говорит он, – соль земли”. Соль, особенно в теплом климате, – это жизненная необходимость. Будучи в изобилии рядом с Соленым Морем, она свободно использовалась в пищу и для медицинских целей, ее добавляли в корм скоту [3]. Любая еда содержит в себе соль в той или иной форме, а потому разделить с человеком трапезу называлось “съесть соль”, а принять участие в общем застолье – как и сейчас среди бедуинов – означало побрататься [4]. Заключение завета сопровождалось жертвенной едой, и “завет соли” отличался святостью и прочностью. “Господь, Бог Израилев, дал царство Давиду над Израилем на век, ему и сыновьям его, по завету соли” [5].

Несомненно, из-за этой связи с заветом, соль стала широко применяться в ритуальных целях. Будучи приправой, она символизировала нечто, что придает вкус чему-то пресному; как консервант, она была эмблемой неподкупности в противовес непостоянству, изменчивости человеческой природы, и, в конечном итоге, стала символом верности. “Всякое приношение твое соли солью, и не оставляй жертвы твоей без соли завета Бога твоего: при всяком приношении твоём приноси соль” [6]. Возможно, что соль использовалась также при приготовлении курений, так как в некоторых случаях слова “сделай... состав” передавались как “приправь солью” [7].

Для мирского человека кротость, нищета духа являются пресными добродетелями слабых, нежизнеспособных людей, занимающих низкое положение в обществе; эти качества – признак “рабской морали”. Для Иисуса же истина состоит в совершенно противоположном: Божьи люди, для него, – не “пресные”, а “соленые”, то есть имеющие особый вкус и силу характера. Когда человеческая гордыня приводит к соперничеству среди его учеников, он говорит: “Имейте в себе соль, и мир имейте между собою” [8]. Соль смирения придает такому миру особый вкус. Однако это мощное жизненное качество не принадлежит человеку по его природе. Как же достигнуть его? Только путем самодисциплины, которая есть самопожертвование, – вплоть до того, что, если рука грешна, нужно ее отсечь, а если глаз соблазнился чем-то

– вырвать его. Эта соль является жертвенным свойством и зарабатывается только “представлением тел ваших в жертву живую”.

Высшая жертва, посредством которой новый завет должен был узакониться, еще не была принесена и не могла, в тот момент, стать частью учения Иисуса, но она могла уже быть в его сознании. Несмотря на это, он, безусловно, учит тому, что люди Царства должны быть людьми истинного Божьего завета, а сравнение с солью связывает их с “солью завета Бога”. В основе всей Нагорной Проповеди лежит противопоставление истинного Израиля ложному: “Их есть Царство” означает “их, а не других”; по этой же причине, произнося: “Вы есть соль”, – Иисус делает ударение на местоимении.

Угрозой судьбе Израиля звучит напоминание о том, что соль остается солью только до тех пор, пока она сохраняет свою силу. Чистая соль, действительно, имеет тот же химический состав, находясь в сухом виде или в растворе; не совсем же очищенное вещество, при ежедневном употреблении в условиях Палестины, может “стать безвкусным” из-за испарения. Небольшое количество соли может стать полезным удобрением, для чего ее либо подсыпают в землю, либо добавляют в навоз [9], но порода из отвалов добытой каменной соли ни для чего не годится, она должна быть выброшена на дорогу, где будет втоптана в землю. Соль, пришедшая в негодность в хранилище Храма, могла быть употреблена для изготовления ступеней, менее скользких во влажную погоду, или наклонной плоскости над алтарем, которая становится опасной, будучи облита кровью. В любом случае, такая соль “выбрасывалась вон на поправление людям”, – вот поразительный способ отбраковки: она становилась пылью под ногами.

Эта соль, как сказано, становится “несолона” [10]. Это близко к состоянию “Израиля во плоти”; Р. Ф. Веймус в заметках к своей книге “Новый Завет в современном звучании” пишет: “Второе предложение из 13 стиха – это первое записанное предсказание нашего Господа о неприятии Бога по отношению к его землякам, – неприятию, которое так близко – являющимся результатом неумения ответить на Божественное избрание”. В еще большей степени это было уроком для учеников, состоявшим в предупреждении о том, что, если одно поколение “избранных” было отвергнуто, то же может случиться и с другим; их репутация Божьего народа зависела от сохранения ими “солености”, а не от произвольного выбора; “они отломались неверием, а ты держишься верою”, верою со всем, что из нее следует и что отражается на образе жизни [11]. Орывок из Послания к Евреям (6:4-8) очень точно комментирует ту же мысль.

Сказанное имеет отношение ко всем качествам, которые, по словам Иисуса, благословенны, но особенно, к тем, что описаны в конце проповеди Блаженства. Останутся ли ученики неизменны, верны ему, будучи гонимы за его имя? Вопрос не только в том, продолжают ли они открыто исповедовать это имя, но останутся ли истинно, а не номинально, народом Божьего Завета, сохраняя “соль завета” в своей жизни. Без духа Христова с его кротостью и чистотой они ему не принадлежат и должны быть “изгнаны”. Имея это в виду, ученики неоднократно подчеркивали, что им необходимо смиренно пострадать от позора и гонений [12]. Используя, в Луке 14:25-35, соль как символ, Иисус говорит об ответственности апостолов и важности верного понимания учения. Здесь, в Нагорной Проповеди, мысль, вытекающая из этого образа, обобщает весь смысл, который нес символ соли в других речах Иисуса.

Контраст с теми людьми, которые были “иудеями по наружности”, видится яснее, когда Иисус говорит: “Вы – свет мира”; несомненно, в прошлом эти слова предназначались Израилю. Моисей, призывая Израиль хранить Божии заповеди, произносит: “Ибо в этом мудрость ваша и разум ваш перед глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный” [13]. Сами евреи понимали сущность идеи миссионерского предназначения Израйля, что постоянно подчеркивается в пророческой и раввинской литературе. Уже в достаточно раннее время они знали, что их миссия состоит в том, что, при условии соблюдения ими Божьего Завета, они будут не только “народом святым”, но и “царством священников” [14]. Но чьими священниками они будут? Такая служба подразумевает двустороннюю связь: с Богом и с людьми. Как человек, “из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу” [15], священник является одновременно и учителем, и посредником. Существовали обязанности священников-левитов перед двенадцатью коленами, и, хотя им не может быть навязано обращаться и к людям, находящимся вне завета, которым не назначено приближаться к Богу, “Царство Священников” должно иметь некоторые обязательства перед людьми земли. Их долг состоял в том, чтобы быть свидетелями Бога, соблюдать Его законы и, таким образом на своем примере учить других. И, действительно, создается впечатление, что посредничество не было упразднено, ведь Павел призывает “совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков” на том основании, что Бог, Спаситель наш, “хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины”

[16]. Цель Бога, состоящая в том, чтобы вся земля наполнилась Его славой, высказывалась на протяжении всех Его отношений с Израилем, и Моисей, как показывает Павел, ожидал того дня, когда все народы возрадуются в Господе [17]. Для достижения этой цели Израиль был избран Богом как Его передовая часть, и позже Господь мог сказать о нем устами Исаии: “Этот народ Я образовал для себя; он будет возвещать славу Мою” [18]. Этот народ был избран среди других наций не ради самого себя, а для того, чтобы через него благословение Авраама распространилось на все семьи земли, и, таким образом, был прославлен Бог.

Для этого Израиль был подобен “городу, стоящему на верху горы”. Географически необычно расположенный, он находился в точке соприкосновения соперничающих культур древнего мира, на пути их движения, на земле баталий и столкновений их сил. Давид и Соломон на короткое время высоко вознесли царство; визит Царицы Савской стал как примером того, какое влияние мог оказывать Израиль, так и прототипом прихода языческих царей к восходящему над Сионом сиянию [19], когда, в конце концов, предназначенная ему Богом судьба свершится. Но даже когда ушли сила и процветание, мир не мог быть слеп к особенностям еврейской жизни, пока соблюдался Закон и сохранялось храмовое поклонение.

Две опасности преследовали Израиль на протяжении его истории. Первая заключалась в том, что Израиль перестал быть святым: уподобившись народам, жившим вокруг него, он уже не был носителем данного ему свидетельства. Другая угроза состояла в том, что Израиль прекратил быть народом священников: становясь все более уверенными в своей правоте, израильтяне уже не свидетельствовали перед другими о том, что знали сами. Однако, демонстрировали они миру Божью любовь или собственную ненависть, они всегда были на виду.

Комментаторы обратили внимание на то, что город Цефаф, видимый с предполагаемого места произнесения Нагорной Проповеди и находящийся приблизительно на высоте тысячи метров над уровнем моря, хорошо соответствует описанию “города, стоящего на верху горы”, в то же время гора Фавор, близко знакомая Господу по его жизни в Назарете, была также увенчана поселением в те дни. Но в его сознании мог возникнуть и другой город, даже более похожий на описанный. Когда он был двенадцатилетним мальчиком, впервые идущим на Пасху, он, проходя сквозь Перею вместе с другими паломниками, с трудом преодолевал крутую и опасную дорогу через

Иерихон. Когда они поднимались на гору Елеонскую, их глазам открывалось одно из замечательнейших мест на земле. Высоко на горе Сион, сверкая белизной от контраста с тенистыми скалами зловещей долины Кедрон, стоял Храм Ирода из снежного известняка, поблескивающий золотом. Ни один мальчик с богатым воображением не забудет такого зрелища. Что за образ должно было оно оставить в живом сознании ребенка, который несколькими днями позже будет найден в Храме, задающим вопросы раввинам? Эта картина будет повторяться год за годом до тех пор, пока Иисусу не исполнится тридцать лет и пока он будет регулярно приходить на праздник. Это был тот город, который воплощал во всей своей красоте и значительности саму израильскую жизнь и ее цель. Придет день, когда Иисус будет рыдать о разрушении, которое должно будет постигнуть этот город; тогда он переведет своих учеников через долину тени на склоны Елеонской горы, где расскажет им, когда солнце зайдет за Иерусалим, о том, что должно будет случиться.

Его ученики – как “остаток, другой Израиль – унаследуют обязанность стать свидетелями для мира. Они не смогут спрятаться, как община верующих, они будут на виду, известны и осуждены. Хотя они могли спрятать свои лампы, будут они видны для славы Божьей или нет, зависит от света, излучаемого каждым из них. Горящий всю ночь светильник был признаком жизни в доме. Потушенный же свет – синоним угасания семьи [20]. Ставить домашний светильник под спудом – настолько пустое дело, что ни один человек, будучи в своем уме, так бы не поступил. Керамическая лампа была бы помещена на деревянную подставку, и, таким образом приподнятая, давала бы тусклый свет скромному жилью, чтобы он “светил всем в доме”. Во время свадебной процессии каждая девушка несет свой светильник на шесте вместе с сосудом, содержащим запас масла. Помимо этих бытовых иллюстраций Иисус не забыл и о другом символе – подсвечнике с семью лампадами, освещающем святилище.

Община верующих в Иисуса Христа в видении Захарии представлена в виде золотого светильника, обрамленного двумя оливковыми ветвями. Доктор Джон Томас в книге “Эллис Израэл” (“Надежда Израиля”) говорит: “Без этой группы людей, несущей светильник, мир всех поколений, от апостольских времен до наших дней, был бы лишен света и погружен во тьму. Это Единое Тело, христиане, было золотым светильником с семью лампадами, несущим свет в течение всего мрачного периода язычества”. Поскольку это

верно, нельзя упускать из виду, что, как сказал Иисус, свет в большей степени олицетворяет работу, чем слова.

Парадокс состоит в том, что одни и те же люди и преследуют апостолов во имя правды, и славят Бога за их добрые дела, и это – реальность жизни. Люди – а иногда это одни и те же люди – и бранят, и почитают праведников; искренняя же личность, по характеру близкая к Христу, всегда вызывает восхищение. Особенно проясняют рассматриваемые в этой главе стихи слова Петра, обращенные к находящимся в Рассеянии, с призывом “проводить добродетельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословят вас, как злодеев, увидя добрые дела ваши, прославили Бога в день посещения” [21]. Клевета, как и предсказал Господь, стала общим испытанием всех верующих, и римский историк Сутоний, к примеру, называл христиан “слугами дьявола”; Петр, однако, говорит, что люди, злословящие их, однажды прославят за них Бога. “День Посещения” придет, отмеченный Божественной славой, и обращению таких людей будет способствовать то, что, взглянув назад и поняв истинный характер той жизни, свидетелями которой они были, они обнаружат, что очерняли красоту. Человек, наблюдавший, как били камнями Стефана, жил, “прославляя Бога” за свидетельство этого мученика. Что бы ни думал Петр – а это возможно – о Божественном суде в последний день, идея существенно не изменилась: новообращенные возрадуются под влиянием на их жизнь того образа действий, который они когда-то презирали. Но такой результат был бы возможен лишь при условии, что поступки верующих будут хороши, милосердны, прекрасны, – одним словом, добродетельны (это слово Господа Петр дважды произносит в одной фразе). Красота их жизни может явиться отражением только жизни еще более совершенной, и ее движущей силой является любовь, рожденная вне человеческой природы. Новый Завет, данный им Учителем, говорит, что им следует любить друг друга, как он их любил. К этому Иисус добавил: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою” [22]. По тому, как воссияет свет, никто не усомнится в его происхождении. Иисус в этом – истинное откровение Отца; и суть Нагорной Проповеди состоит в том, что людям удастся распознать в детях подобие Отца и прославить – не их – Его.

Здесь мы достигли конца первой части Нагорной Проповеди. Иисус показал своим ученикам, какова та личность, которая основывается на вере в Бога как Отца и на уверенности в Его Царстве и Его Правде. Такой характер открылся людям в обстановке, когда

существует зло, во время, предшествующее установлению Царства. В этих обстоятельствах человек, обладающий таким характером, должен оставаться верным договору с Богом, завету Божьему. В жизни, вне рамок этого учения, обрисованный Иисусом характер, фактически, принадлежит ему. Так и должно быть, ведь Он – Царь, помазанник Господа, от него Царство должно получить свой устав, он же определит и основы гражданства в Царстве. Нигде в Нагорной Проповеди не высказана мысль о мессианстве Иисуса, однако, все учение пропитано ею. Кто еще мог изложить основные принципы гражданства в Царстве? По этой причине, заявления, которые мог сделать только Мессия, не нуждаются ни в доказательствах, ни в демонстрации, – они не случайны в Проповеди, они – ее содержание. От первого “принципа блаженства”, все это – манифест, который мог исходить только от Царя Времени Пришествия, и ни от кого другого.

Примечания к главе 2.10

1. Иаков 5:3	13. Второзаконие 4:6-8
2. Иаков 4:15-17; 5:1-3	14. Исход 19:5-6
3. Исаия 30:24	15. Евреям 5:1
4. Сравните с книгой Ездры 4:14	16. 1-е Тимофею 2:1-4
5. 2-я Паралипоменон 13:5;
сравните: Числа 18:1	17. Числа 14:20-21; Второзаконие
32:43; Римлянам 15:9,10
6. Левит 2:13	18. Исаия 43:21
7. Исход 30:35	19. Исаия 60:3
8. Марк 9:50	20. Притчи 13:9, сравните:
Псалтирь 131:17 и 3-я Царств
15:4
9. Лука 14:35	21. 1-е Петра 2:12
10. Марк 9:50, буквально	22. Иоанн 13:34-35
11. Римлянам 11:20	
12. Римлянам 12:17-21; Иаков 5:7;
1-е Петра 3:8-9, 14-17; 4:12-17
и т. д.	

!! ;020 3 Жизнь странников

1. Закон Новый и Ветхий

*Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков;
Не нарушить пришел Я, но исполнить.*

*Ибо истинно говорю вам:
доколе не прейдет небо и земля,
ни одна йота или ни одна черта не прейдут из закона,
пока не исполнится все.*

*Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших
и научит так людей,
тот малейшим наречется в Царстве Небесном;
а кто сотворит и научит,
тот великим наречется в Царстве Небесном.*

Как верующие в Мессию должны проявить в себе тот свет, который обнаружит, что они граждане его будущего Царства? Каким законом будет управляться их деятельность, и чем они будут руководствоваться в этом странствии? Какое отношение имеет этот закон к закону Царства существовавшего в прошлом? На эти вопросы, возникшие на основе сказанного ранее, Иисус продолжает давать ответы.

Насколько важна проблема, подняв которую, Иисус вступил в конфликт с миром тогда и противостоит ему сегодня, заявлено уже в первых словах. “Не думайте, – говорит он, – что Я пришел нарушить закон...” Сразу приходит на ум фраза из Матфея 10:34, близкая по конструкции, из чего следует, что нечто подобное могло быть вложено в эту мысль. Почему? Не только по причине поражающего авторитетного тона, звучащего в его учении, но и потому, что сказано: “Я пришел”, – и сказано так, что означает: именно в нем будет дан новый закон. И это – несмотря на то, что он произнес: “Мое пришествие не для того, что здесь, а для того, что там”. Вспоминаются и строки из псалма 39:8: “Тогда Я сказал: вот, иду”. Слово “нарушить” сочетает в себе такие понятия как “ослабить” и “губить, уничтожать”, и, по-видимому, происходит из закона об обетах и зароках, согласно которому муж может “отвергнуть” или “уничтожить” зарок, взятый его

женой [1]. Следовательно, рассматриваемое слово имеет смысл “аннулировать”. Фарисеи своими традициями поступали так по отношению к Слову Божию, лишая его силы. В данный момент мы рассматриваем не деятельность Христа, а его учение, и, потому, должны говорить в основном об этом. В его учении “закон и пророки” обретут свою полноту. В данном стихе говорится, что Иисус пришел “исполнить” закон, и эта мысль характерна для Евангелия от Матфея: то же мы читаем в Матфее 26:54, где (как и в других местах) это означает, что он сам – исполнение Слова Божьего. Без сомнения, Иисус не делал никакого различия между своим учением и своей жизнью. Он говорил в назаретской синагоге: “Ныне исполнилось писание сие, слышанное вами”; исполнить “закон и пророков” значит для него саму его жизнь, высшей точкой которой будет его истинная жертва. Здесь нельзя упустить главный смысл слов, сказанных Иисусом своим ученикам.

К этому заявлению он добавляет другое, начало которого звучит так: “Аминь я говорю вам...” (что в переводе звучит как “Истинно говорю вам...”). Употребление слова “аминь” как подтверждения истинности сказанного свойственно Иисусу; ученые не обнаружили точной аналогии этому слову в раввинских текстах. Обычно человек произносил “аминь”, поддерживая что-то, сказанное другим, будь то утверждение, или клятва, или благословение, или молитва. У Иисуса это слово является синонимом слов “да” или “истинно”, которые иногда заменяют его в близких высказываниях Евангелия от Луки, но в других ситуациях, чем описанные у Матфея и Марка. Если, однако, мы сопоставим использование слова “аминь” Иисусом со сказанным в книге Исаии 65:15-19, мы придем к выводу, что Иисус говорил, что слово его истинно, так как Бог есть истина. В этом отрывке, столь близком заповедям блаженства, мы читаем, что Господь Бог “рабов своих назовет иным именем, которым кто будет благословлять себя на земле, будет благословляться Богом истины (“аминь” – в оригинале) [2], и кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины (“аминь”) ... Ибо вот Я творю новое небо и новую землю”. Можно заключить, что Иисус произносил “аминь”, когда клялся Богом, избегая из почтительности произносить Божественное Имя или давать Им клятву, что он осуждал. Это дает нам дополнительную точку зрения на Откровение 3:14, где он говорит о себе так: “Аминь, свидетель верный и истинный” [3].

Здесь мы впервые подходим к одному из наиболее замечательных выражений Нагорной Проповеди: “Я говорю вам”. Этим подчеркнутым

“Я” Иисус заявляет о своих правах на независимые полномочия, снимая тем самым вопрос: “Кто же ты?” Если такое заявление обоснованно, то ответ может быть только один: “Пророк, о котором Бог говорил устами Моисея”. “Я вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему”, [4] – сказано о том пророке, и Моисей, единственный, с кем Бог говорил лицом к лицу и кто, поэтому, пришел с Его личными заповедями, так сказав о Пророке: “Его слушайте”. Отец же произнес: “Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение, Его слушайте” [5]. В последних двух словах – безграничная власть, и даже во дни своей жизни во плоти Иисус мог сказать: “Все предано Мне Отцом Моим” [6].

Будучи далеким от конфликта с законом, носитель нового завета провозглашает, что закон все еще действителен. Язык, которым пользуется Иисус сходен с языком Исаии 65:17, на которого мы уже ссылались; но давайте процитируем Исаию 51:6: “Поднимите глаза ваши к небесам и посмотрите на землю вниз: ибо небеса исчезнут, как дым, и земля обветшает, как одежда, и жители ее также вымрут, а Мое спасение пребудет вечным, и правда Моя не престанет”. Весь этот отрывок необходимо изучить, особенно то, что касается закона, который “выйдет”, чтобы стать светом для народов (т. е. язычников).

Этот закон Иисус отождествляет со “спасением” и “правдой” Божьей. Связь эту нужно держать в памяти, когда мы переходим к Матфею 5:18, где он заявляет, что “ни одна йота, или ни одна черта не прейдет из закона”, пока не исполнится все. Сказанное вошло в поговорку, и раввины приводят примеры абсурдного и даже богохульного характера, когда в Писании, в результате неправильного написания пары еврейских букв, отличающихся лишь на одну “черточку”, возникает путаница.

Когда Иисус говорит, что пришел не “*нарушить*” закон (или аннулировать его), он использует слово, означающее важнейшую цель пророка или реформатора; когда же в стихе 19 он произносит: “Кто *нарушит* одну из заповедей сих малейших”, – имеется в виду слабость учеников в выполнении заповедей, пренебрежение ими, что иногда ведет к тому, что ученики этому же учат других людей. Но как они относятся к Слову Божьему, так и Он обойдется с ними, а потому их положение в Царстве Божиим может оказаться горестным. Тот же, кто на практике выполняет заповеди и наставления (и этому уделено особое внимание), “великим наречется в Царстве Небесном”. В деяниях Иисуса особо отмечены слова, произнесенные им сразу после Нагорной Проповеди как наставление исцеленному от проказы:

“Покажи себя священнику и принеси дар, который повелел Моисей, во свидетельство им” [7]. Большинство случаев, описанных в этой 8 главе, прямо иллюстрирует Нагорную Проповедь и специально расположены в особом порядке.

Как нам следует понимать слова Иисуса с точки зрения той независимости, с которой он иногда подходил к Закону? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны знать, какова природа самого закона. Вместе с ритуальными аспектами он является гражданской и уголовной системой управления национальным обществом. Он создан для граждан государства и контролирует жизнь посредством работы судей, а потому, он должен быть сформулирован так, чтобы его можно было использовать в судебном деле. Таким образом, закон должен иметь дело с такими поступками, – в большинстве случаев – основываясь на которых, как на вызывающих сомнение факторах, судьи могут принять решение. Такой закон, в некотором смысле, представляет собой компромисс между основными принципами и их практическим применением.

Было бы неправильным думать о законе Моисея как просто о системе запретов, касающейся только явных действий. Один из десяти заветов, составляющих его сердцевину: “Не возжелай”, – анализирует мысли и эмоции; когда один из объектов, который человек не должен возжелать, – “жена ближнего твоего”, то уже на этом этапе идет подготовка к запрету прелюбодеяния “в сердце”. Говоря: “Люби ближнего своего как самого себя”, – Иисус дословно цитирует закон [8]. Заповедь, гласящая: “Не убивай, – говорит также: – Не враждуй на брата твоего в сердце твоём”, [9] – и ни один судья не смог бы распознать, был ли нарушен закон, если бы ни ненависть, приведшая к совершению злонамеренных действий. В том же стихе закон обязует “обличить ближнего твоего, и не понесешь за него греха”. Проступок должен быть вынесен на открытое обсуждение с тем, чтобы нарушивший закон не продолжал совершать ошибок, а пострадавший от него не затаил обиду. Точно в духе этой заповеди Иисус призывает верующих стремиться к восстановлению нарушенных отношений с Богом и своими братьями, если они испорчены [10].

Большая часть 19 главы книги Левит касается таких норм жизни, которые никто не мог бы навязать извне, если бы не вера, и в этом смысле Закон является уникальным, подобным кодексу. Его движущей силой является вера; без веры человек не мог бы соблюдать заповедей, по которым он не мог бы быть официально осужден, без веры он не мог бы также принять в свое сердце жизненные правила, связанные с

подчинением Воле Божьей. Весь закон заключается в двух абсолютных принципах: “Люби Господа твоего Бога... Люби ближнего твоего как самого себя”, – и, поскольку только Бог может выносить приговор любви, весь закон опирается на веру в невидимого Бога.

Это – обобщение Закона, поддерживаемого Иисусом. Когда в Нагорной Проповеди Господь неоднократно использует такую форму, как “Вы слышали... А Я говорю вам...”, он, в большей степени, критикует ходячее толкование Закона, чем сам Закон. Но это не вся правда. Иисус решается видоизменить положение о “разводном письме” (которое, по его словам, Моисей дал им из-за их жестокосердия [11].) Пункты, защищающие от грубого и деспотичного отношения кредиторов, он отменяет, как вовсе не касающиеся его учеников и, делая это, не признает для них правосудия – существенного принципа Закона как судебной системы. Его принцип: “Не клянись вовсе”, – умышленно противопоставлен Закону, где сказано: “исполняй перед Господом клятвы твои”, – даже если приводимые Иисусом примеры взяты из тех жизненных ситуаций, когда Закон был обойден. Следует сказать, что формулировки Закона могли подвергнуться его проверке, а потому сказанное, что “ни одна йота, ни одна черта не прейдет из закона” не может быть истолковано с юридической буквальностью. С другой стороны, это не правовая формулировка, а вошедшая в поговорку гипербола, что не означает, однако, что Иисус имел в виду нечто меньшее; такое высказывание является не преувеличением, а утверждением, принадлежащим к другой мыслительной и смысловой сфере. В этой более обширной сфере и на более высоком уровне значение сказанного не частично или относительно, а абсолютно. В этом случае должно иметься в виду более широкое толкование слова “закон”, применяемое к Писанию в целом. Тора (закон) имеет отношение не только к правовому кодексу, но и ко всему Божественному Откровению.

Рассматривая взгляд Иисуса на Закон, было бы неправильно не затронуть тему Субботы (“Шабат” – по-еврейски), которая стала камнем преткновения между ним и религиозными лидерами, постоянно ставившими этот вопрос в центр внимания. Ошибочно, однако, считать, что Иисус сделал закон о Субботе менее строгим – он призывал обсудить, что “законно” делать в Субботу [12]. Очевидно, что Иисус применяет формулировку самих фарисеев и возвращает им ее вновь [13]. Важно, что, требуя “добро делать”, “душу спасти” или “всего человека исцелить” в субботу [14], он не отвергает Закон Субботы, а исполняет его. Это делается во имя всего того, что Суббота

подразумевает, но самое серьезное в том, что это предвещает излечение людей от их немощей Иисусом в субботний день. Он облегчил узы смерти, носимые детьми Адама, и обещал принести им полное освобождение. Таким образом, он выполняет работу Отца [15] и действует как “Сын Человеческий”, который “есть господин субботы” [16]. Полемика вокруг соблюдения Субботы, поэтому, основывается на раввинском толковании, реальным же предметом спора, лежащим в корне конфликта, стало заявление Иисуса о том, что он – Сын Человеческий.

Взгляд Иисуса на Субботу может помочь нам понять его позицию по отношению к тем местам Закона, которые он формулирует иначе. Он ничего не облегчает. Он далек от того, чтобы сделать Закон проще для выполнения: он заостряет углы в формулировке каждой заповеди и расширяет пределы каждого принципа. Напряженность Нагорной Проповеди потрясает: Иисус проникает в глубины совести подобно электрическому лучу. Он раскрывает духовную цель Закона, высоту и широту его требований, выходящих за все рамки официального свода правил. За пределами Закона, в его первоначальной форме, лежит Божественная цель, и выполнение закона, в полном смысле этого слова, – это достижение Божественного замысла. Самый лучший комментарий к Нагорной Проповеди был дан Павлом, великим толкователем “духа Христова”: “любовь не делает ближнему зла, итак, любовь есть исполнение закона” [17]. Более коротко: “любовь это полнота закона”, закон совершается в каждой йоте и каждой черте, где правит любовь. “Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя” [18].

Если любовь не может исчезнуть, что говорить о законе любви? Иисус вносит в сказанное примету времени с помощью слова “доколе”, относя его к образу исчезновения неба и земли, который он заимствует у Исаии. В таком контексте эти слова едва ли могут быть поэтическим синонимом выражения “никогда”, потому что Исаия предсказывает “новое небо” и “новую землю”, где прежние “уже не будут воспоминаемы”, а “спасение” и “правда”, воплощенные в новом “законе”, восторжествуют [19]. Почему же тогда существование закона должно прекратиться?

В Послании к Евреям 8:13 использовано сравнение Исаии (“как одежда обветшают”) по отношению к ветхому завету, который сменился новым заветом Христа. Смена завета влечет за собой смену закона, что символизируют “небо и земля” Закона Моисея, которые исчезнут. Во втором послании Петра 3:5-13 образ Исаии воплощен в

“небе и земле”, уничтоженных Потопом, и в мировом сообществе людей, которое будет разрушено во время Суда с пришествием Христа. “Царство человеческое”, по-видимому, будет тем “небом и землею” из проповеди Господа на горе Елеонской [20]. В книге Откровения – это “небо” языческого Рима, которое “скрылось, свившись как свиток” под шестой печатью; однако, исчезновение “неба и земли” и пришествие “нового неба и новой земли” принадлежат концу Тысячелетия (Миллениума), когда Бог “весь во всем” будет обитать с людьми [21]. Таким образом, имеются в виду три “исчезновения” “неба и земли”: 1) конец Моисеева порядка; 2) конец царства людей; 3) конец эпохи смертности и того порядка вещей, который с ней связан, завершение работы по спасению. Язык Исаии допускает разнообразие в применении слов; не может ли и сказанное Иисусом в Матфее 5:18 охватывать все эти значения?

Иисус был рожден женщиной, рожден под законом. В его жизни закон проявился во всей своей полноте: он показал своим послушанием до самой смерти совершенную любовь к Богу и к людям, ибо “нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих” [22]. Весь “закон и пророки” нашли свое воплощение в его любви, включая обряд и жертвоприношение Закона, означающие любовь к Богу и признание низкого положения человека в Его глазах. Проявив такое любовное послушание, Иисус приносит истинную жертву, в которой все ритуальные жертвоприношения обретают свою полноту и совершенство. Когда Иисус воскрес, он преодолел закон, перейдя в ту божественную природу, где закон превзойден полным союзом с Богом. Он больше не “под законом”, потому что он больше не во плоти: для него исчезли и Моисеевы небеса, создававшие над ним свод, и Адамова земля, на которой он вырос. Поэтому для тех, кто “во Христе”, закон Моисея закончился, и они призваны “стоять в свободе, которую даровал... Христос”. Будучи еще во плоти, они вынуждены “умерять земные члены” свои, а потому не могут жить без “закона перед Богом”, но должны быть “подзаконны Христу” [24]; закон же Христа – это подтвержденный вновь закон любви, данный через Моисея. Они “умерли для закона Телом Христовым” [25]; с этого момента закон ожил для них в заветах Христа, где законные принципы подтверждены и сфера их действия расширена, а потому – “ни одна черта из закона не пропала” [26]. Верующие преодолеют закон лишь тогда, когда их “смертное поглощено будет жизнью”, и они объединятся в новом тысячелетнем “небе”, будучи “царями и священниками”. Отпадет необходимость регулировать их жизнь извне, они смогут

контролировать себя сами, – слово “закон” используется здесь в этом смысле.

Однако пока на земле остается природа Адама, закон, в некотором виде, должен сохраняться для контроля над ней. Во все времена политические “небо и земля” были обрамлением для человеческой природы. В основном, они развивались вне самой этой природы посредством человеческих попыток самоуправления. Во времена Моисея они были божественно созданы и даны для того, чтобы человеческая натура контролировалась Богом, но эта цель будет окончательно достигнута лишь во времена Пришествия. Только тогда, когда будет истреблен последний враг, грех, и уничтожена смерть, человечество обретет “новое небо и новую землю”, где будет “скиния Бога с человеками” и рухнут все преграды для их общения [27]. Спасение является целью Закона Божьего: когда последнее человеческое существо придет, с помощью закона, к послушанию Богу, объединившись с Ним таким образом, закон достигнет своей полноты, и его задача будет выполнена. Как способ контроля закон исчезнет, будучи указом, принадлежащим неискупленному миру; уйдет прочь и то социальное пространство, которое являлось его составляющей. Но как принцип любви он будет сиять всегда, освещая гармонию между теми, кто сделался “равными ангелам”, и Богом, проявившимся их посредством. В этот момент слова Христа, касающиеся Закона, достигнут того совершенного воплощения, для которого все предыдущие стадии были лишь подготовкой.

Примечания к главе 3.1

1. Числа 30:8-16	15. Иоанн 5:17
2. истина: аминь	16. Матфей 12:8
3. смотрите также 2-е Коринфянам 1:20	17. Римлянам 13:10
4. Второзаконие 18:18	18. Галатам 5:14
5. Матфей 17:5	19. Исаия 65:17; 51:4-6
6. Матфей 11:27	20. Матфей 24:35
7. Матфей 8:4	21. Откровение 6:14; 21:11; 21:1-5
8. Левит 19:18	22. Иоанн 15:13
9. Левит 19:17	23. Матфей 22:40
10. Матфей 18:15-20	24. 1-е Коринфянам 9:21
11. Матфей 19:8	25. Римлянам 7:4; Галатам 2:19
12. Марк 3:4	26. Лука 16:17
13. Марк 2:24	27. 1-е Коринфянам 15:26;
14. Иоанн 7:23	Откровение 21:3

2. Праведность в изобилии (Матфей 5:20)

*Ибо, говорю вам,
если праведность ваша не превзойдет праведности
книжников и фарисеев,
то вы не войдете в Царство Небесное.*

Речь идет о праведности как о выполнении закона, а не отказе от него, на что указывает слово “ибо”, связывающее стих 20 с тем, что было сказано до того. Это важное заявление, на основе которого толкуется все последующее в Нагорной Проповеди, вытекает из слов Иисуса о законе, и важность этого утверждения иллюстрируется вновь примененным выражением “Я говорю вам...”

Пророк произнес о днях Царства: “И народ твой весь будет праведный, на веки наследует землю” [1]. Праведность, как мы видим, является условием этого наследия, и вопрос, в чем состоит праведность, – коренная жизненная проблема. Она особенно заботила две группы людей, смешанных между собой. Первые – это профессиональные юристы, бывшие также учителями, возглавляемые раввинским старейшиной. Их задачей было применение закона в каждом возможном и невозможном случае на основании не только практики, но и гипотетических соображений, что требует настоящего мастерства. Общая цель состояла в создании таких условий, когда невозможно было бы обойти закон ни по одному из пунктов.

В другую группу людей входили представители общин, связанные обетами соблюдения закона в том виде, как его толкуют книжники. Принцип, которого они придерживались, состоял в признании святости всех людей, принадлежащих “святому народу”, и потому, они распространяли на жизнь мирян такие вещи, как ритуальное омовение перед едой, первоначально принадлежащее священникам в Храме. Основываясь на обрядовой чистоте, они избегали контактов с “народами этой земли”, таким образом, оправдываемая ими самими обособленность от других народностей вытекала, в действительности, из веры в священство всей нации. Фарисеям евреи обязаны, главным образом, системой синагог и школами при них. В Храме они находились в постоянном конфликте с высокомерными священниками-саддукеями, преуспевали в ежедневных молитвах, установленных законом, и обеспечивали присутствие представителей народа во время жертвоприношений. Саддукеи, несмотря на их светскую эллинскую

культуру, строго держались буквы закона. Духовенство стало особой профессиональной кастой, не слишком заботящейся о народной религии; фарисеи же, из-за аскетизма в обрядах были исторически, теоретически и практически гораздо ближе к народу.

У книжников и фарисеев, поэтому, народ искал руководства в вопросе праведности; Иисус же предупреждает: “если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное”. Он не имеет в виду более высокую степень праведности того же рода: больше омовений, очищений, публичных вырываний волос. Говорил ли Иисус об их “праведности” иронически из-за ее лицемерия? Сами евреи высмеивали актерство некоторых фарисеев, таких, к примеру, как “ушибленные фарисеи”, которые, избегая взглянуть на женщину, бились о стену, или таких, как “фарисеи-пестики”, ходящих с опущенной головой, подобно пестикам в ступе. Эти люди, как мы видим, не были лишены самокритики; были и такие раввины, которые настаивали на духовной религии и осуждали формальную.

По закону, служба была делом добровольным, и раввины содержали себя каким-либо ремеслом. Гилель (учитель, основатель школы, духовный лидер евреев с 30 г. до н. э. до 10 г. н. э. – Прим. переводчика) был резчиком по дереву, Ёаммай – строителем, другие – сапожниками, кузнецами и так далее. Гамалииль III говорил: “Все учение Торы без работы должно оказаться, в конце концов, бесполезным и стать причиной греха”. В то же время из обвинения Иисуса видно, что некоторые из фарисеев были “сребролюбивы” и знали, как извлечь пользу из своей репутации праведников, вплоть до “поедания домов вдов” [2]. Среди них были и благородные личности, однако, как класс, они не избежали опасности стать “слишком праведными”; их преследовали те же ошибки, что и святош любого времени. Это не их нечестивость, а праведность, переходящая всякие границы. С точки зрения определенных стандартов они не заслуживали порицания: живя “по правде законной”, они были “непорочны”, их рассматривали как великих праведников, которые следовали по своему пути столь прилежно, что придавали слишком большое значение отрицательной стороне вещей [3].

Два события из Евангелия могут помочь объяснить, что такое праведность в понимании Иисуса. Первое описано у Матфея, и следует вскоре после Нагорной Проповеди; этот случай раскрывает условия вхождения в Царство. “Удивившись” словам сотника, попросившего его: “Скажи только слово, и выздоровеет слуга мой”, – Иисус сказал:

“истинно говорю вам: и в Израиле не нашел Я такой веры. Говорю же вам, что многие придут с востока и с запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства будут извержены во тьму внешнюю” [4]. Здесь ясно объявлено, что не-евреи (язычники) разделят обетования, данные отцам, и войдут с ними в Царство, тогда как урожденные потомки Авраама будут изгнаны. Почему же эти люди с востока и с запада войдут в Царство? Вера, проявленная сотником, дает нам ответ.

Другая история происходит в доме фарисея Симона. Иисус говорит о женщине, помазавшей его ноги миром: “прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много”. Обращаясь же к ней, он произносит: “Вера твоя спасла тебя; иди с миром” [5]. Без веры не было бы любви. Она бы не возлюбила Спасителя, если бы не уверовала, что он может спасти. В то время как другие задавали вопросы: “Кто это, что и грехи прощает?” – она уже знала это и не сомневалась, что ее грехи действительно прощены.

Три понятия, как мы видим, тесно связаны между собой: праведность, вера, любовь. Становится очевидным, что праведность, без которой нельзя войти в Царство, является выражением любви, основанной, в свою очередь, на вере; цель же, которую преследует Нагорная Проповедь, – показать, в какой форме это все должно выражаться. В такой праведности, говорит Иисус, исполняется закон.

Такая концепция праведности вступала в противоречие не только с худшими, но и с лучшими сторонами иудаизма того времени, потому что худшее было искажением лучшего. Несмотря на то, что праведность корнями уходила в закон, Иисус проповедовал, что цель религиозной жизни – совсем иная, чем ее понимали все; в этом состояло противоречие, о котором столь бескомпромиссно заявляет Иисус в Матфее 5:20.

Лучше всего о сущности фарисейства мы можем узнать от Павла, самого в прошлом – фарисея. Таким людям, как его учитель Гамалииль I, Павел искренне говорил, что они “имеют ревность по Боге” [6], но ревность эта по неведению, а не по знанию, потому что, “усиливаясь поставить свою собственную праведность, они не покорились праведности Божьей”. Идеал, созданный ими для себя, – совершенное соблюдение закона как юридического и обрядового свода правил. Человек, способный не нарушать пункты закона, претендует на обретение праведности и на право будущего благословения. Так выглядит официальный принцип праведности, которому противостоял Павел, отвергая “дело закона” как средство обретения вечной жизни.

Цель, с которой закон был дан как юридический кодекс, состояла не в том, чтобы снабдить человека трапом, взбираясь по которому, можно было бы жить; истинная задача – дать знание о том, как далеко от божественных норм отпала человеческая природа, и, потому, возбудить потребность в спасении, которое может дать только Бог. Опора на “дело закона” – часть того заблуждения человека, что он может спастись собственными силами. Люди не могут накопить свои заслуги, как в банке, в расчете на Бога и требовать от Него выполнения долга. Однако официальная праведность пытается делать именно это [7]. Правила духовного “хозяйства” описаны в притче о “хозяине дома” и “работниках” в винограднике [8], где можно найти истоки учения Павла. Это – доктрина Иисуса, что все люди – рабы Божии [9]. Они не могут переработать, потому что все их время принадлежит Ему, следовательно, их заслуги не накапливаются, а благодарность за них не причитается. Если опять обратиться к Павлу как к толкователю Господа, мы узнаем, что господин, у которого люди могут заработать плату, – не Бог, а Грех, и он платит только монетой смерти; дар же Божий – вечная жизнь. Господь мог потребовать от “талантов”, вверенных им своим рабам, возрастания доходов; если же человек оказывался “негодным рабом” и не мог извлечь выгоду из своих “талантов”, то ему грозит, что его “выбросят во тьму внешнюю” [10].

Таким образом, фундаментальное учение о праведности в вере, развиваемое Павлом, основывается на словах Иисуса. В официальной точке зрения теологии на праведность ошибочно то, что результатом ее бывает выворачивание наизнанку смысла добродетели. На закон, неизбежно, пытаются влиять извне, и его заботой становится, в большей степени, публичное выполнение всего свода правил, а не построение жизни по этим правилам. Такова человеческая природа: по мере того, как официальное мнение становится все более озабоченным несущественным и мелким, принципы, сами по себе, постепенно забываются и, в конце концов, сводятся к нулю. Когда официальность убивает закон, в игру вступают ложные ценности: обряд становится важнее “правды, милости и истины”, а это – путь, открытый для уклонения и притворства.

Замечательный пример падения нравов фарисеев, который дала сама жизнь, описан у Матфея 15:1-9 и Марка 7:6-13. Раввины утверждали, что стоит только человеку пообещать что-нибудь из своих вещей со словами: “Корван, то есть дар Богу, то, чем бы ты от меня пользовался”, – эта клятва должна быть выполнена, сколь абсурдной бы она не была. Отец мог бы не получить от сына такую малость, как

рубаха, кусок хлеба или глоток воды. Этот пример толкования понятия праведности книжниками особенно значим, потому что еврейское слово “корван” встречается в Ветхом Завете около 70 раз, означая жертву, и происходит от глагола, смысл которого – “приближать, или приближаться”. Пути приближения к Богу известны, и здесь нам следует обратиться к Посланию к Евреям 7:19; 10: 22 и т.д. Закон, который должен был способствовать такому приближению, превращен был книжниками в преграду между Богом и израильтянами. Аннулируя Пятую Заповедь о почитании родителей строгим выполнением закона о клятвах, они дают возможность уклониться и от этого закона, различая обязательные и необязательные для выполнения обеты [11]. Нет ничего тяжелее постоянных уз, и нет большего искушения, чем ослабить их напряжение. Но эта тенденция лишить закон юридической силы, по традиции, является результатом неверного представления о природе закона и праведности. Фарисеи, начиная с внешнего, не добираются до сути вещей. Иисус же, начиная с самого сокровенного принципа, распространяет его вовне так, что выполняется весь закон.

С этим тесно связан другой аспект проблемы, с которым Иисус соприкоснулся, главным образом, в его полемике с фарисеями. Библейская идея праведности стоит особняком от всего остального в том смысле, что она возможна только для тех, кто осознает свою нужду в милости. Как может показаться, основной смысл слова “праведность” – быть честным: греки определяли его как “добродетель, результатом которой является то, что все и каждый имеют то, что им принадлежит по закону”, в то время как “недобродетельные” люди “имеют то, что им не принадлежит, или принадлежит не по закону”. Для слова “честность” в отношениях между людьми, традиционно, правильным переводом является “справедливость”. В древнем мире только для евреев образцом был Сам Бог, и праведность была связана с Его личностью: “Святы будете, ибо свят Я” [12]. Поэтому само слово должно было обрести бесконечно высокий смысл. Оно – полная противоположность библейской идее греха, а где Бог не известен, там не может быть ни подлинного и глубокого представления о грехе, ни, следовательно, о том, что противостоит этому понятию. Знание об Ягве несет не только понимание ненормальности греховных поступков, но и осознание того, что грех наследуется человеческой природой [13]. Первое, что необходимо для обретения собственной праведности, – постижение правды Бога. Праведность, подобно мудрости, берет начало в “страхе Божьем”, то есть чувстве благоговения перед Его святостью; более праведные люди будут сильнее понимать свою нужду

в прощении. Это затруднительное положение может быть разрешено окончательно только искуплением вины, и хотя Иисус, из благих побуждений, ничего не говорит об этом в Нагорной Проповеди, это вытекает из данного им понятия праведности в противоположность пониманию ее фарисеями. Хотя последние включали в свое “дело закона” все обряды очищения (т. е. искупления вины), они лишали его истинного смысла, потому что “своя праведность, которая от закона”, была достаточна для них [14]. Здесь не остается места для милости и прощения. Но эти понятия – откровения, так плотно вотканные в полотно Ветхого Завета, что с ними нельзя не считаться; кто еще, кроме верующего в бессмертие души, мог игнорировать учение о воскресении столь же долго, сколь сохраняется внимание к Писанию. Дары милости, в действительности, стали чуждыми богословским построениям. Знаменательны слова Иисуса: “Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию” [15]. Прощение, так же как и праведность, невозможно без смирения; требование же, чтобы праведность учеников превосходила фарисейскую, не может быть понято без связи с благословением милостивых, “ибо они помилованы будут”.

Является ли закон, данный Иисусом, новым и лучшим сводом правил? Насколько не подходит ему такое определение, мы увидим, просмотрев его детальнее. Высказывания, в которых Иисус применяет свой закон к жизни, не являются юридическими актами и не могут быть так использованы, чего Иисус и не делает. Но они, тем не менее, представляют собой заповеди [16] и имеют силу закона, но не форму. Закон Моисея, фактически, должен был выработать административный аппарат, чтобы наложить ограничения на нацию, от чего закон Христа свободен и способен, поэтому, разорвать узы статей Закона для выполнения его принципов.

Верующие относятся к закону неоднозначно: закон для них одновременно и мертв, и жив. Обычно так рассуждают люди, рассматривающие что-то в данный момент с противоположных позиций. Такое отношение порождено двойственностью самих этих людей. Поскольку они – “во Христе”, их предназначение состоит в том, чтобы сесть вместе с Христом на небесах, и они – вне закона; будучи же существами плотскими, они – подзаконны. Закон их телесных членов воюет против закона их сознания. Пойдя навстречу человеческой природе с ее двойственностью. Иисус дает верующим такой закон, в котором старый Закон оживает, но в столь новом виде, что его формулировки расширяются, чтобы вместить все содержание.

Поэтому новый закон должен быть “написан в сердцах” верующих, переделывая их изнутри и формируя их мысли и личность, чего не могло бы сделать ни одно официальное законодательство.

Примечания к главе 3. 2

1. Исаия 60:21	9. “рабы ничего не стоящие”, Лука 17:10
2. Лука 16:14; Матфей 23:14	10. Матфей 25:30
3. Филиппийцам 3:6-7	11. Числа 30:3; Матфей 23:16-22
4. Матфей 8:10-12	12. Левит 19:2 и т.д.
5. Лука 7:47-50	13. Псалтирь 142:2; 129:3-4
6. Римлянам 10:2-3	14. Филиппийцам 3:9
7. Римлянам 4:4; Ефессянам 2:8;
Римлянам 11:6-8 и т.д.	15. Матфей 9:13
8. Матфей 20:1-16	16. Иоанн 14:21; 15:14

3. Закон сердца (Матфей 5:21-24)

Вы слышали, что сказано древним:

“Не убивай;

кто же убьет, подлежит суду”.

А Я говорю вам,

что всякий, гневающийся на брата своего напрасно,

подлежит суду;

кто же скажет брату своему: “рака”,

подлежит синедрону;

а кто скажет: “безумный”,

подлежит геенне огненной.

Итак, если ты принесешь дар свой к жертвеннику

и там вспомнишь, что брат твой имеет

что-нибудь против тебя,

оставь там дар твой перед жертвенником,

и пойди,

прежде примиришься с братом твоим,

и тогда приходи и принеси дар твой.

Иисус не толкует закон в общих или абстрактных терминах, он приводит выдержки из его текста в общепринятом понимании и противопоставляет им истинную праведность, иллюстрируя это историями из обычной жизни. Будучи остроумными, они все-таки являются только наглядными примерами, ни при каких обстоятельствах не определяющими пределов того, что требуется от

ученика. Они не всегда изложены в строгой литературной форме и даны с полным отсутствием характеристик, что является отличительной чертой восточной речи. Их предназначение – действовать на воображение, чтобы создать определенный характер мышления и тип личности.

Формула “Вы слышали...” – традиционна для книжников и означает: “Вы понимаете, что это значит...” Избегая, из благоговения, упоминать Бога как автора слов, люди говорили: “Сказано...”, “сказано древним...”, – это ссылка на современников вручения закона на горе Синай. Использованием фразы полностью (“Вы слышали, что сказано древним...”) Иисус противопоставлял сказанное им самим традиции книжников в большей степени, чем написанному в Законе. Процеженный сквозь уста книжников закон стал обременительным и далеким от истины; когда же Иисус произносит: “А Я говорю вам...” – слово оказывается “весьма близко” к людям, в их “устах... и сердце”, чтобы ученики могли исполнить его [1].

Каждое высказывание Иисуса возвращает нас к источнику всех поступков, человеческому сердцу, и взгляд Учителя состоит в том, что стремление сделать дурное равносильно самому действию. Поступок, который человек совершил бы, если бы посмел, – это, фактически, совершенный акт, потому что он сделал бы это, если бы представился случай, а потому за него придется расплачиваться на Божием Суде так, как если бы человек совершил это. В отличие от нас, фарисею Иосифу это не казалось элементарным; приведем следующее его высказывание: “Намерение сделать что-то, а не реальное совершение поступка, не должно быть наказано”. Контекст, из которого взята данная фраза, предполагает, что здесь может иметься в виду людской суд, и это замечание проливает свет на фарисейское сознание. Иисус же ведет нас дальше. Убийство начинается не с его замысла, а с жестокой мысли; этот зародыш может через презрение перерасти в злость, а затем – в ненависть, и, в конце концов, желание избавиться от врага разгорится в сознании, как пожар.

Закон гласил: “Не убивай” [2]; суммируя, Иисус добавляет: “кто же убьет, подлежит суду”, – ведь сказано в законе: “Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти” [3]. Трем видам преступлений соответствуют три формы суда: беспричинный гнев оплачивается привлечением виновного к местному суду; слова презрения: “Пустой человек, или, по-еврейски, рака”, – наказываются судом Синедриона; оскорбление же нравственной стороны человеческой личности влечет за собой наказание оскорбителя в самой

позорной форме: смертной казни и выбросом его тела для сожжения, что является символом Божественного неприятия. В Матфее 5:22 стоит слово “безумный” вместо еврейского “морех”, что значит “буйный, непокорный” и используется в таком смысле во Второзаконии 21:18, 20: имеется в виду глупость прямого сопротивления Закону Божьему. Многие комментаторы соглашались с этим, и, в таком случае, греческое слово “мере” – это переданное греческими буквами еврейское “рака”. Однако это может быть переводом еврейского слова “навал” (“глупый, низкий”), такое имя было удачно дано жестокому мужу Авигеи [4]. Слово это, в любом случае, содержит намек на порочность.

Ни один трибунал не может осудить невысказанный гнев, и ни один судья не мог бы приговорить к смертной казни за слово. Такой язык свойственен притчам. Но как впечатляющая картина совещания городских старейшин, определяющих, был ли в дурном взгляде зародыш убийства или нет, или Синедриона, взвешивающего, нанесло ли человеку оскорбление удар, подобно мечу! Как мрачно описание полного неприятия того, кто использует бесчестящий других язык! Здесь, где Иисус впервые применяет свой закон к жизни, мы сталкиваемся с его привычкой говорить образно; одна фраза в его устах может обладать живостью и сжатостью карикатуры. Его метод – краткость в рассуждениях, и этому учит вся оставшаяся часть Нагорной Проповеди. Даже если Иисус заменяет слова, он употребляет не какие-то свои формулировки, а те же, что и фарисеи в своей слепоте [5]. Такой пример можно найти и в Проповеди, когда речь идет о человеке, строящем дом на песке [6]. Злой умысел подпадает под осуждение, и Иисус полагает, что зло такого рода выдает отсутствие любви и, в зародыше, наличие ненависти. Существует и праведный гнев, не исключаящий любовь, но его легко определить: как бы он не был суров, он всегда ставит перед собой цель исправить грешника, а не оттолкнуть его своей собственной праведностью. Для Иисуса, однако, не существует нейтральной позиции: отсутствие любви – это ненависть, а ненависть – зародыш убийства. Он идет дальше закона: “Ты не должен ненавидеть брата твоего в сердце твоём”, – и обнажает источник, из которого может бить горький ключ. Толковать подобные высказывания с прозаической буквальностью значит снижать их масштаб и, таким образом, искажать их цель. Иисус дает нам ряд словесных картин, на которых рисует то невидимое в сердце человека, что выдает себя горькими и опрометчивыми словами. “Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его” [7]. Возможно,

расширенный Иисусом смысл слова “убить”, по мысли Иакова, встречается только в одном отрывке, где это слово едва ли могло быть понято буквально, ведь это означало бы, что во времена ранней Церкви убийство не было событием редким. “Желаєте – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите” [8]. Вся третья глава Послания Иакова написана под влиянием Иисуса, с употреблением его же слов, хотя они переданы и не в виде цитат. Когда Иаков говорит об языке, очевидна связь со сказанным у Матфея 5:22: “Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божьему. Из тех же уст исходит благословение и проклятие” [9]. Заклучив, что “плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир” [10], Иоанн тут же переходит к противоположному: “Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших?” [11] И продолжает в стихе втором: “убиваете и завидуете”. Это – убийство в сердце, плод горьких потоков ядовитого источника.

Часть закона, которой Господь придавал особое значение в своем учении, касается злонамеренного лжесвидетельства [12]. Человек, давший ложное показание и осудивший невинного, сам должен получить такое наказание, какое он предназначал обвиненному им: “сделайте ему то, что он замышлял сделать брату своему... душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку...” Для установления вины необходимо, как минимум, два свидетеля, а это может повлечь за собой тайный сговор для совершения лжесвидетельства. Если бы такие показания были приняты и повлекли за собой смертную казнь, приведенную в исполнение, то эти “свидетели” были бы виновны в “косвенном убийстве”; если бы лжесвидетельство открылось, то замысел довести дело до смертной казни посчитался бы убийством, и ложные свидетели сами бы лишились жизни. Хотя этот пример не совсем соответствует сказанному Иисусом, потому что лжесвидетельство является явным поступком, с помощью которого суд может вынести приговор по спорному вопросу, но это – единственное место в законе, где наказание накладывается за то, что человек “думает сделать”, т. е. в большей степени за намерение, чем за действие. Здесь установлено, что даже человек “под законом” может быть признан виновным перед Богом за то, что таится в его сердце.

Войти в Царство означает оказаться в обществе Бога [13], а это будет возможно только для того, кто “приступил” к Богу уже в дни, когда он был смертен. В стихе 23 Иисус без возражений принимает путь сближения с Богом, предписанный тем временем: приход к

жертвеннику и обряд жертвоприношения. Но еще со времен Каина и Авеля жертва была желанной или нет в зависимости от намерения, с которым она приносилась. Этот ритуал бесполезен, если он не является актом веры, а потому Бог предписывает быть послушным в соблюдении формы жертвоприношения. Предлагать Ему дар по собственному выбору и способом, придуманным самим человеком, означает неспособность признания величия Бога, а потому это не вера, а самонадеянность, не покорность Богу, а самоутверждение. Такие рассуждения и действия делают Бога вторичным по отношению к нашим мыслям о Нем, а потому – менее реальным, чем мы сами. Без веры нравственно невозможно выполнять завет поклоняться Господу Богу и Ему одному служить.

Этот принцип Иисус переносит на новую почву. Вера в Бога – это вера в Его личность, а Он есть любовь, если же эта вера не вдохновляет самого поклоняющегося, то она мертва. Поклонение “в духе и истине” означает, что верующий постепенно становится все больше подобен Тому, Кому он поклоняется, без отражения же Божественного разума такое поклонение не духовно и не истинно. Условие, делающее такое обращение к Богу желанным Ему, заключается не только в отношении человека к Нему Самому, но и к людям. Только “чистые сердцем... Бога узрят”, и никто не может к Нему “приступить” с убийством в сердце. “Жертва нечестивых – мерзость, особенно, когда с лукавством приносят ее” [14]. Поэтому стихи 23-24 возникают как вывод из предыдущих строк и связаны с ними словами: “итак, если...”

Человек пришел к Храму со своим приношением, пересек двор язычников и женскую площадку, поднялся по ступеням и, пройдя через Никаноровы ворота, оказался во дворе для израильтян. Для такого случая был выбран агнец без пороков, убит, и осталось только разрубить его, чтобы принести в жертву всесожжения, но перед помещением его на жертвенник происходит неожиданная заминка: поклоняющийся просит разрешения оставить все в таком виде, пока он отлучится по делу и вернется.

Мы можем представить изумленные взгляды священников. Только религиозные обязанности или что-то сверхнеотложное могли бы оправдать такие неформальные действия. Пренебрег ли приносящий жертву какими-то требованиями к обряду? Талмуд гласит: “Если человек находится в месте совершения пасхального жертвоприношения и вспоминает, что что-то квасное осталось в его доме, пусть он вернется домой и вынесет это, а затем возвратится для завершения Пасхи”. Иисус же распространяет этот принцип на “закваску порока и

лукавства”. Тот человек, о котором мы говорим, в последний момент вспомнил об обиде, нанесенной им кому-то. Она должна быть улажена прежде, чем он вступит в общение с Богом. Гораздо лучше было бы вспомнить об этом раньше и не нарушать порядок службы в Храме, но такой чрезвычайный пример Иисус привел для того, чтобы урок запечатлелся в сознании: таков метод Иисуса. “Да испытывает себя человек, и таким образом пусть ест...”, чтобы не есть и не пить “осуждения себе” [15].

Еще один пример под рубрикой закона об убийстве открывает широкий взгляд на положение человека перед лицом Бога.

Примечания к главе 3.3

1. Второзаконие 30:14	9. Иаков 3:9-10
2. Исход 20:13; Второзаконие 5:17	10. Иаков 3:18
3. Исход 21:12	11. Иаков 4:1
4. Псалтирь 13:1; 1-я Царств 25:25	12. Второзаконие 19:15-21
5. Матфей 23:17,19	13. Матфей 5:8
6. Матфей 7:26	14. Притчи 21:27
7. Притчи 18:21	15. 1-е Коринфянам 11:28-29
8. Иаков 4:2	

4. Наказание и милость (Матфей 5:25-26)

*Мирись с соперником твоим скорее,
пока ты еще на пути с ним,
чтобы соперник не отдал тебя судье,
а судья не отдал бы тебя слуге,
и не ввергли бы тебя в темницу;*

*Истинно говорю тебе:
ты не выйдешь оттуда,
пока не отдашь до последнего кодрана.*

Человек имеет давний долг. Его кредитор решает предъявить ему иск, чтобы возратить свои деньги, и является домой к должнику, требуя присутствия того в суде. Пока они направляются вместе в суд, у человека еще есть шанс уладить отношения с кредитором, который может отказаться от слушания дела в суде. Но гордость и своекорыстие подсказывают должнику более хитрый способ. В прошлом между нынешними оппонентами существовали кое-какие дела, позволяющие подать встречный иск. Должник думает: “Если есть закон, то им можно

воспользоваться, и он может послужить как ему, так и мне”. Поэтому он предстает перед судьей, играя свою роль. После изложения истцом дела мимика и жесты ответчика выражают страдальческое недоумение, возмущение и покорность перед своею правдой, которое ему приходится терпеть. Его защита преподносит дело со страстностью и изобретательностью, протестуя против осуждения, и теперь он с торжествующим видом ждет решения суда. Однако уже не впервые судья выслушивает встречный иск, который никогда бы не пришел в голову, если бы не претензии истца, а потому этот иск отклонен, должнику предложено вернуть все, что от него требуют, но в связи с тем, что ответчик не в состоянии заплатить, он препровожден в тюрьму.

Подобная картина нарисована Иисусом с легким оттенком иронии. Ясно, что это упрек по поводу споров, ставших неотъемлемой частью повседневной жизни на востоке. Насколько тщетна такая попытка защитить свои права и добиться своих целей! Вот о чем в действительности говорит Иисус. Ведь это доказательство полного отсутствия любви! Ведь это покушение на саму суть закона!

Однако некоторые строки из Послания Иакова раскрывают еще более глубокий смысл сказанного Иисусом, ведь, когда Иаков говорит: “Милость превозносится над судом”, – он рисует лицевую сторону картины “суда без милости”, являющейся кульминацией этой притчи [1]. По мере того, как все больше и больше слов Господа отражается в Послании Иакова, растет уверенность в том, что он ссылается на упомянутый отрывок сознательно. Ситуация, описанная Иаковом, иная, но она должна породить воспоминание о том, что Иисус использовал это слово; милость – не только привилегия истца, ведь и ответчик может проявить это качество в готовности прийти к соглашению.

Иаков говорит, что тот, кто оказывает предпочтение человеку в богатой одежде и презирает бедного, становится “судьей с худыми мыслями” [2]; вина таких людей не только в том, что они – плохие судьи, но и в том, что они вообще являются судьями: здесь Иаков имеет в виду слова из Матфея 7:1. Согласившись судить людей, они сами попали под приговор закона, не знающего милости, потому что в нем нарушение одного пункта означает нарушение всего закона. Грех – это беззаконие, и тот, кто оступается при выполнении одного завета, виновен во всем. Но существует другой закон, его Иаков называет “законом свободы”, “совершенным законом”, в который человек может “вникнуть” так, что станет “исполнителем дела” и “блажен будет в своем действовании” [3]. Эта фраза парадоксальна, как если бы

говорилося об “ограниченной свободе” или о контроле за неконтролируемым. Иаков говорил о нем как о “законе царском”; М. Ф. Макфедин перефразирует это так: “Божий закон – это закон верховный, предназначенный для свободных людей, а не для рабов”. Это закон милостивого человека, любовь которого к ближнему не ограничена рамками заветов, но распространяется на жизнь с полнотой врожденной любви к самому себе. Человек, живя под законом, отражает качества своего Небесного Отца, и будет судим с той милостью, которую он сам проявляет. “Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы”, – пишет Иаков. Под законом только милость может “восторжествовать” над наказанием; это относится к милостивым, осознающим свою нужду в милости.

Здесь мы мысленно переносимся в суд, более высокий, чем тот, что разрешает дела о долгах между людьми; эта история о справедливом защитнике превращается в притчу о Божественном Суде, причем Иисус говорит только то, что было бы понятно его современникам. Кое-что из обрамления притчи содержится в одном из “Высказываний Отцов”: “Рожденные предназначены умереть, и мертвые будут возвращены к жизни вновь, к жизни праведной, зная... что Он есть Бог... Он Всезнающий, Он судья, Он свидетель, Он истец”. Слова из Исаии 55:6: “Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко; да оставит нечестивый путь свой... и да обратится к Богу, и Он помилует его”, – созвучны сказанному выше. Истец же или оппонент на судебном разбирательстве обозначается греческим словом “антидикос”, или соперник.

Опираясь на все сказанное, мы можем свободно перефразировать идею притчи Господа так: “Если вы хотите получить какое-то преимущество от того, что находитесь под законом, помните, что вы должны быть оценены этим законом. Но это – “палка о двух концах”, ведь вы можете оказаться впутанным в судебный процесс, из которого возможен лишь один выход. Вы будете призваны Божьей Праведностью в Суд Божьей Справедливости, и рука Божьего Закона вынесет вам приговор. Он будет заключаться в лишении свободы вплоть до уплаты долга, и будет это навечно, потому что темницей станет могила, а долг – это ваша жизнь, а потому никакой “человек не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него” [4]. Мы можем добавить, ссылаясь на притчу: “Но если твой дух – Милосердие, то твой Соперник становится твоим Ходатаем”. Ибо, если “мы имеем Ходатая перед Отцом, Сам Бог дал нам Иисуса Христа, Праведника” для этой цели [5].

Таким образом, притча показывает, что в законе об убийстве содержится принцип, помогающий проникнуть, в первую очередь, в область самых сокровенных побуждений в отношениях между людьми, и его можно распространить на все жизненные конфликты. Но взаимоотношения людей определяются тем фактом, что человек подсуден, и, если его связь с Богом чисто законная, то суд будет синонимом приговора. Так, толкуя закон, читатель сталкивается с проблемой, аналогичной той, что поднимается в стихе 20: что такое праведность? С чем человек может предстать перед Богом и войти в Его Царство? Ясно, что не с “законной” праведностью, потому что должниками являются все. Эта тема, но под другим углом, рассматривается в Притче о Немилостивом Рабе [6].

Здесь говорится об отличии праведности по закону от праведности по вере, которая, хотя об этом и не сказано прямо, является основой учения Иисуса. Эту мысль поддержал Иаков. Он проводит различие между “законом царским”, “законом свободы”, с одной стороны, и законом осуждающим, – его в противоположность можно назвать “законом рабства” – с другой. Основа закона – живая вера, проявляющаяся в делах любви [7], о чем Иаков говорит на протяжении всего послания. Окончательное различие связано с “законом дел” и изложено в его последних словах: “...обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов” [8]. Закон разоблачает грехи и приводит к смерти, любовь же покрывает грехи, приводя к прощению [9] и к триумфу над наказанием. “Закон”, победивший в спасении жизни, – это закон любви и свободы: в этом мы видим суть “благодати и истины”, источником которых, по словам Иакова, является Тот, Кто сам есть “Слава” [10].

Это закон свободы, потому что он основан на “истине”, которая “сделает вас свободными”, а потому этот закон – для свободных людей. Он противопоставлен тому “игу”, которого (как сказал Петр в присутствии Иакова) “не могли перенести ни отцы наши, ни мы” [11]. Не говоря уже о переработке закона в раввинской традиции, Закон Моисея, из-за слабости плоти, стал “служением смертоносным буквам”, “бывшим о нас рукописанием, которое было против нас”; он не был и не мог быть “законом, могущим животворить” [12]. С другой стороны, закон свободы – это “проявление духа”.

Именно Павел дал одну из прекраснейших иллюстраций этого принципа, в которой, как апостол Христа, он становится, в некотором смысле, символом и образом Спасителя. Защищая письменно интересы новообращенного Онисима, он берет на себя ответственность за

деньги, которые раб украл у Филимона: “Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я Павел написал моей рукой: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен” [13]. Господин этого убежавшего раба был милостив, и, будучи свободным от долгов, осознает свой больший долг не только перед Павлом, спасшим его словом жизни, но и перед Господом, выкупившим его.

В основе размышлений и Иакова, и Павла лежит различие между рабством и свободой, наказанием и милостью, законом и жизнью. Иаков, точно так же, как Павел, противопоставляет законность милости. В этом они схожи и, как бы по-разному не развивали свою мысль, отталкиваются от одного учения Славы, данного им Господом. Фундаментом обоим служит мысль о том, что основания жизни, предписанные законом, разрушены навсегда тем, кто пришел исполнить закон.

Примечания к главе 3.4

1. Иаков 2:13	9. Притчи 10:12; 17:9
2. Иаков 2:4	10. Иаков 2:1
3. Иаков 1:25	11. Иоанн 8:32; Деяния 15:10
4. Псалтирь 48:8-9	12. Римлянам 8:3; 2-е Коринфянам 3:7; Колоссянам 2:14; Галатам 3:21
5. 1-е Иоанна 2:1	13. Филимону, ст. 18-19
6. Матфей 18:21-35	
7. Иаков 2:14-26	
8. Иаков 5:20	

5. Мысль и поступок (Матфей 5:27-32)

Вы слышали, что сказано древним:

“Не прелюбодействуй”.

А Я говорю вам,

*что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением,
уже прелюбодействовал с ней в сердце своем.*

Если же правый глаз твой соблазняет тебя,

вырви его и брось от себя;

ибо лучше для тебя,

чтобы погиб один из членов твоих,

а не все тело твоё

было ввержено в геенну.

И если правая твоя рука соблазняет тебя,

отсеки её и брось от себя;

*ибо лучше для тебя,
чтобы погиб один из членов твоих,
а не все тело твоё
было ввержено в геенну.*

Второй пример, при помощи которого Иисус проводит различие между новым и старым, – закон, касающийся прелюбодеяния. Цитируя Седьмую заповедь [1], он добавляет замечание, означающее, казалось бы, что закон подразумевает только внешнюю сторону дела. Но, как показывает Павел, подобные желания, как и поступки, были запрещены Законом Моисея: “Я бы не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: “не пожелай”

[2]. Закон сам проникает в область побуждений, стоящих за поступками, и, таким образом, устанавливает правило, по которому только Бог может быть судьей человека. Отличие, отмеченное Иисусом, существует, в большей степени, в распространенном понимании закона.

Книга Притч содержит много мыслей, предвещающих слова Господа. Мудрец говорит о чужой жене: “Не пожелай красоты ее в сердце твоём, и да не увлечет она тебя ресницами своими”. Нигде в Писании не сказано так ясно о том, что человек судится не только за свои видимые поступки: “Больше всего хранимого храни сердце твоё, потому что из него источники жизни” [3].

Следовательно, важность, которую Иисус придает состоянию сердца, не нова. Новым является учение о том, что поступки мысленные рассматриваются на Божьем Суде наравне с совершенными. Иисус далек от того, чтобы не понимать существенной разницы между одним и другим, подобно тому, как он видит огромное различие между грубым словом и убийством [4], проявляющееся в той степени вреда, которую получил пострадавший от другого человека. Однако, Иисус имеет в виду то действие, которое произвело это событие на совершившего грех, в большей степени, чем на пострадавшего от него. Не поступки человека, а образ его мыслей воздвигает барьер между ним и Богом, разрывая их взаимный договор; пока сознание его не переменится, он должен быть исключен из Царства Божьего, ведь в Город Бога не могут войти “любодеи и убийцы, идолослужители и всякий любящий и делающий неправду” [5]. Среди них – и мужчина, который, глядя на женщину, лелеет вожделенные мысли. “Треческий язык, – замечает один из комментаторов, – показывает, по-видимому, что наш Господь говорит не о невольном проявлении дурных мыслей или сексуальных

импульсов, а о замыслах провести эти побуждения в жизнь”. Казалось бы, все просто, но человек может перейти от таких невольных мыслей в состояние, когда они начинают находить точку опоры, если не отвергнуть их сразу и не поместить на их место нечто положительное, истинное. Если в этом суть, то каков будет суд Христа над цивилизацией, создавшей огромную индустрию, связанную с развлечениями, играющими на слабостях человека и его страстях?

Иисус подробно останавливается на тех условиях, без которых человеку не войти в Царство Небесное [6]; понимая, что страсти, сами по себе нормальные и занимающие должное место в человеческой жизни, могут превратиться в западню, если приобретут несоответствующие масштабы, Иисус добавляет слова о том, что лучше пожертвовать чем-то сейчас, чем потерять все на пороге вечной жизни.

Вспоминаются слова из закона: “глаз за глаз... руку за руку, ногу за ногу”, – однако, в нашем случае речь идет не о частях тела другого человека, а о своих собственных, которые необходимо отсечь. Это все-таки не увечье в буквальном смысле слова, потому что человек и с одним глазом может быть виновен в “похоти очей” так же, как и с двумя глазами; даже тот, кто потерял оба глаза, может вызвать в воображении мысленный образ объекта вожделения, хранящийся в его памяти. Физическое увечье (когда Павел говорил о постановлениях типа “не прикасайся”, “не вкушай”, “не дотрагивайся”) могло только иметь “вид мудрости в самовольном служении”, но не было бы “небрежением о насыщении плоти” [7] и, конечно, плотского сознания. Павел использует тот же образ, что и Иисус (возможно, умышленно), когда пишет: “Итак, умертвите земные члены ваши”, – и продолжает, называя те грехи, агентами которых могут быть эти “члены”: “блуд, нечистота, страсть, злая похоть и любостяжание” [8]. “Члены” – это выраженные словами поступки и желания.

Иисус говорит образно, и картина, нарисованная им, символизирует фундаментальный моральный акт, описанный Чарльзом Гором как эквивалент “нравственного самоограничения”. Можно привести такой пример: легко понять, что человеку со слабостью к спиртным напиткам, или даже тому, кто живет в среде, несущей такую опасность, было бы правильно посоветовать совершенно не употреблять алкоголь (а в нашем мире, видимо, это относится к каждому из нас). Быть может, этот принцип труднее применить к другим сторонам жизни. Человеческая красота в ее высших проявлениях является ярчайшим образцом творчества Бога, реакция на

нее может быть естественной и чистой; однако, человеку, который обнаружил, что даже картины возбуждают в нем вожделение, лучше вообще избегать изображений такого рода, чем допускать, чтобы они стали для него камнем преткновения. Он расстанется на время с великими произведениями культуры, – потеря, в действительности, гораздо большая, чем простое физическое воздержание – зато избежит потери самого себя в День Суда: такой урон в этой жизни обернется выигрышем в будущем.

Возьмем другой пример: честолюбие, или “гордость житейская” – не меньшая страсть, чем “похоть плоти”. Правильно направленное и контролируемое, это качество является стимулом к достижениям и точно так же, как естественные желания, помогает “наполнить землю”. Однако амбиции, преследующие свои собственные цели, не менее разрушительны для личности и в бесконечное число раз более губительны для других людей, о чем свидетельствуют миллионы погибших в войнах. Жизнь может столкнуть человека с более состоятельными людьми. Если это человек честолюбивый, в нем может проснуться острое желание стать равным им, и, шаг за шагом, он втягивается в погоню за поставленной целью. Вслед за одним уровнем жизни ему открываются другие, более высокие, и эта борьба может окончиться только в день смерти человека. Отвергнуть удачную возможность, сменить род занятий на другой, где человек подвергается меньшим искушениям, умышленно согласиться на более низкий уровень жизни, – все это, может быть, и есть отсечение прочь руки или вырывание глаза для спасения души.

Это только иллюстрации; нет нужды умножать примеры, чтобы показать силу человеческих желаний, идущих “не... от Отца, но от мира”, вместе с которым и они должны исчезнуть [9]. Но один пример, непосредственно из Евангелия, выделяется из общего ряда: история с Богатым Юношей [10], которому было сказано не просто раздать свое состояние, но вовсе отсечь от себя “надежду на богатство”. Собственность придавала уверенности его позиции перед Богом, и отказаться от нее было бы для него равносильно потере самоуважения. Мы не сомневаемся в его искреннем стремлении к добру, которое он хотел сделать, “чтобы получить жизнь вечную”. Он был готов к большинству изнуряющих “праведных дел”, но Иисус показал ему, что вечная жизнь зарабатывается не попыткой сделать Бога нашим должником, а осознанием нашего долга перед Ним. Когда молодому человеку было предложено пожертвовать собой, цена жертвы оказалась

слишком высока для него, и он ушел с печалью. Он сохранил часть, чтобы потерять целое.

Только сам человек может распознать, где таится опасность для него, и применить это правило. Использование этого принципа очевидно на сцене, экране и в литературе, но стремление избежать этого не будет соответствовать требованиям Христа, если это касается самих страстей в большей степени, чем их случайных форм выражения. Что бы не говорили сегодня об опасности сдерживания чувств, учение Христа ясно предупреждает нас: в жизни есть такие вещи, которые должны быть “отсечены”. Это, конечно, не все: учение Христа находится в гармонии с психологическим способом разрешения проблем, выражаемым словом сублимация, или возвышение. Тогда как некоторыми исключительными вещами необходимо безжалостно пожертвовать, физическая энергия не должна быть просто перекрыта, следствием чего может стать несчастье, — она должна быть направлена по более высокому руслу, и не существует лучшего пути, чем Истина Божия во всей ее полноте, с тем простором, который она предлагает для грез и чувств, интеллекта и воли. “Ищите же прежде Царства Божия и правду Его, и это все приложится вам” [11].

В двух параллельных отрывках [12] Иисус упоминает вместе руку, ногу и глаз как возможные причины греха: рука, делая что-то, нога, шагая куда-то, и глаз, смотря на что-то, ответственны за поступки, жизненный путь и полученные впечатления. Выстраивается последовательность: от поступка к осознанию и ответу, от внешнего к внутреннему. Действия, на которые человек нацелен, отражают намерения, преследуемые им в жизни, а это соответствует его жизненному выбору и контролю, проявляемому им над впечатлениями.

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных,
и не сидит в собрании развратителей;
но в законе Господа воля его;
и о законе Его размышляет он день и ночь. [13]

В обоих упомянутых отрывках обращается внимание не только на опасность самому сделать ложный шаг, но и стать причиной ошибок других людей. Когда среди учеников возник спор, кому следует быть большим в Царстве Небесном, Иисус поставил между ними ребенка и сказал: “Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное”. Если же кто-то “соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня”, то лучше было бы этому человеку быть потопленным в море с

“мельничным жерновом” на шее (“мельничный жернов”, поворачиваемый ослом, приведен для контраста с маленькой домашней мельницей, которую женщина вращает рукой). Мысль-связка высказана в Матфее 18:7-8: “Горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их...” Угроза другим последовала за предупреждением самому себе, и, чтобы помочь другим, нужно, в первую очередь “посмотреть на себя”.

Эта мысль расширена так, что включает все формы неконтролируемых желаний; однако, то, с чего мы начали, Седьмая Заповедь (“не прелюбодействуй”), тоже имеется в виду, и для этого Иисус в своих замечаниях возвращается к той части закона, которая говорит об отношениях между мужчиной и женщиной:

Сказано также,
что если кто разведется с женою своею, пусть даст
ей разводную.
А Я говорю вам:
кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния,
тот подает ей повод прелюбодействовать;
и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Основной смысл совершенно ясен: как во время творения Бог создал мужчину и женщину, образовав последнюю “плоть от плоти” мужчины, так во время женитьбы они снова сделались “одной плотью”. В глазах Бога они не могут быть разведены, кроме случая, когда брачные узы были разрушены прелюбодеянием. Закон (Второзаконие 24:1) регулирует отношения, вводя требования к процедуре развода, но даже это было уступкой нравам того времени, упавшим ниже уровня, установленного в дни творения [14]. На практике разводы стали настолько облегчены, что предложены в виде официального разрешения на недозволенные желания. Иисус демонстрирует, что это лишено всяких оснований, и тот, кто женится вновь при жизни своего бывшего супруга, виновен в прелюбодеянии. Нужно уяснить два момента: первый, – что сравнение с законом, как он сформулирован во Второзаконии 24:1, не оставляет сомнений, что обсуждаемое нами – не разделение супругов, а процесс наделения их законной свободой вступать в новый брак; второй, – что закон, провозглашенный Христом, имеет одно исключение. В тексте нет никаких подтверждений тому, что статья, составляющая исключение, здесь и в Матфее 19:9, не является подлинной; такое суждение сохраняется

только с легкой руки “высокой критики”. Но это исключение не предписывает развода в подобных случаях, а только упоминает попутно, что супруги переходят в разный разряд вследствие развода по иным причинам. Следует ли обиженному партнеру стремиться к свободе, должно быть определено основными принципами, данными Христом в Нагорной Проповеди: кто может усомниться, что закон любви предписывает отнестись к согрешившему супругу так, как Осия – к Гомери, дочери Дивлаима? Или – если Бог является примером для сыновей – как относился Бог к Израилю на протяжении его истории, когда даже личная жизнь пророков становилась притчей?

Метод Иисуса дает те принципы, по которым человек сможет судить сам себя, а не закон, по которому он осуждает других. Если, однако, в Нагорной Проповеди и существует место, где сказанное приобретает характер указа, с его точностью (и, потому, с установленными пределами), то – именно здесь. Где-то в других местах правила супружества изложены языком общих терминов, без каких-либо ограничивающих статей; тот факт, что в рассматриваемом случае такие ограничения даны, предполагает, что этот отрывок должен быть воспринят буквально. Но, по этой же причине, возникает опасность, свойственная применению любых законодательств: желающий так поступать может соблюсти букву закона, аннулируя его цель. Существует “статья, составляющая исключение”, и человеку очень просто привести в оправдание эту статью, в то время как истинный повод к разводу – то, что он нашел другую женщину, понравившуюся ему. Кто может оценить эти мотивы? Только сам человек. Является ли в этом случае второе супружество моральным прелюбодеянием, хотя статья Писания, как может показаться, одобряет его? Было бы гораздо лучше, если бы обиженный супруг остался холостым (допуская, – и это большое допущение – что не существовало альтернативы полному прекращению брака). Жертва? Несомненно, но не она ли часто требуется от детей Бога? Многие остаются совсем неженатыми из-за преданности заповедям Христа.

Здесь не место для детального исследования одного из сложнейших вопросов; наша сегодняшняя цель – показать только те из масштабных духовных принципов, проблема которых связана с Нагорной Проповедью в целом. Этот вопрос, по своей природе, вовлечен в спутанный клубок человеческих страстей, некоторые из которых попирают закон Христа. Оставив в стороне мотивы человеческих желаний, рассмотренные нами выше, мы можем предположить, что оскорбленный супруг захочет добиться развода из

чувства ожесточения или отвергнуть развод из мстительности. Дух непростения часто рядится в одежды праведности, и, пользуясь буквой Писания, ни одно церковное установление ничего не способно с этим сделать. Словосочетание, переведенное как “внебрачная связь”, имеет широкое значение, но, в контексте этих двух отрывков из Матфея, ссылка на недозволенность половых связей вне брака женатого мужчины (или замужней женщины) может быть подвержена сомнению только теми, кто придерживается доктрины Римской Католической Церкви.

Примечания к главе 3.5

1. Исход 20:14; Второзаконие 5:18	8. Колоссянам 3:5
2. Римлянам 7:7, сравните с
Исходом 20:17 и
Второзаконием 5:21	9. 1-е Иоанна 2:16-17
3. Притчи 6:25; 4:23; 16:2; 21:2	10. Матфей 19:16-30; Марк 10:17-30; Лука 18:18-30
4. Матфей 5:21-22	11. Матфей 6:33
5. Откровение 22:15	12. Матфей 18:8-9; Марк 9:43-48
6. Матфей 5:20	13. Псалтирь 1:1-2
7. Колоссянам 2:20-23	14. Матфей 19:3-9; Марк 10:2-12

6. *Геенна (Матфей 5:29-30)*

Полная утрата человеком самого себя в будущем из-за потакания своим сегодняшним желаниям описывается Иисусом при помощи образа “всего тела (в отличие от отдельных членов), вверженного в геенну”. Слово “геенна”, за одним исключением, встречается только в Новом Завете. В Евангелиях его произносил только Иисус, а не сами евангелисты. Лишь в Послании Иакова 3:6 мы сталкиваемся с этим словом, где при помощи него создается смелый образ: Иаков говорит, что язык “воспламеняем от геенны”. Неукротимый язык – это огонь; из-за него вся жизнь может быть отдана уничтожающему огню Божьего Суда. Предзнаменование суда настолько значительно, что Иаков описывает язык как орган, воспламеняемый от геенны, в которой он и найдет конец.

О таких царях, как Ахаз и Манассия [1], Иеремия говорил: “И устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне” [2]. Иосия, в своих усилиях уничтожить языческие культы, изломал все статуи и осквернил все ритуальные места, о чем записано так: “И осквернил он Тофет, что

на долине сыновей Еннома” [3]. В этом Иосия следовал примеру Асы, который лишил звания царицы свою мать Мааху и сжег сделанного ею “истукана Астарты” “у потока Кедрон” [4]. В царствование Езекии к потоку Кедрон также выносились разломанные остатки жертвенников и “все, на чем совершаемо было курение идолам” [5], в то время как Иосия сам сжег в этой долине вещи, сделанные для Ваала и Астарты и находившиеся до этого в храме Господа [6]. Если Тофет был действительно расположен в слиянии двух долин, то, вероятно, самые низкие части обеих были загрязнены, и их, возможно, имеет в виду Иеремия, пророчествуя о дне, когда они будут очищены: “И вся долина трупов и пепла, и все поле до потока Кедрона, до угла конских ворот к востоку, будет святынею Господа; не разрушится и не распадется веками” [7].

Цель, состоящая в превращении этого места в непригодное для выполнения обрядов, полностью не была достигнута, а потому человеческие жертвоприношения были восстановлены в период царствования Иоакима [8], однако с тех пор Енном представлял собой место Божественного возмездия за осквернение имени Бога [9]. Пророчество об этом месте повторяется [10], когда Иеремия берет “горшечников сосуд”, идет “в долину сыновей Енномовых, которая у ворот Харшид” [11], и разбивает там кувшин, символизируя этим полное сокрушение народа и города. Енном, поэтому, становится образом того, что сокрушено так, что не может быть восстановлено [12], касается ли это жизни частной или государственной. В еврейских литературных источниках свидетельство о том, что в долину Енном доставлялся мусор из Иерусалима для сжигания его в огне, поддерживаемом постоянно, существует, к сожалению, не ранее 1200 г. н. э., когда раввин Давид Кимчи писал: “Геенна была местом, находящимся в стороне, и куда сбрасывались отходы и мертвые тела; постоянный огонь, горящий там, сжигал эти отходы и тела, поэтому о нем говорили метафорически как о Геенне, месте наказания”. Эта традиция разумна, и сэр Чарльз Варрен пишет: “Можно признать это наиболее вероятным способом размещения невероятных количеств отходов, требующих уничтожения для сохранения здоровья города” (“Hastings' Dictionary of the Bible”). Это, в некоторой степени, подтверждается словами Иеремии 31:40, процитированными выше, где говорится о “долине трупов” и, может быть, имеются в виду мертвые тела людей и животных. Возможно, намек на это содержится в словах, предсказавших судьбу Иоакима: “Ослиным погребением будет он погребен: вытащат его и бросят далеко за ворота Иерусалима” [13].

К талмудскому времени (с третьего по пятый века) долина Енном дала свое имя мифологической области, которой приписывались фантастические черты, позже позаимствовавшей название “Ад” у средневекового христианства. Было бы глупо выдвигать в качестве догмы сроки, когда эти характеристики были приобретены; многое зависит от сомнительных датировок и апокрифических текстов типа Книги Еноха и других. С большой легкостью легенды вырастали в стороне от Палестины, особенно там, где иудаизм был искажен под влиянием греческой философии.

Для слушателей Иисуса – палестинских евреев первого века – Геенна, вероятно, если не определено, уже символизировала “место конечного карающего события и обстоятельств, связанных с ним” (D. S. F. Salmond, “Hastings' Dictionary of the Bible”). Однако, в чем заключалась вера евреев по поводу природы и продолжительности окончательного возмездия во времена Нового Завета, является спорным вопросом, на который нелегко ответить. Может быть, достаточно сказать, что они не сомневались в том, что Иисус говорил об исходе заключительного суда, и в том, что природа этого исхода должна быть познана из учения Иисуса.

Кроме упоминания об уничтожении в самой Нагорной Проповеди, учение, безо всяких сомнений, содержит в себе сравнение между смертью, которая не может помешать воскресению, и смертью непоправимой и вечной; такое сопоставление проведено в Матфее 10:28: “И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; бойтесь более того, кто может и душу, и тело погубить в геенне”. Погубить – больше, чем убить: это значит привести к полному концу, и в Матфее 7:13-14 “погибель” является антитезой “жизни” как два противоположных конца для человека. Огонь – образ грядущей гибели: “печь огненная”, подобная той, в которую были брошены плевелы в притче [14]; “огонь вечный”, определяющий все будущее тех, кто того удостоится [15]; огонь, который не погаснет, потому что (подобно пламени, пожравшему “чертоги Иерусалима” [16]) будет гореть до тех пор, пока не останется ничего из того, что он мог бы “пожрать” [17]. Осуждение и наказание всегда изображались, сопровождающимися “плачем и скрежетом зубов” [18].

Каково происхождение этого языка? Огонь, сжигающий отходы, отчасти, поспособствовал происхождению этого образа, но, оказывается, он простирается гораздо дальше, к тому историческому огню, который разрушил символы идолопоклонства; это особенно знаменательно как возмездие за огонь человеческих жертвоприношений. Однако в

размышлениях Господа более важным элементом является внимание к тому, какое место занимает огонь в символике Ветхого Завета. Уничтожение, в буквальном смысле, Иерусалима в результате войны сопровождается огнем в описаниях Иеремии, Иезекииля и малых пророков; однако, гораздо раньше сказано об этом в Псалтири и у Исаии. Огонь сопутствует Божественному присутствию, особенно, когда Бог появляется среди людей, сойдя “в огне” на гору Синай [19]. Пламя – это действующая сила суда и способ уничтожения грешников [20]. Бог явился на горе Синай Моисею, который передал людям откровение о личности Бога: “Ибо Господь, Бог твой, есть огонь поедающий” [21]; все эти образы собраны воедино в символике видения Даниила о зверях: Ветхий днями воссел на престол, который был, как “пламя огня”, а колеса престола были, как “пылающий огонь”. “Огненная река выходила и проходила перед Ним”, и когда четвертый зверь был убит, и тело его сокрушено, он был “предан на сожжение огню” [22]. Отрывок же, на котором прямо основывались слова Господа о Геенне, – это сказанное в книге Исаии 66: 24: “И будут выходить, и увидят трупы людей, отступивших от Меня: ибо червь их не умрет, и огонь их не угаснет; и будут они мерзостью для всякой плоти”.

Огонь как орудие вынесения Божественного приговора является и атрибутом будущего, и прошлого, но, как в видениях Апокалипсиса, буквальный аспект приобретает подчиненный смысл. Геенна символизирует решительность Божьего Суда, силу и полноту, с которыми приговор будет приведен в исполнение, что повлечет за собой полное исчезновение приговоренной личности.

Примечания к главе 3.6

1. 2-я Паралипоменон 28:3; 33:6;	12. Иеремия 19:11
4-я Царств 16:3; 21:6	13. Иеремия 22:19
2. Иеремия 7:31	14. Матфей 13:42
3. 4-я Царств 23:10-14	15. Матфей 18:8-9
4. 3-я Царств 15:13	16. Иеремия 7:20; 17:27
5. 2-я Паралипоменон 29:16; 30:14	17. Марк 9:43-49
6. 4-я Царств 23:4,6,12	18. Матфей 8:12; 13:42; 25:30 и т.д.
7. Иеремия 31:4	19. Псалтирь 17:9, 13,14; 49:3; Исход 19:18
8. Иеремия 11:10; Иезекииль 20:30-31	20. Псалтирь 96:3; Исаия 30:27; Псалтирь 10:6; 20:10; 36:20;
9. Иеремия 7:32	
10. Иеремия 19:11	
11. Иеремия 19:2	

82:14-15; 117:2; Исаия 5:24;
33:14; 66:15

21. Второзаконие 4:24
22. Даниил 7:9-11

7. Мысль и слово (Матфей 5:33-37)

*Еще слышали вы, что сказано древним:
“не преступай клятвы, но исполняй
перед Господом клятвы твои”.*

А Я говорю вам:

*Не клянись вовсе:
ни небом,
потому что оно престол Божий;*

*ни землю,
потому что она подножие ног Его;*

*ни Иерусалимом,
потому что он город великого Царя;*

*ни головою своею не клянись,
потому что не можешь ни одного волоса сделать
белым или черным;*

*но да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет”;
а что сверх того, то от лукавого.*

“Поклоняйся Господу твоему, Богу”, – на святости Бога и на страхе и благоговении, причитающихся Ему, основываются и закон Моисея, одобряющий клятвы, и закон Христа, запрещающий их. Высказывание, в котором Господь обобщает то, “что сказано древним”, включает в себя клятвы и обеты; для того, чтобы понять это, нужно рассмотреть положения Закона. Три формы клятв или заповедей встречаются в судебной практике:

(1) “голос проклятия” [1], который человек слышал или о котором знал, “но не объявил”, вменяется ему в грех. Обязанностью священника было давать показания о том, что он знает. Подразумевалось, что его показания будут правдивыми, но это существенно отличается от современной присяги при отправлении правосудия. (а) Это не торжественное заявление говорить правду, данное свидетелем, но долг давать показания, наложенный на него судьей, являющимся также и

священником, действующим от имени Бога в Его царстве. (б) Ни один человек, занимающий должность судьи сегодня, не обладает такими полномочиями, как священник, назначенный Богом. (в) Нет никаких оснований считать, что этот способ ведения дела был универсальным, скорее это было властью в руках священника, которой он пользовался в нужных случаях. Знаменитый пример такого употребления авторитета в Писании – применение его Первосвященником Каиафой по отношению к самому Господу Иисусу [2]; хотя дело велось незаконно: не было ни одного действительного свидетельского показания, на основе которого можно было бы выдвинуть обвинение, а, кроме того, нельзя было требовать от обвиняемого свидетельствовать против себя, – Иисус проявил уважение к закону и свое благоговение перед Божественным именем, безоговорочно ответив на предложение поклониться.

(2) В тех случаях, когда отданная на сбережение собственность пропадает или бывает повреждена, закон требует, чтобы “клятва перед Господом” была дана между этими людьми, хозяином и человеком, которому было поручено хранить имущество [3]. Клятва хранителя собственности должна быть принята, и он должен быть освобожден от возмещения убытка.

(3) Единственный случай обязательной клятвы – тот, когда женщина подозревается в супружеской неверности, а клятва является частью сурового испытания, накладываемого на нее священником. Это уже клятва в полном смысле слова, она произносится в ответ на обвинение независимо от согласия женщины. В жизни такие судебные процедуры имели ограничения. В свете этих указов раввины понимали, что клятва должна приниматься только “в гражданских случаях, а не в криминальных; только в тяжбах относительно частной собственности, а не священнической; только по поводу движимой собственности, а не по поводу недвижимости... Более того, присяга в судебном процессе применялась только тогда, когда не было никаких улик или они были недостаточны, и могла быть потребована от одной из сторон”. В таких делах к присяге приводился только обвиняемый, а если он был замечен в склонности к ложной присяге, то не приводился к ней [5]. Позже появилась другая форма клятвы, известная из Мишны, которая давалась при определенных обстоятельствах, но этого мы сейчас не касаемся.

Кроме судебных разбирательств Закон регулирует человеческую жизнь официальными заявлениями, налагающими двойное ограничение: “...не лгите и не обманывайте друг друга. Не клянитесь

именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего” [6]. Люди должны были оставаться правдивыми, потому что ложная клятва оскверняет то имя, которое они призвали в свидетели, а клясться другим именем, а не Господним, они не должны были. Ведь заповедь “Господа, Бога твоего, бойся и Ему одному служи, и Его именем клянись” [7] не налагает обязательства давать клятву, а запрещает прибегать к любому другому имени на земле, потому что нет никакого другого Бога, кроме Единственного.

Далее, законом предусматриваются добровольные обеты, когда человек дает Богу определенные обязательства: либо посвятить Ему дары и приношения, либо воздержаться от чего-либо, призывая при этом в свидетели Его Самого. В этом случае человек не должен быть беспечным перед Богом: “Если кто даст обет Господу или поклянется клятвою, положив зарок на душу свою, то он не должен нарушать слова своего, но должен исполнять все, что вышло из уст его” [8]. Исключительное замечание к Закону делает Екклесиаст: “Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово перед Богом, потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немногие. Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов. Когда даешь обет Богу, не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым” [9].

Глупец, бормочущий обеты, так же бессмысленен, как человек, разговаривающий во сне и обнаруживший, что говорил на свою погибель. Он свободен не давать обеты, но не свободен не выполнять их [10].

Все ограничения, сопровождающие клятвы и обеты, являются продолжением одной из десяти заповедей: “Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно”, [11] – где слово “напрасно” может означать как “впустую”, так и “ложно”, и, без сомнения, включает оба значения. Особое внимание, уделяемое возвеличиванию Бога, приводит к пониманию того, что Третья Заповедь – это логическое продолжение первых двух: “Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим”. Заповедь, касающаяся Его имени, – это осознание Его Божественности, Его единственности, Его всеобщности: человеческие слова должны быть подчинены той истине, что Бог есть Бог, призывает ли человек Господа или произносит слова обещания. В свете этого один раввин сказал: “Пусть для тебя “да” будет “да”, а “нет” будет “нет”. Тот, кто изменяет своему слову, совершает такой тяжелый грех, как если бы он поклонялся идолам, и тот, кто произносит слова неправды, устраняется из Божественного общества”.

Подобные высказывания демонстрируют понимание истины, которое было сведено к нулю менее проницательными старейшинами: не существует точек, через которые можно было бы провести линию между тем, что Божье, и тем, что не Божье. Проводить отличие между клятвами Творца и клятвами тех, кого Он сотворил, – бесполезный самообман. Это, более того, нарушение заповеди “Не лги”, а потому – путь двойного отрицания святости и всеобщности Бога, которым “мы живем, и движемся, и существуем”.

Талмуд и еврейские писания вплоть до рукописей Маймона 12-го века (Моисей-бен-Маймон – талмудист, философ, астроном, физик, родился в 1135 г., умер в 1204 г. – Примеч. переводчика) свидетельствуют об уклонениях от клятв и показывают, что и здесь, и в Матфее 23:16-22 Господь произносит слова, которые действительно использовались. Существует достаточно много признаков того образа действий, которым “уничтожается закон”: Иисус легко показал, как слова из Писания выносили приговор распространенному в ту пору языку торжественных заявлений. Господь помнит слова из книги Исаии: “Небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих... Ибо все это сделала рука Моя”. Псалмопевец пел о Сионе: “Велик Господь и всехвален во граде Бога нашего... городе великого Царя” [13]. Если, таким образом, слова “исполняй перед Господом клятвы твои” толковались как призыв к исполнению только клятв, данных Господу, то теперь Иисус показывает, что любые клятвы осуждаются, ведь они содержат упоминание Бога. Если клятва затрагивала священный объект, то ценность ее была в том, что он был посвящен Богу; если в клятве называлась сотворенная вещь, то замечательно было то, что Бог сотворил ее [14].

Глупее всего клясться собственной головой или бородой (давать клятвы типа “Даю голову на отсечение” или “Клянусь своей бородой”), ведь человек при этом ручается тем, что не в его силах. Он не может по своему желанию сделать седым ни единый волос; какова же ценность такой клятвы, если в ней нет упоминания Творца этих волос, способного за ночь убелить всю вашу голову? Люди не принадлежат сами себе, как же они могут клясться собой? В любом случае, произносящий подобное связывает себя и подлежит суду даже по тому закону, который он признает. Выдвигать двойной стандарт в клятвах означает быть легкомысленным по отношению к Богу.

Многое очевидно из самого Закона, и различия между формами обетов походят на фарисейское “оцеживание комара, а верблюда поглощение”. Такие различия могли появиться только там, где

истинная цель Закона была похоронена под слоем пыли его формальных толкований. Но даже выходя за пределы этого, к более широкому осуждению клятв, Иисус еще не выносил на рассмотрение новое учение во всей полноте. Одним из знаков различия между фарисеями и ессеями было то, что последние говорили: “тот уже осужден, кто не может уверовать без взывания к Богу”. Слово, которому нельзя доверять без клятвы, не намного надежнее с клятвой; в таких вещах двойной стандарт означает расколовшуюся надвое основу: “Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих”. Закон, требующий, чтобы почтение перед Богом пропитывало всю жизнь целиком, содержал, поэтому, принцип, который должен был свести на нет применение клятв, хотя он и был изложен формально и предусматривал ограниченные меры наказания из-за людского “жестокосердия”.

Иисус, таким образом, первым осудил толкование, подрывающее закон, но он своей собственной властью и переступает границы формулировок Закона и, делая это, открывает истинную его цель. “Но да будет слово ваше: “да, да”, “нет, нет”, – говорит он. Если мы спросим, в чем состоит сила дважды повторенных слов, ответить нам сможет Иаков: “Да будет у вас да – да...” Если суть заключается в “да”, пусть и слово будет “да”, и никакое другое, и пусть это значит именно то, что сказано.

Одной из поразительнейших современных иллюстраций того, что это могло означать, является – увы – пример из жизни нехристиан. Солдат, которого долг службы привел к китайским лавочникам в Сингапуре, рассказал автору, что они считали оскорблением своей чести просьбу поставить подпись под письменным контрактом, однако, были очень осторожны при произнесении ими слов.

“А что сверх этого, то от лукавого...” Среди изучающих Библию существует тенденция олицетворять “лукавого” с дьяволом на том основании, что это больше согласуется с еврейским характером мышления: фактор, оказывающий влияние, интерпретируется скорее как автор зла, а не как абстрактный принцип. Но, не говоря уже об истине, что нет никакого персонального “автора зла”, независимого от человека, эта точка зрения игнорирует важную еврейскую концепцию, находящуюся в гораздо большей гармонии с основным учением Писания. Это – “Йецер-ха-Ра”, злое побуждение, выражение, с которым мы встречаемся в Бытие 8:21: “...помышление (“йецер”) сердца человеческого – зло от юности его” [15]. Во Второзаконии 31:21 также встречается это слово: “Я знаю мысли (“йецер”) их, которые они имеют

ныне”. От злого побуждения, говорили раввины, происходит гнев, мстительность, алчность, тщеславие и неводержанность, что аналогично осквернениям, осуждаемым Господом, исходящим из “сердца человеческого” [16]. “Помышления” в Писании не обязательно, однако, дурного качества, о чем можно прочесть у Исаии: “Твердого духом (“йецер”) Ты хранишь в совершенном мире” [17]. Раввины отмечали также добрые побуждения (“йецер тов”), но в то время как зло рождалось вместе с человеком, добро – на тринадцать лет моложе: ссылка на то, что по обычаю еврейский мальчик в тринадцать лет становился “бармицвехом”, “сыном Заповеди”. Таким образом, представляется, что добро входит в человека со Словом Божиим, в то время как зло – врожденное качество. Если “Йецер-ха-Ра” (дурной помысел) имеет тенденцию быть олицетворенным, а иногда и отождествленным с мифологическим Сатаной, то это тот род развития мысли, которого можно было ожидать, однако очевидно, что изначально выражение “Йецер-ха-Ра” было попыткой объяснить психологию человека в рациональных и библейских терминах. Хотя эти раввинские писания и принадлежат к более позднему периоду, чем время Иисуса, они основаны на ранних традициях и могут служить доказательством того, что Иисус имел в виду, когда говорил своим слушателям о “лукавом” как о побуждениях человеческой природы. То, что выходит из человека, оскверняет его, учил Иисус, потому что из сердца его исходят дурные мысли и следующие за ними поступки. Описанная Павлом война внутри него самого между “законом его членов” и “законом его ума” очень хорошо иллюстрирует истоки еврейского мышления. Грех, живущий в его плоти, по словам Павла, работает на смерть, даже делая “что-то хорошее”, потому что Закон открывает порочность греха, а потому осуждает его [18]. Как совершенны его рассуждения, вырастающие из слов Господа, когда “лукавый” понимается как постоянно живущая в человеке склонность! И Иисус, и Павел коснулись этого, чтобы показать, что современный им иудаизм не мог разрешить конфликта между злом и добром в человеке.

В праведности, принадлежащей Царству, нет места словам или поступкам, основанным не на “мудрости, нисходящей свыше”, а на “земной, душевной, бесовской” [19]. Когда установится Его полная Власть, а все враги будут подавлены, Бог будет “все во всем”, и совершенный порядок вещей наступит для тех людей, для которых Бог всегда был “все”, ведь все пришло от Него и Им все существует. Это – знание о Боге и об ответе, который должны дать Ему люди,

пронизывающее слова Иисуса. Хотя мы можем уловить параллели с еврейским образом мыслей, никто еще не видел столь ясно Того, Кто невидим, и не оценил со всей прозорливостью каждый поступок или мысль в свете этого видения. Такое зрение придает учению Иисуса о клятвах единство и глубину. Иисус мог использовать кирпичи, изготовленные другими людьми, но дом, который он строит из них, – его собственный, и создается он по небесному плану.

Для имеющих подобное зрение поклонение не является случайным актом, оно – постоянная позиция; жизнь их сориентирована по направлению к Богу. Христос – единственный жизненный пример, на который следует опираться, а он сказал, что поклоняющиеся Богу “должны поклоняться в духе и истине” [20]. Бог есть Дух и призывает людей поклоняться Ему “в духе”, в полностью духовном сознании, и в Божественном обучении человека этот урок должен быть проведен в жизнь путем окончания ритуалов закона (хотя Сам Бог предписал его) и разрушения Храма в том месте, которое Бог выбрал, чтобы поместить там Свое Имя. Когда именно этот центр был уничтожен, Израиль должен был понять, что истинное поклонение состоит в памяти о Боге в повседневной жизни. Эта память должна как сдерживать их слова, так и освящать их обещания.

Понимая образ мыслей Иисуса, мы способны ближе подойти к двум вопросам:

1) Применял ли Иисус запрет на судебные клятвы к своим ученикам? и 2) Запрещаются ли судебные клятвы тем, кто сегодня исповедует его имя? Слова “Не клянись вовсе” могут сами по себе рассматриваться как одно из его кратких высказываний, выраженных в восточном стиле. Когда Иаков цитирует эти слова, сам контекст определяет, что он имеет в виду. Говоря о притеснениях, которые могут испытать братья, он утешает их словами: “будьте долготерпимы до пришествия Господня”, – и приводит в пример “злострадания и долготерпения... пророков” [21]. Верующие, подобно пророкам, могут оказаться гонимыми и осуждаемыми. Их твердость может быть испытана там, где они искушаемы выразиться красочным восточным языком, о чем Иаков говорит так: “Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас “да, да” и “нет, нет”, “дабы вам не подпасть осуждению”.

В противовес чему произносит Иисус: “А Я говорю вам “? Его учение отличается от Закона, который запрещает а) ложные клятвы и б) невыполнение обетов. Иисус же учит: “Не клянитесь вовсе” и (по меньшей мере, косвенно) “не давай обетов”. Такие обеты и клятвы, по

мнению Иисуса, носили добровольный характер, что подтверждается тем, что все приводимые им примеры взяты из повседневной жизни и рыночного языка, а не из юридической практики. Если к этому прибавить, как сам Иисус вел себя под судом, мы сможем ответить на первый вопрос так: “Нет, он не запрещал ученикам давать судебные клятвы, когда этого требовало подчинение Закону Моисея и пока Закон существовал”.

Это, однако, не полный ответ на вопрос: как мы должны себя вести сейчас, скорее нужно решать в свете лежащих в основе принципов, чем буквы указа. Невозможно сравнивать судебные клятвы под Законом Моисея с таковыми в обычном современном суде как по тому авторитету, которыми они обладают, так и по форме, в которой даются. Уже было показано, что под Законом клятвы применялись лишь в определенных случаях, и есть что-то отталкивающее в той легкости, с которой они даются сегодня. Как поступать нам, мы должны решить сами. Мы знаем, что нам предписано честно отвечать судьям, но мы можем почувствовать, – как автор этой книги – что нашему духу поклонения больше соответствует не присяга, а торжественное заявление в разрешенной форме, в котором мы избежим упоминания Божественного имени, оскверняемого таким образом ежедневно. Для учеников Христа существует лишь один стандарт правды, и клятва Божественным именем ничего не прибавит к нему, в то время как истинное почтение побуждает нас сопротивляться обращению к Его имени для свидетельства наших человеческих показаний. Единственное, что безусловно для последователей Христа, – “все делать во славу Божию” [22].

Примечания к главе 3.7

1. Левит 5:1	12. Исаия 66:1-2
2. Матфей 26:63	13. Псалтирь 47:2-3
3. Исход 22:11	14. Матфей 23:17-22
4. Числа 5:19, 21	15. Сравните с Книгой Бытия 6:5
5. Jewish Encyclopaedia	16. Марк 7:20-22
6. Левит 19:11-12	17. Исаия 26:3
7. Второзаконие 6:13; 10:20	18. Римлянам 7
8. Числа 30:2	19. Иаков 3:15
9. Екклесиаст 5:1-3	20. Иоанн 4:24
10. Второзаконие 5:11	21. Иаков 5:7, 10, 12
11. Исход 20:7; Второзаконие 5:11	22. 1-е Коринфянам 10:31

8. Путь непротивления (Матфей 5:38- 42)

*Вы слышали, что сказано
“око за око, зуб за зуб”.*

*А Я говорю вам:
не противься злему.*

*Но если кто ударит тебя в правую щеку,
обрати к нему и другую.*

*И кто захочет судиться с тобою, и взять у тебя рубашку,
отдай ему и верхнюю одежду.*

*И кто принудит тебя идти с ним одно поприще,
иди с ним два.*

*Просящему у тебя дай
и от хотящего занять у тебя не отвращайся.*

Когда Иисус переходит от святости Бога к отношениям своих учеников с другими людьми, сразу становится понятным, что он изображает своих последователей, как временных обитателей в чуждом им мире. Они будут объектами притеснения, несправедливости, оскорблений. Кроткие пройдут через период покорности до вступления в наследие. Именно в это время люди показывают, действительно ли они в договоре с Богом, а потому – является ли Его Царство их царством.

Если это так, то принцип, управляющий всеми их действиями, – “Не противься злему”. В данном случае имеется в виду буквальное зло, а не Дьявол, в форме ли традиции или веры, ведь чем бы он не был, ему следует противиться [1]. Слово, переведенное с греческого как “злой” (“понаурос”) встречается и в Матфее 5:39, и в Матфее 5:37, где означает злой и греховный элемент жизни, рассматриваемый как с абстрактной точки зрения, так и предполагаемый в деятельности какого-либо человека. Вопрос состоит в том, что мы должны делать не со злом в нас самих, а со злом, проявленным другими людьми по отношению к нам. “Не говори: “как он поступил со мною, так и я поступлю с ним, воздам человеку по делам его” [2].

Закон не оправдывал личную месть. Законным было возмездие. Фарисеи толковали заповедь “глаз за глаз, зуб за зуб” не как

буквальное требование воздавать увечьем за рану, а как законный технический термин, предписывающий, чтобы компенсация была строго соразмерна нанесенному ущербу. Во времена Христа закон возмездия не понимался в буквальном смысле и не применялся на практике. Какова была первоначальная идея этого закона в точности – более сложный вопрос. В вавилонском своде законов Хаммурапи (18 век до н. э. – Примеч. переводчика) правило “глаз за глаз, зуб за зуб” использовалось строго, что приводило к значительным следствиям. Если строитель возводил дом настолько плохо, что тот обваливался и погребал под руинами хозяина, то расплатой становилась собственная жизнь строителя, но если в результате обвала погибали дочь или сын хозяина, то не сам строитель, а его сын или дочь должны были нести наказание. Подобное искажение справедливости могло основываться только на абсолютно другом подходе к человеческой жизни, чем в законе Моисея: сын или дочь рассматривались не как личности, жизнь которых неприкосновенна, а как часть собственности или прав их отца. В законе же Моисея, что касается отношений между людьми, жизнь сама по себе являлась высшей ценностью, охраняемой законом; жизнь со всеми ее атрибутами, такими как собственность, под Богом, каждой “живой души”. Кажется, что в Исходе 21:31 содержится даже умышленный намек на вавилонский свод законов. Моисеев закон постановливает, что если известно было раньше о бодливости вола, жизнь его хозяина должна быть расплатой, если это повлечет смерть кого-то; к этому добавлено: “Сына ли забодает, дочь ли забодает, – по сему же закону поступать с ним” [3].

Что же касается преднамеренного убийства, то “кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти”. Никакой выкуп не может быть принят за жизнь человекоубийцы [4]. Однако доктор Херц утверждал, что, поскольку этот случай описывается как исключительный, в других ситуациях, возможно, допускалась денежная компенсация. Первая фраза этого закона, “глаз за глаз” (Исход 21:24), следует сразу за постановлением о выплате компенсации, покрывающей остановку в работе и стоимость лечения в случае, если пострадавший сляжет в постель из-за травмы (стихи 18-19). В других случаях буквальная трактовка закона невозможна, особенно во Второзаконии 19:21, где говорится о тайном сговоре свидетелей [5].

Как бы ни использовались эти статьи закона, они устанавливали два правила. Первое, – все равны перед законом; зуб бедняка имеет ту же ценность, что и зуб князя; закон провозглашает права человека семени Авраамова независимо от чина или богатства. Второе правило,

– “мера за меру”. Воздаяние в любой форме должно быть не больше и не меньше потери; не требуется двойной компенсации в духе мести, и не допускается, для влиятельных лиц, ухода от полного возмещения.

Принцип “мера за меру” – суть естественной справедливости и единственная беспристрастная основа, на которую опирается закон, способный контролировать дела в государстве. Однако то, что говорит Иисус, не было открыто его ученикам. Кто угодно, только не они, должны требовать причитающегося им или отстаивать свои права: не может быть более ясной разницы между законодательством, управляющим государством, и жизненными принципами странников Христа. Государство должно защищать равенство между людьми, Иисус же установил фундамент для руководства апостолов другими людьми.

Что это за жизненные принципы, можно проиллюстрировать на трех примерах. Во-первых, случаются такие оскорбления, которые перенести труднее, чем физические травмы. Как показано в Плаче Иеремии 3:31, удар оскорбительнее, чем рана; удар, предназначенный для того, чтобы сбить человека с ног, мог быть нанесен правой рукой, а потому попал бы в его левую щеку. Иисус, конечно, помнил слова Иеремии, потому что сказанное пророком является уроком терпения и воспринимается как испытание, возложенное Господом на человеческие плечи.

Благо тому, кто терпеливо
ожидает спасения от Господа.
Благо человеку, когда он несет
иго в юности своей.
Сидит уединенно и молчит,
ибо Он наложил его на него; ...

Подставляет ланиту свою бьющему его,
пресыщается поношением;
Ибо не на век оставляет Господь... [6]

Потому Раб Господа “лица... не закрывал от поруганий и оплевывания” [7].

Пророчество, осуществленное в нем самом, – совершенный пример исполнения этой заповеди. Боль и стыд, причиненные ему слугами Первосвященника или солдатами Пилата и Ирода, напряжение от испытания бессонной ночью и утреннее изнеможение, бичевание, терновый венец, осмеяние и издевательство над тем, что он – Царь – все это переносил, не уклоняясь, в безмолвии смирения. Однако один

пример оберегает нас от слишком узкой трактовки слов Иисуса. Когда во время допроса у Первосвященника один из служащих ударил его, Иисус не подставил, буквально, другую щеку, а с хладнокровием указал на неправильность этого поступка: “если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?” [8] Он не защищал свое собственное достоинство: это было необходимо с единственной целью, для которой он подчинился власти людей, — ясно указать на незаконность этой процедуры; он умер без вины. Удар последовал за отказом Иисуса отвечать на вопросы прежде, чем будут заслушаны свидетели его проповедей, что было еще одним доказательством несправедливости этого суда. В том же самом духе Павел и Сила — не ради себя, а ради Евангелия — настаивали на том, чтобы филиппийские судьи подтвердили незаконность своих действий [9].

Следующий пример — повиновение жестокому законному требованию. Закон милосердно защищает бедных: “Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, — до захождения возврати ее, ибо она есть единственный покров у него; она одеяние тела его: в чем будет он спать? Итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу; ибо Я милосерд” [10].

Однако Иисус запрещает своим ученикам пользоваться этим. Если кредитор требует у них в залог нижнюю одежду, более ценная верхняя одежда должна быть тоже отдана, даже если должник лишается таким образом своего покрова на ночь: другой крайний пример проведения в жизнь этого урока. С другой стороны, сказанное иллюстрируется историей, рассказанной одним раввином, потерявшим бочонок вина из-за небрежности бондарей. Он взял их одежды для возмещения убытка, на что бондари пожаловались известному учителю. “Верни им одежды”, — был приговор. “Разве то, что ты сказал справедливо?” — спросил раввин. “Да, — ответил учитель, — ходи путем добрых [11], как завещал Соломон”. Тогда он отдал им одежды, но они опять пожаловались: “Мы люди бедные, и работали весь долгий день, и голодны, а у нас ничего нет”. Тогда судья сказал: “Подойди, дай им их заработок”. “Справедливо ли это?” — спросил раввин. “Да, — сказал тот”, — Соломон продолжал: “Держись стезей праведников” [12].

Лука, в его описании выступления Иисуса, произнесенного после избрания апостолов, привел два близких рассмотренным выше высказывания, но форма их такова, что они описывают акт насилия: “Ударившему тебя по щеке, подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку” [13]. Пропуск уточнения “в правую”, когда говорится о щеке, меняет смысл

сказанного, превращая пощечину в простой удар презрения; упоминание “верхней одежды” перед “рубашкой” означает, что пострадавший отдает нижнюю одежду, когда верхняя уже сорвана грабителем. Эти детали – лишь две из многих, указывающих на то, что Лука записал не ту же самую речь, что Матфей: это проливает дополнительный свет на сказанное Иисусом и расширяет его масштаб.

Третий пример из Матфея содержит в себе мысль о непротивлении в отношениях между учениками и властью. Интересна история слова “принуждать”. Геродот связывал его с персидской системой переправки официальной корреспонденции курьерами, которые сменялись в конце каждого дня пути. В книге Есфирь 8:10 это описано так: “он... послал письма через гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских”. В царские курьеры могли быть силой завербованы обычные люди со своим имуществом, а потому до 3-го века до н. э. слово “принуждать” использовалось для вербовки слуг и реквизиции собственности (животных или лодок, например) большей частью для перевозки военных грузов. Лучшей иллюстрацией этому может служить надпись 49 г. н. э. у входа в храм в Большом Оазисе, в которой Капето, префект Египта, ссылаясь на производимые домогательства, приказывает солдатам не заниматься реквизицией и не использовать торговый транспорт без его письменного распоряжения (описано в книге Hatch “Essays in Biblical Greek”). Это говорит о злоупотреблениях властей, от которых могли страдать люди в Римской империи. В Евангелии написано, что Симон Кириянин был завербован римскими солдатами нести крест, и это слово встречается в Новом Завете только раз [14].

Вербовка была признаком унижения народа Царства Божьего в руках чуждой власти, которую они называли “беззаконной” [15]. Страну охватили беспорядки и повторяющиеся восстания. Недалек был день, когда евреи сами предпочтут Иисусу разбойника Варраву, замешанного в совершении убийства во время мятежа [16]. Такова атмосфера, в которой Иисус завещает подчиняться существующим властям даже тогда, когда это – ненавистная иностранная власть, выполнять официальные требования даже тогда, когда власть дурно обращается с некоторыми коренными жителями, проявлять добровольный благородный отклик, даже больший, чем требуется. В то время как основным заветом является очистительная мука и борьба в сердцах учеников, косвенно показано и отношение Иисуса к мирским властям. Петр расширяет эту мысль: “Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной

власти, правителям ли... мы, делая добро, заграждаем уста невежеству безумных людей... Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите” [17]. Об этом же говорит и Павел: “Всякая душа да будет покорна высшим властям... Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь” [18]. Цель, которую Господь хочет достигнуть, давая все эти предписания, – подготовка к превращению своих учеников в граждан Царства. Но это и есть особенно трудная задача. Если ученик, выполняя завет, ставит перед собой ту же цель – самоусовершенствование, то побудительный мотив нередко становится эгоистическим и аннулирует саму цель. Человек, принимающий удар в безмолвии именно для того, чтобы стать более святым, находится в смертельной опасности превратиться в формалиста от веры, а такие люди, определенно, не относятся к классу, который Господь называет классом “блаженных”. Человек, подобный Христу, терпит удар и, таким образом, быть может, победит ударившего его и “спасет душу от смерти”, “потому что любовь покрывает множество грехов” [19]. Затем Иисус переходит к следующему принципу и в нескольких стихах показывает значение любви как движущей силы в жизни учеников: любви, которая должна по самой своей природе выходить за свои пределы.

Эта трудность встречается на пути каждого из последователей Христа, когда он проводит сказанное Господом в жизнь, что и составляет кульминацию рассматриваемой нами части Нагорной Проповеди. У Луки, в качестве иллюстрации к сказанному выше, предписывается повиноваться несколько другими словами: “Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад” [21]. У Матфея же мысль проходит следующие стадии: а) реакция на обиду, б) законное требование и в) официальное принуждение к г) моменту, когда человек свободен подчиниться или отвергнуть простое требование. Слова эти не новы. Закон предписывал: “отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей” [22]. Из притч рождается рассказ о просящем соседе: “Не говори другу твоему: ‘пойди и приди опять, и завтра я дам’, когда ты имеешь при себе” [23]. Одно из важнейших качеств праведного человека в Ветхом Завете – “милосердие” [24], то есть великодушие к другим, в отличие от немилосердия (“немилостивый глаз”) [25] – скупости и недоброго сердца. Но Иисус, определенно, не меньше древних мудрецов заботился о том, как распорядится просящий тем, что ему дано, а не только о самом факте помощи. Поэтому, хотя сама просьба о помощи

не может быть отвергнута, дар не всегда может иметь ту форму, о которой просят дающего. Часто возникает вопрос, следует ли давать деньги человеку, который, вероятно, тут же растратит их на выпивку? Пишущий эти строки без колебаний отвечает: “Нет, дать то, что губит просящего, значит не дать, а отнять”. Тот, кто делает обратное, либо оправдывает себя тем, что выполняет заповедь буквально, либо удовлетворяет свое неумное желание помогать, либо избирает, таким образом, более легкий путь, — в любом случае это не акт любви, движущей человеком, чтобы помочь нуждающемуся. Если же в нем присутствует дух Христа, просьба все равно не будет пропущена мимо ушей. Кроме денег существуют и другие способы помочь: еда, к примеру, или молитва за него. Это требует от дающего больше беспокойства и затруднений, иногда так много, что не всегда это можно сделать. Однако почти всегда можно привести человека, просящего у тебя денег на улице, в какую-нибудь подходящую столовую и заплатить за его еду. Это только один пример, как можно помочь просящему ради него самого, а не ради себя.

Сказанному Иисусом соответствуют две картины, показывающие, как эти принципы воплощаются в жизнь. Первая: человек поворачивается лицом к просящему и внимательно выслушивает его, что говорит о готовности сердца человека. Он ставит себя на место другого. Вторая картина рисует отвернувшегося человека: у него нет сочувствия к ближнему. Иисус же спрашивает: “Которым из этих двоих являешься ты?” Иисус сам обдумывал требования, предъявляемые ему. Несмотря на то, что в Капернауме его “все ищут”, он говорит: “Пойдем в ближайшие селения и города, чтобы Мне и там проповедовать, ибо Я для того пришел” [26]. Он не ответил немедленно матери и братьям, когда они пытались поговорить с ним [27]. Он отверг знамения, которых требовали от него фарисеи [28], и прямо отказался исполнить просьбу, преследующую несправедливые цели [29].

Павел и в этом вопросе, как и во множестве других, верно толковал и слова, и поступки Господа, благодаря чему мы имеем другие незаписанные высказывания, освещающие учение Иисуса: “Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых и памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он сам сказал: “блаженнее давать, нежели принимать” [30]. В послании Ефессянам Павел показывает, как своекорыстие сменяется на великодушие: “Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, чтобы было из чего уделять нуждающемуся” [31]. “Итак... будем делать добро всем,

а наипаче своим по вере” [32]. “Не забывайте также благодеяния и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу” [33].

Человек способен расти, только забывая о самом себе: Царства можно достигнуть, лишь ища спасения для других. В то время как любовь, причина непротивления другим, присутствует уже в Ветхом Завете (смотри, к примеру, Притчи 25:21-22), в словах Иисуса этот принцип выражен полно и окончательно.

Примечания к главе 3.8

1. Иаков 4:7	18. Римлянам 13:1,7
2. Притчи 24:29; 20:22	19. Иаков 5:20; 1-е Петра 4:8
3. Сравните с Второзаконием 24:16	20. Матфей 5:43-48
4. Исход 21:12; Числа 35:31	21. Лука 6:30
5. Смотрите главу 3.3	22. Второзаконие 15:8, 11, сравните с Псалмом 36:21,26; 111:5
6. Плач Иеремии 3:26-31	23. Притчи 3:27-28, сравните с Лукой 11:5, Притчами 21:26; 22:9
7. Исаия 50:6	24. Притчи 22:9
8. Иоанн 18:23	25. Второзаконие 15:9
9. Деяния 16:35-39	26. Марк 1:38
10. Исход 22:26-27, сравните с Второзаконием 24:6, 10-13	27. Марк 3:31
11. Притчи 2:20	28. Марк 8:12
12. Franz Delitsch “Jewish Artisan Life”	29. Лука 12:13
13. Лука 6:29	30. Деяния 20:34-35
14. Матфей 27:32; Марк 15:21	31. Ефессянам 4:28
15. Деяния 2:23	32. Галатам 6:10
16. Марк 15:7	33. Евреям 13:16
17. 1-е Петра 2:13-17	

9. Мерило совершенства (Матфей 5:43-48)

Вы слышали, что сказано:

“люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”.

А Я говорю вам:

*Любите врагов ваших,
благословляйте проклиняющих вас,
благодействуйте ненавидящих вас
и молитесь за обижающих вас
и гонящих вас,
да будете сынами Отца вашего Небесного.*

*Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить
над злыми и добрыми
и посылает дождь на праведных и неправедных.
Ибо, если вы будете любить любящих вас,
какая вам награда?
Не то же ли делают и мытари?
И если вы приветствуете только братьев ваших,
что особенного делаете?
Не так же ли поступают и язычники?
Итак будьте совершенны,
как совершенен Отец ваш Небесный.*

Кем сказано: “люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего”? Первая часть этого высказывания, так часто произносимая Иисусом, – это цитата из Левита 19:18: “Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя. Я Господь”. Более замечательного выражения понятия добрососедства, чем в этой главе, трудно найти, ведь оно включает великодушие, верность, честность и справедливость, отсутствие злобы и мстительности и искренние усилия к взаимопониманию [1]. Не раз в этой книге мы уже обращались к этой теме [2].

Вторая часть высказывания Иисуса не может быть нигде в законе найдена; в то время как понятие “ближний” в процитированном стихе ограничивается израильтянами, в той же главе говорится: “Когда поселится пришелец в земле вашей, не притесняйте его. Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской. Я Господь, Бог ваш” [3]. Следовательно, этот закон любви относится к чужестранцам в той же степени, как и к близким людям.

Более того, одно из самых выразительных положений закона направлено на предотвращение ненависти к тому народу, от которого Израиль пострадал больше всего: “Не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его” [4]. Израильтянам завещалось “истребить” и “полностью разрушить” завоеванные народы, чтобы спастись от разложения языческой аморальностью [5]. Одно место в завете кажется исключением: “когда Господь, Бог твой, успокоит тебя от всех врагов твоих... изгладь память Амалика из поднебесной” [6], – но выполнить это входит в полномочия Божественного суда. Никакого оправдания не может быть найдено духу человеческого мщения.

Слова Господа, поэтому, должны интерпретировать скорее распространенную точку зрения, а не положение Закона. Евреи

обладали незавидной репутацией “человеконенавистников”. Диодорус Сикулус говорит о Моисее как о человеке, который “вводил среди евреев их мизантропические и незаконные традиции”; Иосифу Флавию пришлось тоже столкнуться с подобными обвинениями от ряда писателей. Соединение таких настроений с именем Моисея является явным искажением истины и частью оскорбительных легенд о еврейских началах, пересказываемых этими авторами; это, однако, – общепринятая точка зрения на отношение евреев к не-евреям. Шурер говорит: “Перечень всех греческих и римских авторов, которые с начала 2 века после Рождества Христова враждебно высказывались по отношению к евреям, мог бы стать списком известных имен. Почти все авторы, которым приходилось говорить о евреях, делали это с неприязнью” [7].

Насколько эти обвинения оправданы? Особенность еврейского Закона вызвала негодование, что дало Аману шанс сыграть на предубеждении против них [8], точно так же люди выступали и против ранних христиан, относясь к ним как к “злодеям”, потому что их вера требовала отделиться от жизни языческого общества [9]. Страдали ли евреи от обвинения в верности Закону Божьему? Без сомнения – да, но не только этим объясняется их дурная слава. К сепаратизму, превратившемуся, под влиянием неправильного толкования Закона, в высокомерную уверенность в своей правоте, они добавили горькое возмущение чужеземным надзором; Павел же смог верно охарактеризовать их как “всем человекам противящихся”, имеющих противоположную всему человечеству цель [10].

Еврейское мышление совершило две ошибки. Оно, во-первых, стремилось сузить понятие “ближний”, любить которого предписывалось законом. Примером может служить тот законник, который, “желая оправдать себя”, спросил: “А кто мой ближний?” На его вопрос Иисус ответил другим: “Кто... был ближним попавшемуся разбойникам?... Иди, и ты поступай так же” [11]. Во-вторых, они предоставили себе свободу ненавидеть тех, кого, как они полагали, им не завещано было любить.

Иисус внушал не сентиментальность в отношениях с врагами, а такой стиль жизни, при котором принимаются и друзья, и враги. Большая трудность в понимании этого завета происходит из эмоциональной близости слов, означающих любовь и расположение. Чувство, испытываемое нами к тем, кто проявляет красоту личности, можно описать так: без него жизнь была бы серой и ужасной. Однако существует любовь как постоянное состояние сознания, не знающее

пределов, как реакция на неисчерпаемые человеческие нужды. Человек беден? Ему может понадобиться наша материальная помощь. Он богат? Ему может понадобиться наша духовная поддержка. Он упрям и деспотичен? Может быть он хочет пойти на все, чтобы ранить нас, несмотря на свою собственную боль? (Что также означает действовать “назло”). Или он является противником Истины, желающим принести страдания тем, кто ее исповедует? (Везде есть и такие, кто хочет этого и поступает так). В таком случае он гораздо больше нуждается в нашем примере ответа добром на зло и в нашей молитве о том, чтобы он смог открыть глаза на то, чем он рискует. Мы не можем решить, что он недостоин спасения и поступать в осуждение ему. Бог – судья, Ему и принадлежит возмездие. Чем же занят Сам Бог?

Свет и вода – первое, что необходимо для физической жизни. Но Иисус, как поэт, не называет их в принятой всеми форме: он использует образы – солнце и дождь. Таково свойство поэзии – означать больше, чем сказано; и смысл слов Иисуса состоит в том, что людское существование зависит не от беспристрастности или даже терпимости Бога, а от Его действительной любви. Эти слова настолько просты в своей красоте, что, не моргнув глазом прочитывая их, весь смысл мы открываем лишь в контексте. Потому, единственная цель Нагорной Проповеди – показать, что Бог приводит “многих сынов в славу”, следовательно, они не могут быть Его сыновьями, не уподобившись Отцу: они не получают полного и окончательного усыновления, являющегося искуплением Тела, если не придут к отражению Бога, как Он им открылся в Своем Сыне, Возлюбленном и Единородном.

Божественная любовь, открывшаяся в Нагорной Проповеди, является, потому, различной по подходу и избирательной, подобно нашей любви к друзьям, когда нас “тянет” к ним из-за их добрых качеств. Если сказано о “нищих духом”, что “их есть Царство Небесное”, то это потому, что Отец их “благоволил” дать им (а не другим) приготовленное для них Царство. Слова о том, что “кроткие... наследуют землю”, имеют тройной смысл: 1) Суд должен проявиться в отборе тех, кто кроток; 2) определенно, что они (и никто другой) достойны наследовать землю; 3) чтобы изгнать гордых и привести к владению кротких, должно состояться Божественное вмешательство. Суд, как выбор, так и как результат этого выбора, по сути своей сопутствует Божественной любви; любовь же между Отцом и Его сыновьями – отзывчива и обоюдна.

Но в то время как “Господь праведен, – любит правду”, люди не могут стать способными к любви, пока Бог не возлюбил их. Иисус

показывает, что действие Божьей любви проявляется в создании таких условий жизни, без которых люди не могли бы Его познать. Этот акт любви выпадает на долю людей, независимо от того, кто они и кем они могут стать. Он свободен, ничем не ограничен и вызван не личными качествами тех, на кого он направлен; большинство слов Иисуса свидетельствует об этом. Мы можем увидеть причину этого: ни одного человека нельзя заставить любить и сделать так, чтобы он стал сыном Божиим, – эта идея содержит внутреннее противоречие. Только та любовь ценна для Бога, которую люди проявляют сами: это должен быть отказ от себя и свободная воля. Однако, будучи слабыми плотскими существами и завися в жизни от “Его духа и Его дыхания”, люди не могут сами даже отказаться от Его помощи; они не могут свободно любить, пока не будут свободно любимы. Любовь, давшая им жизнь, должна дать им и свободу – свободу ответить или отвергнуть проявленную по отношению к ним любовь.

Решение проблемы не может быть сведено к словам, что Бог дарит Свою любовь тем, в ком предвидит желание возлюбить Его, остальным же людям помогает от случая к случаю. Несомненно, солнце и дождь – это то, что “любящим Бога... содействуют ко благу”. Ясно также, что Он “предузнает” этих людей, и они “предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его...” Однако сказать, что эта истина – славная сама по себе – контролирует или обуславливает имеющий Божественное начало дар любви человека к человеку, значит лишить смысла слова Христа. Иисус говорит, что Бог делает так, что солнце восходит и дождь проливается на злых и добрых, справедливых и несправедливых; Его обдуманное действие направлено на то, чтобы и те, и другие получили Его дары. Такая деятельность Бога – образец и урок любви к врагам. Однако, если Бог посылает солнце и дождь Иванову, который сейчас грешен, зная, что тот раскается, то Его действия по отношению к Иванову качественно отличаются от таковых по отношению к Сидорову, который, как знает Бог, не раскается. Любое различие в причине и качестве всеобщих даров Бога исключено, что подтверждается словами Иисуса; иначе и не могло быть, если любовь человека к Богу является его личным ответом на любовь Бога к нему. Ограничивать эту любовь, как любовь к тем, кто ответит на нее, как предвидел Бог, было бы отречением от самой природы любви и сведением на нет ее истинной цели.

Это заключение может повести чуть дальше. Иногда доказывают, что, когда Иоанн пишет: “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына

Своего едиnorodного...”, – мир, о котором говорится, – будущий, а не существующий сегодня. Достаточно ответить, что слово “космос” (греческое слово, переведенное как “мир”) в Евангелии от Иоанна не имеет такого смысла: оно всегда относится к существующему порядку и обычно противопоставляет тьму мира свету, который излучает Христос. Однако следующий ответ состоит в том, что Бог отдал Своего Сына, “дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную “: мир, который любит Бог, – это, таким образом, мир гибнущих, мир, враждебный по отношению к Нему из-за греха; следовательно, абсолютно прав был доктор Томас, когда в книге “Элпис Израел” объединил отрывки из Иоанна 3:16 и из Матфея 5:44 в одну мысль, полную глубокого значения.

Два отрывка, на которые ссылается д-р Джон Томас, говоря о спасительной любви, являются фундаментом его рассуждений и легли в основу истинной доктрины искупления. Первый – в 1 части книги, главе 4, где автор описывает “мир” Адама, который был учрежден на вынесенном приговоре и законе, данном при изгнании людей из Эдема. Он пишет, что, хотя человеческая деятельность отмечена одним грехопадением за другим, “Бог так возлюбил мир...”, что определил: мир не должен погибнуть, но должен спастись от зла. В другом месте (часть 1, глава 5) д-р Томас показывает, что движение к примирению неизбежно должно исходить от Бога. Он пишет: “Бог не нуждается в успокоении со стороны человека, и любая система, основанная на представлениях о том, что это необходимо, не только противоречит писанию, но и *по существу* неверна. Он уже примирился с миром, который всегда любил, хотя этот мир действует, как враг Бога...”

Этот отрывок, который необходимо изучить в полном контексте, чтобы охватить всю глубину мысли д-ра Томаса, безошибочно отражает истину. Бог любит Своих врагов: Его воля – спасение всех людей [12]. Следовательно, ни индивидуально, ни коллективно людям не предопределено умереть, любовь Бога направлена к миру и его нуждам. Эта Божья любовь, проявляемая в беспристрастно удовлетворяемых нуждах физической жизни, находит свое полное выражение в даре вечной жизни. “Бог свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками” [13]. Еще раз вспоминая слова Иисуса, Павел говорит: “...будучи врагами, мы примирились с Богом смертью сына Его” [14]. И в своей смерти Христос сознательно отождествляет себя с любовью своего Отца, отдающего его жизнь в качестве искупления многих.

В простоте сказанного в Матфее 5:45, следовательно, содержатся две мудрые и связанные между собой мысли: о Божией любви и о свободе человека. Из-за этой любви, говорит Иисус, Отец Небесный “совершенен”. Каков Он, таковыми должны быть и они. Их любовь, подобно солнцу, должна светить злым и добрым, справедливым и несправедливым и должна оставаться неизменной, чистой и безмерной. “Такая любовь к другим должна быть выражением внутренней природы, которая инстинктивно рождается великодушной жизнью, впитавшей дух щедрого Бога в содружестве с Христом, и стремящейся действовать в своей собственной малой сфере так, как Отец ведет Себя по отношению ко всем” [15].

Те, кто любит только в расчете получить ответное чувство, – это торговцы любовью, ростовщики в любви. Те же, чья любовь ограничена кругом родственников, стоят не выше животных: такие люди слишком страстно любят собственную плоть. Чтобы представить себе эти два типа любви, не способных искупить человеческую природу, Иисус берет, к примеру, группу людей, состоящую из сборщиков налогов и пошлин, ценивших деньги настолько выше религии или патриотизма, что они не гнушались идти на службу чужеземным властям. Они могли бы любить, будь они любимы в ответ. Но о каком воздаянии может идти речь, если они тратили только с расчетом получить возмещение?

Если ученики Христовы проявляют в жизни любовь к своим врагам, они могут *стать* (слово, более точное, чем “быть”) сыновьями своего Отца. Поступая так, они станут “совершенны”, как совершенен Он – очевидная переключка с часто повторяющимся предписанием Израилю: “Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш” [16]. Что значит быть совершенным? Если говорить о людях, вспоминается выражение: “Сердце его было (или не было) вполне (т. е. совершенно) предано Господу Богу его” [17]. Такое совершенное сердце – полное, чистое, единое в своей целостности; именно таков Бог. Нет ничего несовершенного в Боге, нет никакого раскола, а потому – нет и непостоянства. Он – таков же вчера, сегодня, вечно; одинаков для всех людей.

Еврейское слово, означающее совершенство, – “шалом”, или то же, что и “мир”; совершенство – это единство внутри самого себя, мир – единство с другими. Ближе всего к пониманию этой проблемы подошел Иаков в главе 3:2: “Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело”. В других частях Нового Завета это слово обычно имеет смысл “зрелый”, “полностью

развитый”, как мы видим это в посланиях к Ефесянам 4:13, Филиппийцам 3:15, Колоссянам 1:28. Но Иаков, кажется, приближается ближе к тому оттенку значения, с которым использует это слово Иисус: “Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка” [18]. Молодому человеку Иисус говорит: “Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое...” [19] Еще только один раз произносит Иисус это слово (хотя он говорит “совершенно” в Луке 13:32 и Иоанне 17:23); и довольно странно, что в синоптических Евангелиях, где так много сказано о любви ко всем людям, этот случай описан только у Марка так: “Иисус, взглянув на него, полюбил его” [20].

Замечательный уровень этого учения, рассматриваемый, как высокая отметка уровня христианской этики, наметился еще в Ветхом Завете, и особенно, – в Притчах. Здесь мы встречаем мысль о равенстве людей перед Богом:

Бедный и лихоимец встречаются друг с другом;
но свет глазам того и другого дает Господь. [21]

Мудрый не будет радоваться поражению врага:

Не радуйся, когда упадет враг твой,
и да не веселится сердце твое, когда он споткнется.
Иначе увидит Господь, и негодно это будет в очах Его,
и Он отвратит от него гнев Свой. [22]

Другой отрывок, цитируемый в Новом Завете, тесно перекликается со словами Иисуса:

Если голоден враг твой, накорми его хлебом;
и если он жаждет, напой его водою:
Ибо, делая сие, ты собираешь горящие угли на голову его,
и Господь воздаст тебе. [23]

Не может быть случайностью, что существует двойное соответствие между содержанием последнего отрывка и словами Господа: а) “накорми его хлебом” и “любите врагов ваших”; и б) “Господь воздаст тебе” и “Какая вам награда?”

Чтобы проследить влияние этих слов Иисуса в Новом Завете, было бы необходимо исчерпывающе проанализировать учение о любви, но мы можем отметить несколько отрывков, явно отражающих его. Послание к Римлянам, глава 12 является толкованием слов Иисуса, но

основные моменты содержатся в стихах 12, 14, 17-21: "...В скорби будьте терпеливы... Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте... Никому не воздавайте злом за зло... Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию... если враг твой голоден, накорми его... Не будь побежден злом, но побеждай зло добром". "Побеждай зло добром" – это квинтэссенция Нагорной Проповеди. Здесь Павел мог бы сослаться на самого себя как на последователя Господа: "Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим..." [24] Петр, писавший во времена усиливающихся гонений, вспоминал великий Пример: "Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдал, не угрожал..." [25] Ссылка как на учение Господа, так и на пророчество Исаии содержится у него и в главе 3:9: "Не воздавайте злом за зло, или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение". "Блаженны...", – говорит Господь; и хотя Петр использует не слово "блаженны", как в заповедях Блаженства, а близкое к нему – "благословлять" (т. е. говорить о ком-то хорошо), связь между двумя идеями ясна. Не следует упускать из виду и то, что в упреке Иакова мы видим ссылку на "благословение и проклятие". Другие параллели можно обнаружить в 1 послании к Фессалоникийцам 5:15 (особенно интересное место, т.к. появилось раньше других), Галатам 6:10 ("Будем делать добро всем...") и во 2 Петра 1:5-11.

Что значит быть истинным сыном Божиим, описано в послании к Ефесянам 4:31-32 словами, очень напоминающими нам учение Нагорной Проповеди, и особенно – Матфей 5:44-48. Достижение совершенства – цель, описанная в посланиях к Филиппийцам 3:8-13 и Колоссянам 1:27-28; знание же, укорененное в любви, которая растет, чтобы постигнуть любовь Христа (тема Ефесянам 3:18-19), может быть основана только на толковании Господом Божией любви.

В заключение приведем отрывок из послания к Колоссянам 3:12-15, обобщающий так много мыслей из Нагорной Проповеди, – кротость, милосердие, прощение, любовь, совершенство, мир – что он должен быть приведен полностью для того, чтобы читатель сам смог проследить за нюансами и подтекстом сказанного. Однако следует отметить, что в основе всего отрывка лежит мысль об отношениях с Богом, опирающихся на завет:

"Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение,

снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства; и да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле; и будьте дружелюбны”.

Примечания к главе 3.9

1. Левит 19:9-10, 11-18
2. также Исход 23:4-5
3. Левит 19:33-34, сравни с Исходом 22:21 и Второзаконием 24:17
4. Второзаконие 23:7
5. Второзаконие 7:16; 20:17,18; 23:3-7; Числа 31:16
6. Второзаконие 25:17-19
7. E. Schuerer “Jewish People in the Time of Christ”
8. Есфирь 3:8
9. 1-е Петра 2:12
10. 1-е Фессалоникийцам 2:15
11. Лука 10:25-37
12. 2-е Петра 3:9; Иезекииль 18:23,32; 33:11; 1-е Тимофею 2:4
13. Римлянам 5:8
14. Римлянам 5:10
15. James Moffatt “Love in the N.T.”
16. Левит 9:2
17. 3-я Царств 8:61; 11:4; 15:3-4
18. Иаков 1:4
19. Матфей 19:21
20. Марк 10:21
21. Притчи 29:13 (“свет” здесь синоним “жизни” – см. Псалтирь 12:4; 35:10; 55:14)
22. т. е. от него к тебе; Притчи 24:17-18
23. Притчи 25:21-22, процитировано в Римлянам 12:20
24. 1-е Коринфянам 4:12-13
25. 1-е Петра 2:23

!! ;020 4 Живущие с Богом

1. Тайное и явное (Матфей 6:1-6; 16-18)

*Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас:
иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.*

*Итак, когда творишь милостыню,
не труби перед собою,
как делают лицемеры в синагогах и на улицах,
чтобы прославляли их люди.*

*Истинно говорю вам:
они уже получают награду свою.*

*У тебя же, когда творишь милостыню,
пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,
чтобы милостыня твоя была втайне;
и Отец твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно.*

*И когда молишься,
не будь, как лицемеры,
которые любят в синагогах и на углах улиц
останавливаясь молиться,
чтобы показаться перед людьми.*

*Истинно говорю вам,
что они уже получают награду свою.*

*Ты же, когда молишься,
войди в комнату твою
и, затворив дверь твою,
помолись Отцу твоему, Который втайне;
и Отец твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно...*

* * *

*Также, когда поститесь,
не будьте унылы, как лицемеры;*

*ибо они принимают на себя мрачные лица,
чтоб показаться людям постящимися.*

*Истинно говорю вам,
что они уже получают награду свою.*

*А ты, когда постишься,
помажь голову твою и умой лицо твое,
чтобы явиться постящимся не перед людьми,
но перед Отцем твоим, Который втайне;
и Отец твой, видящий тайное,
воздаст тебе явно.*

Правила христианской жизни раскрыты, и направление мышления достигло своей высшей точки, в которой показано, что причина всего – любовь, а источником любви является Бог. По ходу наших размышлений мы подошли к следующей части Нагорной Проповеди, касающейся общения ученика с Богом, Единственным, могущим научить любви, которую должен проявить ученик.

Если человек – сын и раб невидимого Бога, какого рода религиозные службы должен он выполнять? Вначале Иисус делает общие заявления, в которых под корень подрубает все религиозные обряды, относящиеся к любому другому объекту поклонения, а не к Самому Богу; здесь он дает три наиболее актуальные для евреев иллюстрации (милостыня, молитва и пост), связанные с тремя важнейшими сферами духовной жизни: отношение к другим, обращение к Богу и самодисциплина.

Слова о милостыне в стихе 1 связаны со сказанным в Матфее 5:20 о праведности, которая должна превзойти “праведность книжников и фарисеев”. Не только раздача милостыни, но и все благочестивые поступки фарисеев являлись театральным представлением, выполняемым для того, чтобы люди видели их поступки. Если, подобно артистам в пьесе, выступающие добивались восхищения своей публики, то это вознаграждение было вовсе не от Отца Небесного, а потому фарисеи никому не оставались должны. Они, фактически, посвящали себя не Богу, а самим себе; тот восторг, который они вдыхали, был благовонием для их собственных ноздрей; их служение стало самопоклонением, а самодовольство было им наградой. Сказанное станет выразительней, если напомнить, что фарисеи старались получить титул в награду за строгое следование пунктам закона. Вознаграждение за добродетели в этой жизни, и еще большее – в будущей, при помощи которого будут исправлены существующие

сегодня неравенства, — такова истинная основа их религии; Иисус одной фразой опрокинул ее.

Адольф Дайсман, ведущий исследователь папирусов и рукописей, проливающих свет на язык того времени, говорит, что слово, имеющее значение “Я получил”, постоянно встречается в расписках в получении приходно-расходных ведомостей, и, в свете этих доказательств, слова в Нагорной Проповеди “приобретают более пикантный иронический смысл, состоящий в том, что *они могут подписать квитанцию в получении вознаграждения*: их право получить награду реализовано, превращено в деньги, и они дают расписку в этом”.

“Творение милостыни” оценивалось так высоко, что становилось синонимом праведности; а в апокрифах, по меньшей мере, было возвышено до средства искупления. Иисус отклоняет эту ложную доктрину о заслугах; если она, действительно, и была известна палестинским евреям, то в его учении ей абсолютно не нашлось места. Его ссылка на то, что не следует “трубить перед собой”, основывается, видимо, на традиции тех дней, когда трубили в бараний рог (по-еврейски — “шофар”) во время общенародных постов в периоды осенних засух. Звуки рога были слышны в общественных местах после каждого из шести благословений, которыми заканчивались молитвы о дожде, после чего все ждали воды с неба, как милостыни. Но здесь буквально любая деталь могла стать не более чем семечком, которое вырастет в живую метафору для саморекламы.

Со временем “Шема, Израэль” (“Слушай, Израиль”), с ее великой точностью сказанного, была оставлена, и ежедневной молитвой стали “Восемнадцать Благословений”, части которой датируются первым веком. Где бы ни случилось находиться человеку, он должен был соблюсти ритуал, а потому сказанное Иисусом было вовсе не случайно: иногда фарисеи оказывались застигнутыми врасплох в час молитвы на улице или даже перекрестке двух улиц, на углу, где могли быть видны одновременно с двух сторон. Молитва на виду у всех была достаточно распространена среди раввинов, обсуждавших до хрипоты, может ли в момент молитвы, по закону, один человек приветствовать другого и кого именно.

Поститься закон требовал только в День Искупления, но традиция во время Исхода установила другие посты, связанные с несчастьями в израильской истории [1]. Считалось, что во времена Господа соблюдался только один пост “пятого месяца”, служащий напоминанием о разрушении Храма. Но общенародные посты предусматривались также в периоды засух и общих бедствий. Они

соблюдались только во второй и пятый дни недели: трехдневный пост, к примеру, держался бы в понедельник, четверг и следующий понедельник. А так как эти дни были рыночными, когда города бывали заполнены толпами народа из соседних деревень, появлялось дополнительное искушение ханжески выставить напоказ то, что ты постишься. Соблюдение поста в эти два дня в течение года не было общим правилом, об этом упоминается в соответствующем трактате Мишны (собрании еврейских традиций, древнейшей части Талмуда, составленной около 200 г. н. э. – Прим. переводчика), в христианской же литературе на это ссылались, как на обычай лицемеров. Потому, тот фарисей из притчи, который постится два раза в неделю, весьма вероятно считал, что он “не таков, как прочие люди” [2]. Воздержание от мытья и посыпание головы пеплом или землей было традиционным выражением кротости, скорби или смирения. Такой фарисей с морщинами, в которые попал пепел, с невымытым лицом, пересеченным ручейками пота, должен был выглядеть особенно скорбно.

Этому Иисус противопоставляет учение, которое, вырастая на почве того времени, каждой своей деталью так же много значит для нас, как и для тех дней. В благотворительности “пусть левая твоя рука не знает, что делает правая”: образное высказывание в форме притчи, и, возможно, притчи общеизвестной. Сказанное о молитве – войди в свою комнату и закрой дверь – в двух словах рисует картинку из жизни. Иисус не имел в виду, что нельзя участвовать в молитве вместе с другими, в собрании или дома; но, давая портрет лицемера, ищущего публичности, он рисует портрет своего ученика, стремящегося к уединению во время молитвы, и каждая из картин рассказывает нам свою историю об определенном человеческом образе мыслей. В конце концов, говоря о постах, Иисус советует вести себя в это время как обычно, не показывая, что ты делаешь. Существует множество вещей, в которых мир не видит “никакого зла”, а ученики постоянно от них “постятся” во имя Иисуса Христа, воздерживаются или нет они от пищи, но делают ли они это с мрачным самодовольством святоши или с радостью жизни во Христе? Воздержание правильно: отсеки руку или вырви глаз вместо того, чтобы потакать им в том, что может стать ловушкой для тебя и для других. Однако всегда есть люди, полагающие, что праведность состоит в обнаружении все новых и новых вещей, которые нельзя делать. Такая жизнь, основанная на отрицании, противоречит посланию Иисуса в нескольких пунктах и, прежде всего, в том, что истинной сердцевиной учения является позитивная сила любви. Он благословляет “нищих духом”, а не

духовно слабых. Это также – и физическое нездоровье (в то время как учение Иисуса – и здоровое по своему существу, и духовное): сосредоточенность на запретах укрепляет силу желаний; истинный же метод изгнания зла – насаждать добро. В конечном же итоге, там, где подобный склад ума приводит к успеху на одном направлении, на другом он влечет за собой большую опасность: тенденцию сосредотачивать внимание только на собственной праведности. Не ощущают ли сегодня некоторые люди, жизненный путь которых помечен дорожными знаками “Нельзя!”, иронию Иисуса так же сильно, как и фарисеи?

Сколько бы не существовало способов поститься, путей демонстрировать свой пост – гораздо больше. Может быть, сегодня ханжество не так распространено, как в то время, когда существовали общепринятые стандарты вероисповедания: это болезнь, которая тучнеет на религиозной почве. Каждое время, однако, поражено своим пороком притворства и лицемерия. Там, где есть рвение в духовной жизни, присутствует и желание не быть превзойденным другими, и отсюда, – поиски новых способов показать свое усердие; но кому мы должны это демонстрировать? С того, кто больше имеет, больше и спрашивается; времена же наибольших достижений – это и времена наибольших опасностей. От нас может потребоваться, чтобы мы делали больше других, но не на виду у всех. Существует и другая опасность, еще больше связанная с постом. Возможно, мы чрезмерно скрытны в “признании своих ошибок друг перед другом”, но некоторые религиозные движения отчетливо показали противоположную опасность: выставление напоказ своего прошлого и отпущение грехов посредством эмоциональных исповедальных оргий, которые, по-настоящему, эгоцентричны. Заветы Господа имеют прямое отношение ко всем этим искажениям религиозной жизни.

Ключ к мыслям и деятельности святого должен быть найден в постоянно повторяющейся фразе: “Отец твой, Который втайне”. Он – “Царь веков... нетленный, невидимый, единый, премудрый Бог” [3], и тот, кто любит Его, будет жить “как бы видя Невидимого” [4]. Сосредоточив свое внимание, такие люди входят время от времени в такую сферу, где человеческие меры и стандарты более не существуют. Даже в общении между ближайшими друзьями есть границы, которые не могут быть преодолены. Даже между мужем и женой, в самом высшем варианте человеческого союза, где взаимопонимание может быть наиболее глубоким, существует, в конце концов, предел, объясняемый тем фактом, что они – две “живые души”, два

сознательных существа, чьи индивидуальности тесно связаны с их телами. “Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?” [5] Но есть Тот Единственный, Которому все сердца “обнажены и открыты” [6]. Для Него темнота – все равно, что свет; мысли невысказанные слышны в Его ушах, потому что Он – за пределами “вещей видимых”, за границами видимого восприятия космоса, который Он сотворил; поскольку же Отец Сам “втайне”, Он видит тайное, и для Него, Невидимого, – невидимое известно. Вместе с трепетом перед этим всепроникающим зрением и печалью о той моральной хрупкости, которая откроется этому взгляду, ученики радуются тому, что известно, каковы они истинно. Обращаясь к Богу с частными молитвами, они уже могут не бояться человеческого злого умысла или непонимания может не стремиться к людской похвале, за исключением (избави, Боже!) своей собственной! Здесь они будут правы, поскольку находятся наедине с Богом Истины. Из такого общения может вырасти союз, который достигнет своей полноты в тот день, когда им “откроется”, что они подобны Сыну, проявившемуся в Отце, а потому “увидят Его, как Он есть” [7].

Только для человека веры возможно такое общение, а достигнувший его входит в контакт с истинной реальностью. Более того, сердцевину этой реальности он будет иметь внутри себя, и это станет пробным камнем для тех полуправд, которые порождаются его собственной природой, и для притворств окружающего мира. Он будет больше, чем правдивым, он станет человеком истины. Он непреклонен перед людским судом не от гордости по отношению к людям, а от смирения перед Богом.

Неверующий всегда ходит по видимому миру. Для него не существует тайного места для Того, Кто невидим. Единственным критерием ценности для него является богатство людей, которое можно увидеть, или человеческая похвала, которую можно услышать. Меняющиеся сцены жизни, подобные теням, отбрасываемым стеной, – единственная реальность, знакомая ему, и сквозь фантазмагорию жизни он движется под вечную сень смерти. Если он знает только это, то для него “все – суета и томление духа” [8]. Среди таких участников суетного спектакля выделяется лицемер, претендующий на знание невидимой реальности, о которой, в действительности, он не знает ничего, кроме имени. Он заявляет, что откладывает сокровища на небесах в то время, как его богатства – только на земле.

Греческое слово “хипокритас”, переведенное как “лицемер”, первоначально означало “отличать одно от другого”, а потому –

толковать сны. По какой-то ассоциации, утерянной еще в древности, слово стало применяться к декламирующему оратору или участнику диалога. Отсюда “лицемерие” легко перешло к игре актера в пьесе, а затем – к притворству, в дурном смысле слова. Два примера из Септуагинты (LXX), из книги Иова, где в оригинале стоит “безбожный”, “богохульный”, “нечестивый”, расширяют библейское употребление этого слова по сравнению с его более ранним значением. Это Иов 34:30: “чтобы не царствовал лицемер к соблазну народа”, – и Иов 36:13: “Но лицемеры питают в сердце гнев”. В одном случае – это нечестивость, расставляющая ловушки для людей, в другом же – нечестивость, затаившая ожесточение против Бога: в обоих случаях обман вырос из корня неверия.

Все грехи, в действительности, – это неверие, осуществленное на практике; безумец сказал в сердце своем: “Нет Бога”, – и из этого отрицания выросли его жестокость и развращение [9]. Однако существует совершенно определенная разница между грехами, совершенными, когда вера побеждена в неравном соперничестве со страстями, и грехами, обязанными глубоко укоренившемуся отрицанию Бога. Первые могут быть грубыми и отвратительными, а совершивший их может сделаться отверженным; последние же могут быть прикрыты маской соответствия общественным канонам. Однако, в то время как слабая вера может быть укреплена до такой степени, что это приведет к покаянию, в безверии нет и зачатка исправления. Человек, думающий, что Бог не берет ничего на заметку, не верит в праведность Бога; человек же, обманывающий Бога, не верит в Его реальность. Анания и Сапфира, которые “солгали Духу Святому” для достижения доброго имени за большую щедрость, чем они показали в действительности, служат классическим примером; было нужно показать с вызывающей благоговейный страх силой, в начале истории Церкви, справедливость, реальность того невидимого Духа, который они презрели.

Именно полное безверие, делающее возможным сочетание лстивого языка с чудовищными намерениями, так горячо осуждено в псалмах [10]. Лицемерие – важнейшая составляющая всех таких грехов, и Иисус следовал традициям Ветхого Завета, когда изливал свои самые страшные обвинения на лицемеров [11]. Если и есть разница, то она состоит в том, что Ветхий Завет осуждает грехи, которые примешиваются к лицемерию, Иисус же смотрит глубже: он осуждает само лицемерие как корень греха. Человек, начинающий со лжи по отношению к своим товарищам, приходит к обману Бога и, в

конце концов, – самого себя. Он – живая ложь; свет, который в нем – тьма, и как беспросветна эта тьма! Истина не может проникнуть в нее, потому что она активно сопротивляется истине, и это влечет за собой два последствия. Для самого человека спасение – это все, но оно невозможно. Он стоит на пути к вечному греху – богохульству против Святого Духа в форме приписывания работы Бога Веельзевулу, который, по своей исключительной природе, не допускает ни прощения, ни возрождения. Во-вторых же, когда он обнаружит свет в других, он будет вынужден противостоять ему всеми способами, даже преследованиями вплоть до смерти.

Лицемерие – наиболее развращающий из пороков, потому что он иссушает саму совесть. Грехи сборщиков налогов и распутниц были циничны; не было никакой нужды для Иисуса объяснять тем, кому Закон был известен, то отвращение, какое вызывали такие прегрешения в Божественных глазах. Но, будучи исключенными из благовоспитанного общества, мытари и распутницы были, по крайней мере, избавлены от лицемерия, а потому Иисус сказал с истинной духовной проницательностью, что он пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию; они, по крайней мере, имеют силу ответить на этот призыв. Снятие маски с лицемерия – обратная сторона учения об Отце, Который “видит тайное”. У ученика есть тайна, из-за которой он идет во внутренние комнаты: его тайна – Бог. У лицемера есть тайна, ради которой он останавливается на углу улицы. Но это никакая не тайна, а сам он – только звучащая “пустышка”; в то время как грехи развратников проявлены, грехи лицемеров должны быть замаскированы. Нет ничего тайного, сказал Иисус, что не стало бы явным; как Разоблачитель и Судья он ожесточенно раскрывает бесплодное сердце лицемера.

Может показаться странным, что Иисус так часто говорит о возмездии в этой Проповеди любви. В таком частом повторении слов “плата” и “награда” есть доля преднамеренной иронии; это делается, чтобы установить различие между “праведностью” фарисеев и “праведностью” Царства Божьего. Лишь однажды это слово было применено по отношению к святым [12], хотя в положительном смысле, как “награда”, оно встречается у Матфея 10:41-42, Марка 9:41, Луку 6:23, в Посланиях и Откровении. Однако в Нагорной Проповеди оно везде окрашено иронией; те, к кому это относится, ищут плату, которую они не получают [13]. Разные термины поясняют фразу “Отец твой... воздаст тебе”: возвратит, возместит, оплатит. Множество толкований этого слова наводит на мысль об его более широком

диапазоне значения. Особое внимание, уделяемое награде в Проповеди, связано с фактом, что она поставлена во главу критики учения фарисеев и указывало на отличие между их целью и целью учеников Христа: фарисеи ожидают плату за свою деятельность, ученикам же обещана щедрость за их живую веру.

Бесспорно, что награда стоит на столь видном месте в учении Иисуса: не он ли сам претерпел посрамление “вместо предлагавшей Ему радости”? Человеку, обладающему качествами, за которые Иисус называет его “блаженным”, невозможно стремиться к награде только во имя себя самого. Милосердный человек не был бы таковым, если бы он рассчитывал преимущества проявления милости: он был бы лицемером, и во времена испытаний его эгоцентризм раскрылся бы. Миротворец едва ли преуспел в достижении мира, если бы его реальной целью было лишь добиться звания “сын Божий”. И как далек от смирения тот человек, который думает, что унаследовать землю – это причитающаяся ему плата за кротость! Трагически абсурдно думать: “Я буду кротким, потому что за это я стану наследником; я буду нищим духом, чтобы быть вознесенным, – и горе тому, кто меня притеснял!” Таким способом нельзя достигнуть ничего, кроме перевернутого с ног на голову чувства гордости: человек становится актером в пьесе, представление которой обманывает его самого, и, в своем малопривлекательном самодовольстве, он может даже не получить в награду, как фарисеи, аплодисментов публики.

Все приведенные выше примеры явно абсурдны, такими плохо замаскированными несоответствиями сердце, во все времена, обманывает само себя. “Ищите же прежде всего Царства Божия...”, – как часто читали мы этот призыв стремиться к обладанию чем-то большим в следующей жизни в ответ на отказ от нынешних удовольствий; но дух смирения и корысти не могут существовать вместе.

В то время как эта истина очень часто упускалась из виду, не менее верно и то, что Бог установил для людей награду, к которой необходимо стремиться; презреть этот дар означало бы презреть Дающего: “приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира” [14]. Отец, знающий вашу тайную с Ним связь, даруя приготовленную Им награду, открыто покажет Свою любовь к вам. Дар есть дар, но он также, прежде всего, – выражение отношения, печать соучастия, свидетельство того, что Он усыновляет и удочеряет людей. Такая награда – знак Божественного удовольствия теми, кто искуплен, и примирен, и избран Его волею: “Не

бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство” [15]. Если Его добрая воля состоит в том, чтобы дать, то не в том ли наше “благоволение”, чтобы жить в соучастии с Ним и получить этот дар? Хотя такая награда должна быть отвоевана в борьбе, подобной атлетическим соревнованиям за драгоценный приз – постоянным стремлением к победе, не должна ли исключить эта радостная мысль у каждого из сыновей Божьих простого своекорыстия и желания получить какую-нибудь материальную выгоду?

Предложение Богом награды Его сыновьям является окончательным доказательством того, что Он – действительно личность. Для абстрактного Бога (Сверхсущества) это было бы невозможным; для Отца это не только возможно, но и естественно; для Его же истинных сыновей такая награда – благоприятный случай проявить свое ответное восхищение этой Личностью. Когда мы радуемся подарку, выбор которого точно передает характер нашего любимого друга, мы говорим: “Только он (она) мог послать мне это!” Точно так же Небесный Отец дает своим детям Царство; Он замыслил это в начале времен; Он “приготовил” это с любящей заботой, и для Его детей этот дар является узами любви.

Примечания к главе 4.1

1. Захария 7:3-5; 8:19	9. Псалтирь 13:1; 9:25,29
2. Лука 18:11	10. напр. Псалтирь 35:2-5
3. 1-е Тимофею 1:17	11. напр. Матфей 23
4. Евреям 11:27	12. Матфей 5:12
5. 1-е Коринфянам 2:11	13. Матфей 5:46; 6:1,2,5,16
6. Евреям 4:13	14. Матфей 25:34
7. 1-е Иоанна 3:2	15. Лука 12:32
8. Екклесиаст 1:14	

2. Обучение молитве (Матфей 6:7-9)

*А молясь, не говорите лишнего, как язычники;
ибо они думают, что в многословии своем
будут услышаны;
Не уподобляйтесь им;
ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду,
прежде вашего прошения у Него.
Молитесь же так:*

Дважды записано в Евангелиях, что Иисус учил своих учеников молиться; оба раза – это одна и та же молитва, хотя во втором случае он произнес ее в укороченной форме. Первый раз, в Нагорной Проповеди, после предостережения против многословия, свойственного язычникам, он дает им образец с предписанием: “Молитесь же *так...*” Второй раз – у Луки 11:2-4, когда один из учеников его, увидев Иисуса молящегося, просит: “Господи, научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих”, – и Иисус отвечает: “Когда молитесь, *говорите...*”

Эти примеры и предостережения Иисуса возникают на определенном историческом фоне. Среди раввинов существовала традиция давать своим ученикам образец молитвы, составленной ими; Иисус же, хотя и не принадлежал к раввинской школе, а потому не был признан евреями лидером, согласился со званием учителя, которым нарекли его ученики. Особенно пеклись раввины о “ключевых” молитвах (как они их называли), вмещавших всю сумму длинных просьб, произносимых в синагоге. Студент, которому что-то помешало посетить публичную лекцию, повторял наизусть эти “ключевые” молитвы, как если бы он был вместе с прихожанами, а потому, так же, как и Молитва Господа, его молитва звучала во множественном числе.

Иоанн Креститель, очевидно, продолжал традицию раввинов. Можем ли мы отобрать из учения Иоанна то, что было сутью его молитв? Определенно, центральными темами были: пришествие Мессии и Его Царства; проявление Божественной праведности; поворот человеческих сердец к Нему и явление “Агнца Божьего, Который берет на Себя грех мира”, чтобы народ лучше приготовился к Божественному Суду, который уже близок.

Учениками Иисуса были, в основном, люди, чьи сердца были подготовлены Иоанном. Крещение и нисхождение Святого Духа открыли Иоанну Иисуса как Мессию, приготовить путь которому он был послан, а ученики, пришедшие с ним, получили знание об уникальности своего Учителя. Молитвы Иоанна могли бы уже не использоваться сейчас, когда Иисус был с ними, но еще более важным фактором была сама сила характера Христа и глубина его учения: от него ожидали особой, отличной от других, молитвы, несущей отпечаток его собственной личности. Просьба в Евангелии от Луки могла быть произнесена одним из учеников из группы, большей, чем 12 апостолов, которому не удалось услышать молитву, произнесенную Иисусом на Горе.

Другой фактор исторической обстановки отразился в предостережении Иисуса насчет многословия. “Не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны” [1]. Они “думают” – это их оценка или мнение – но как далеки они от истины! Поклоняющиеся Ваалу на горе Кармил призывали с утра до полудня: “Ваале, услышь нас!” [2]. Поклоняющиеся Диане в Ефесе громко взывали в течение двух часов: “Великая Артемида Ефесская!” Как далеко ушла еврейская молитва под влиянием таких языческих примеров: повторяющихся много раз призывов к этим богам! Д-р Тиртель [3] цитирует образцы молитв, произносившихся в День Искупления, обобщивших все варианты просьб, в которых проявилась вся изобретательность молившихся: “О, Господи, сделай это во Имя Твое; сделай это во имя Твоей правды; сделай это во имя Твоего Завета; сделай это во имя Твоего величия...”, – и так далее, еще 40 раз; “Ответь нам... ответь нам Ты, Который совершенен...”, – и так далее, до тех пор, пока “ответь нам” не повторится 70 раз. Исповедь превращалась в длиннейший перечень всех предполагаемых ошибок. Таковы древние молитвы, сохраняющие еще более старые традиции.

Такая назойливость, кажется, подразумевает не детскую веру в великодушие Бога, а полное неверие как в Его любовь, так и в Его реальность. В Его любовь – потому что божество, которое необходимо атаковать просьбами, должно быть капризным и строптивым. В Его реальность – потому что такие сложные словесные построения обращены, в действительности, к себе, а не к Богу. “Как прекрасна моя молитва! Какое совершенство в том, что я не оставляю ничего невысказанным!” – это не произнесено, но смысл этой идеи таков: “Как понравится *им* моя молитва!” Следует добавить, что импровизированная молитва может оказаться достаточно пустой, если красноречие и пыл предназначены только для того, чтобы привлечь внимание публики.

Значение слова, переведенного как “многословие”, не вызывает сомнения. Оно использовано в Септуагинте и истолковано в Притчах 10:19: “При многословии не миновать греха”. Слово, переведенное как “говорить лишнее”, однако, нигде больше не найдено по-гречески (за исключением одного очень позднего автора), кроме ссылки на этот отрывок; оно представляет собой одну из лингвистических проблем, окружающих Молитву. Это слово – (“*баттолого*”) сейчас обычно рассматривается, как происходящее от греческого глагола и арамейского корня, означающих “бесполезный, тщетный”; оно

употреблено Синайской Сирийской версией Библии при переводе следующей фразы: “Не произноси пустых (тщетных, бесполезных) вещей”. Д-р Тиртель, однако, высказывает остроумное предположение, что это значит: “Говорить от *Бэт* до *Тав*” (т. е. от второй до последней буквы еврейского алфавита), – и использовано для обозначения алфавитного порядка моления. Употребление акростиха, как хорошей формы для запоминания, несколько раз встречающейся в Псалтире и в Плаче Иеремии, вдохновлено свыше. Некоторые искусственные способы упорядочения, такие как акростих, аллитерация, рифма, позволяют правильно вспомнить композицию; но иногда использование этого приема лишает сказанное смысла, превращая его в головоломку. Вот еще один пример д-ра Тиртеля. Длинные молитвы, иногда с двойным акростихом (по две строки, начинающиеся на одну букву), с трудом продвигаются (если говорить по-русски) от *А* до *Я*, а предложения в них бывают построены так, чтобы в большей степени удовлетворить потребностям алфавита, а не запросам духа. В противоположность всем этим претензиям Господь обращает внимание на простоту молитвы, когда учит, начиная с буквы Алеф (первая буква еврейского алфавита): “Авва, Отче”, – на чем и останавливается. Эта молитва – на Алеф; от Бэт до Тав оставлено тем, кто “лицемерно” и “напоказ” долго молится [4]. Этот взгляд на проблему (представленный нами с должными оговорками) привлекателен тем, что рассматривает язычников с иронией. Однако, думая о фарисейской традиции, Иисус пронзает их кожу острым копьем: язычники раньше них использовали такую форму молитвы. К кому бы это не относилось, к язычникам или евреям, такие молитвы одинаково лишены подлинной сущности. Отец знает обо всем прежде, чем его попросят; истинный же ученик, ощущающий в жизни реальность присутствия Бога, осознает, что Он все видит и даст именно то, что является благом.

Давая модель молитвы, Иисус делал больше, чем просто присоединился к традиции: он установил необходимость обучения молитве; поступая так, он дал совершенный пример глубины мысли и краткости слов. Истинная молитва – это не просто излияние чувств или упражнение вашего интеллекта. Люди должны мысленно отобрать достойные молитвы предметы, включающие все подлинные нужды и поместить их в рамки Божьей цели, а затем, имея все это в виду, должны направить свое сердце, ум и волю к Богу. Если мы подходим к молитве с уверенностью в реальности Того, к Кому мы обращаемся, наше расположение духа отразит чувства Авраама, сказавшего: “Вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел”. Молился Авраам и о

своим родственником Лоте: и мы, обращающиеся не только к Другу, но и к Отцу, не можем исключить из наших молитв личные просьбы о благополучии тех, кого мы любим. Как часто Павел говорит, что “вспоминает” о верующих из разных еkkлeсий в своих молитвах [5]. Если мы знаем, как сделать хороший подарок нашим детям, как приятно должно быть нашему Небесному Отцу, когда мы просим Его о добрых дарах для них! Однако даже любовь может стать узкой и собственнической; память же о Молитве Господа гарантирует то, что большинство наших персональных просьб будет соответствовать всеобщим целям творения. Проверка наших собственных молитв по такому образцу приведет к расширению нашего кругозора, который “уже не может быть расстроен частными вещами и не может заблудиться в размышлениях о цельности”.

Стеснение, порожденное благоговением пред Богом, не опустошает молитву страсти. Скорее, это даже поднимает ее уровень: для молитвы требуется дисциплина как эмоций, так и мыслей, и в чрезвычайной краткости слов Господа – концентрация чувств. Такие простые фразы скрывают свою глубину от случайного взгляда: уже “Да святится Имя Твое” содержит в четырех словах все, что может сказать во всей своей полноте благороднейшая из еврейских молитв: “Благословенно, и восхвалено, и прославлено, и возвышено, и вознесено будет Имя Святого, благословен будет Он”. Только дисциплиной мысли можем мы войти в сказанное Господом, чтобы понять, что это – сама поэзия, где краткость сообщила словам величайшую силу; только затем сможем мы начать понимать силу чувств, которую эти фразы как выражают, так и контролируют.

Лаконизм и энергия языка Молитвы становятся очевидны, когда анализируешь использованные в ней глаголы. Это особенно заметно в первых трех просьбах, где порядок слов в греческом оригинале таков: “Святится Твое имя; *Приидет* Твое царствие; *Выполнена будет* Твоя воля”. Глагол, выражающий действие, естественно, имеет тенденцию быть главным членом предложения; здесь он придает дополнительную энергию, занимая самую сильную позицию. Более того, ученые говорят нам, что в греческом языке эти глаголы находятся не только в повелительном наклонении, но и в таком грамматическом времени, которое описывает действие, независимо от реального времени, и, значит, они обладают самой сильной формой. Профессор Джеймс Хоуп Моултон, комментируя это, замечает, что язык просьб, обращенных к человеческим начальникам, полон перифраз, посредством которых требование может быть сделано в приятной форме. “Мы обращаемся к

Богу, по заповеди Господней и примеру, с просьбой о вере в простейшей, прямейшей и наиболее настоятельной форме, какую может обеспечить наш язык” [6].

Предназначена ли была Молитва Иисуса для повторения? Запись Луки: “Когда молитесь, говорите...”, – отвечает на вопрос утвердительно; даже так, путем самостоятельного варьирования словами, охраняет нас Иисус от приписывания им суеверной важности. (Не стоит сомневаться, что Молитва была дана фактически дважды.) Иисус не пренебрегает даже литературным планом как способом запоминания: в молитве, записанной Матфеем, явно присутствует система в построении, а греческий язык указывает на созвучия в конце строк. Цель этого ясна: молитва предназначена не только, чтобы ее произносили, но и выучивали. Почти совершенно избегая использовать ее публично, мы, без сомнения, слишком отвернулись от нее, опасаясь злоупотребления Молитвой. Иисус осуждает “многословие”, а не “многие *молитвы*”, и сам он, в час своего страдания, “отошед, молился, сказав то же слово” [7].

Это много лучше, потому что слова сами по себе никогда не следует использовать так, чтобы они превратились в заклинания, которые бормочут. Смысл важнее слов, как бы не был совершенен их выбор. Одна религиозная женщина, больше сочувствующая литургическим формам, чем большинство из нас, написала: “Часто полагают, что, когда Иисус сказал: “Молитесь же так...”, – он имел в виду не “правильный характер и стремление, основополагающий поступок каждой молящейся души”, а “ту словесную форму, которую следует повторять христианам чаще, чем остальные”. Как следствие, в этой молитве люди, с почти невероятной глупостью, находят материал для пустых повторений, которые Иисус особенно осуждал. Снова и снова в публичных и частных обрядах Молитва Господа произносилась наспех, в таком темпе, который делает невозможным осознание ее громадных и глубоких требований” [8]. Такие искажения существовали, очевидно, уже во втором веке.

Это Господня молитва, потому что она является его даром ученикам. Эхом ей звучит “Авва, Отче”, произнесенное Иисусом в Гефсиманском саду и возвеличившее им Божью Волю [9]. Более того, молитва и была предназначена Иисусом для этого, а не для самого себя. Признавая полную тождественность своей природы человеческой, мог ли он сказать: “Прости нам долги наши”, – или, по версии Луки, – “Прости нам грехи наши”? Это он говорил двенадцати апостолам в час их испытания: “Молитесь, чтобы не впасть в

искушение” [10]; и для них, и для тех, кто следовал за ними, Молитва является, по словам Хью Лэтимера, “суммой и коротким изложением всех молитв”, включавшей все, что они могли справедливо просить и дающей стандарт, по которому можно было бы мерить качество того, что они произносят. Если их молитва соответствует по своей сути и масштабу этим мыслям, разумеется, при условии ее искренности, то это хорошо и желанно в глазах Бога.

В заключение следует сказать, что эта молитва не предназначена для духовно непреобразованных людей. Ее общий смысл подразумевает не только осознание Божественной цели, но и сознание, находящееся в мире с Ним и обновленное по подобию Христа. Кто еще может сказать, что он простил всех должников?

Примечания к главе 4.2

1. Матфей 6:7	6. Grammer of N. T. Greek,
Prolegomena
2. 3-я Царств 18:26	7. Марк 14:39; Матфей 26:44
3. J. W. Thirtle “The Lord’s Prayer:
an Interpretation”, 1915	8. Evelyn Underhill “Abba”
4. Марк 12: 40; Лука 20:47	9. Матфей 26:39; Марк 14:36; Лука
22:42
5. Римлянам 1:9; Ефессянам 1:16; 1-
е Фессалоникийцам 1:2;
Филимону 4	10. Лука 22:40

3. Отец Небесный (Матфей 6:9)

Отче наш, сущий на небесах!..

В Ветхом Завете словом “Отец” описывается отношение Бога к народу, который Он искупает. Будучи таким важным в языке пророков, слово это уходит своими корнями в сказанное Моисеем: “Не Он ли Отец твой, который усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя?” [1]. Однако не просто совпадение то, что мысль об отцовстве содержится в том отрывке из Второзакония (8:3), который цитируется Иисусом во время искушения в пустыне: он сохранил эту фразу полностью. Путем осознания того, что человек живет словом, исходящим от Господа, Израиль должен был понять Самого Бога и узнать в Нем Отца, воспитывающего своих детей в любви. Эту тему освещали пророки. Когда у Иеремии Господь говорит: “Я – Отец Израилю, и Ефрем – первенец Мой”, – весь контекст является поразительным примером того, что означает это отцовство. Здесь показано, что в конце своей

истории Израиль не только физически будет вновь собран вместе, но и духовно возродится, потому что “они пошли со слезами, а Я поведу их с утешением; поведу их близ потоков вод дорогою ровною, на которой не споткнутся” [2]. Отцовская любовь проявлялась на протяжении всей их истории в Божественном воспитании, ведущем Израиль через скорбь и покаяние к новой духовной жизни в Его Царстве. Замечательный отрывок из Исаии предвещает Молитву Господа, соединяя вместе “отца”, “искупителя” и “имя”: “Только Ты – Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и Израиль не признает нас своими: Ты, Господи, – Отец наш, от века имя Твое: “Искупитель наш” [3].

Все это было сказано об отцовстве в национальном смысле, потому что как народ Израиля, они были искуплены, как нация, – учреждены на завете с Богом, и, как нация и народ, должны будут возродиться. Лишь Псалом 102:13 предвосхищает более личные отношения (используя сравнение): “Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его”. Однако и здесь мы видим искупление, потому что Господь, Которого восхваляет Псалом, – это Тот, Кто “прощает все беззакония твои, исцеляет все недуги твои; избавляет от могилы жизнь твою” [4]. Псалмопевец говорит здесь о возрождении людей для Бога.

С приходом Господа это слово приобретает новый смысл. Только у Иоанна оно использовалось чаще имени “Бог”, чем у Матфея. В Нагорной Проповеди выражение “ваш Отец” указывает на контраст между детьми Бога и миром; тем, что они нарекаются сынами Бога, они своими жизнями свидетельствуют миру об Отце [5]. Это означает также полную зависимость всех их потребностей от Него, ведь ни одна из птиц небесных не упадет на землю без Его воли. Будучи их Отцом, Он поддерживает их Своими руками; Он знает обо всем, что может случиться с Его детьми, и все волосы на головах Его детей сочтены [6]. Все это отразилось в обращении “Отче наш”, которое одновременно провозглашает их связь друг с другом: “один у вас Отец” – “все же вы – братья” [7].

Знаменательно, что Иисус никогда не соединял себя с учениками в выражении “Отче наш”. На протяжении всего Евангелия он сохраняет ясную дистанцию между выражениями “мой Отец” и “ваш Отец”. Царство Небесное является Царством “моего Отца”, и только исполняющие Его волю смогут в него войти [8]. Те люди, которые, по словам Иисуса, “будут исполнять волю Отца Моего Небесного”, связаны узами отношений с самим Христом [9]. Истина о мессианстве Иисуса была открыта Петру “Отцом, сущим на небесах” [10]. Только через Христа можно достигнуть его Отца, передавшего ему все [11].

Судьба людей будет определена тем, признает их или отречется от них Христос “перед Отцом Своим Небесным” [12]; всякое растение, посаженное не Отцом Сына, искоренится [13]. Сам Иисус придет “в славе Отца Своего” [14]. Даже тогда, когда он говорит, что будет пить новое вино вместе с учениками в братстве, он имеет в виду “Царство Отца” своего [15]. Тем, кто, показав свою любовь малейшему из своих братьев, проявит ее по отношению к Христу, он говорит: “приидите, благословенные...” – не вашего Отца, а – “Отца Моего” [16]. Все это – основа доктрины об Отце и Сыне, как она раскрывается в Евангелие от Иоанна: “Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне”. “Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу” [17]. Даже тогда, когда Иисус после своего воскресения называет учеников своими “братьями” и говорит о Боге, как об их и своем Отце, он сохраняет эту дистанцию: “иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему” [18].

Иисус придает выражению “Отец” новую ценность не из-за своей духовной озаренности, а потому что только он один может полностью открыть Бога как Отца. “А тем, кто приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими” [19]. “Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть” [20].

Будучи Сыном, он может дать право другим стать сыновьями, ведь только он один может открыть весь смысл того, что такое быть сыном, а потому – и отцом. Точно так, как Христос выражает всю полноту понятия “сын” своим послушанием, вплоть до смерти на Кресте, Бог показывает всю полноту отцовства, отдавая своего единородного на Крест, а затем – воскрешая. Отец, действительно, воспитывает Своего Сына дисциплиной Божественной любви: из-за того, что Бог – Отец нашего Господа, Он делает его совершенным, проводя сквозь страдания [21]; а потому, отцовство Бога открылось именно в тот момент, когда оно кажется наиболее скрытым: Иисус кричит: “Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты меня оставил?” Иисус стал “совершенным через страдания” не только во имя себя самого, но чтобы его путем многие могли бы быть “принесены во славу”; потому, Крест открывает отцовство Бога не только по отношению к Христу, но и к тем, кто верит в него. Для них Бог – Отец, потому что Он – их Искупитель, спасший их, принес в дар собственного Сына, чтобы они могли стать усыновленными детьми. Являются они прямым или духовным семенем Иакова, сущность Его отцовства обнаружилась в Божественном акте по отношению к ним, описываемом метафорически как выкуп или искупление.

Смерть и воскресение Христа, поэтому, выглядят высшей точкой откровения Бога, состоящего из двух частей, которое Иисус сформулировал так: “Мой Отец и ваш Отец”. В то же время Крест открывает то требование, которое Божье отцовство предъявляет к тем, кто хочет стать сыном – требование любви, совершенствующей их – то, что символически осуществляется путем водного захоронения в Христову смерть.

Не может быть сомнения в том, что Павел прямо ссылается на Молитву Господа, называя ее по еврейской традиции первым словом, когда пишет: “Бог послал сына Своего... дабы нам получить усыновление. А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!” [22] Подобное высказывание в послании к Римлянам связано с той же мыслью об усыновлении [23].

“Отче наш” является, поэтому, памятником Божиему акту искупления, в то же время символизируя установление связи между Ним и людьми посредством Святого Духа, который может поселить смирение в сердцах. Установление такой связи сопровождалось Словом, проявленным Духом и воплощенным Христом. “Отче”, поэтому, означает пребывание Бога в жизнях людей посредством Христа; как сказал Учитель: “Я в них, и Ты во Мне, да будут совершенны во едино” [24]. Именно в сказанном о самой тесной близости Бога и людей признается также то, что Он сокрыт от них: “Отче наш, сущий на небесах”. Эти слова означают много больше, чем тот буквальный факт, что Божественное Духовное Существо находится где-то в том бездонном пространстве, которое по отношению к обитателям земли является “небесами”: они убеждают нас в том, что Тот, Кого мы можем назвать Отцом, – это “Высокий и Превознесенный, вечно Живущий”.

Высота, превознесенность, возвышение – термины материальные, но только этим языком мы можем говорить о духовной реальности. То, что Он – “сущий на небесах”, является фактом, но гораздо больший символ истины то, что “как небо выше земли, так пути мои выше путей ваших, и мысли мои выше мыслей ваших” [25]. То, что “никто никогда не видел Бога” – это не только историческая правда; то, что Он обитает в недоступном свете – не просто (если можно так выразиться) физический факт. Существуют вещи, подразумевающие абсолютную духовную истину о том, что Бог скрыт от человека Своим Собственным светом – исключительной природой Своей неприкосновенной чистоты. В то время как “наш Отец” показывает Господу, кто является Избавителем, “сущим на небесах” и показывает

Свою отделенность: оба аспекта связи Бога и людей отражены в Кресте. Ведь именно здесь пред нами предстает тот единственный, кто стал даром Божией любви для людей, чтобы они не погибли; и хотя смерть Христа является его собственным актом послушания, она, в не меньшей степени, – искупительное действие Бога, провозгласившее Его отцовство по отношению к тем, кто хотел его получить. Однако из-за того, что Христос был распят на Кресте как представитель пораженного грехом рода человеческого, в тот час должно было произойти удаление Бога, вызвавшее крик: “Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты Меня оставил?” Этот уход – существенная составляющая жертвы Христа, потому что он свидетельствует об отделенности Бога, настолько вознесенного над человеком, что Он должен оставаться скрытым от глаз грешной плоти. Антитеза, лежащая в основе этих простых слов молитвы, доведена до самой высшей точки видимости ужасной реальностью Креста и достигает примирения в воскресении.

Однако существует и другая сторона этой мысли: исключительная высота Бога по отношению к человеку делает возможным то, что мы можем назвать духовным чудом Божьего прощения. Прощать не свойственно природе человека, и мы не можем логически объяснить, почему Богу следует делать это по отношению к нам. Но это именно так, потому что Его мысли возвышаются, как небеса, над разумом людей, и мы призваны искать Господа, который “многомилостив” к кающимся [26]. “Ибо, как высоко небо над землею, так велика милость Господа к боящимся Его. Как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши” [27].

Итак, слова, с которыми молитва обращена к Богу, говорят о том, как близок Он к нам и как бесконечно далек. Они показывают, что Тот, Кто prepares свое жилище для кротких, – это абсолютно Тот же Единственный, Кто живет в вечности; Он, вознесенный надо всеми так высоко, по-отцовски сострадает Своим детям, которых Он зовет к Себе.

Примечания к главе 4.3

1. Второзаконие 32:6	8. Матфей 7:21
2. Иеремия 31:9	9. Матфей 12:50
3. Исаия 63:16	10. Матфей 16:17
4. Псалтирь 102:3-4	11. Матфей 11:27
5. Матфей 5:9	12. Матфей 10:32-33
6. Матфей 6:26, 7:11; 10:29-31;	13. Матфей 15:13
18:14	14. Матфей 16:27
7. Матфей 23:8-9	15. Матфей 26:29

16. Матфей 25:34
17. Иоанн 14:11; 16:28, см. также
16:27; 17:11, 21 и т. д.
18. Иоанн 20:17
19. Иоанн 1:12
20. Матфей 11:27; Иоанн 14:9
21. Евреям 2:10

22. Галатам 4:4-6
23. Римлянам 8:14-15
24. Иоанн 17:23
25. Исаия 55:9
26. Исаия 5:6-9
27. Псалтирь 102:11-12

4. Святое Имя (Матфей 6:9)

Да святится имя Твое.

Самим “Высоким и Превознесенным” сказано, что “Святой имя Его” [1]. Это Имя – не просто словесное описание какого-то качества Того, Кто его носит, или нечто придаточное к Нему. Имя объявлено Самим Богом, и Бог – это такая натура, которая открывается в Имени. Когда сказано, например, что “Его Имя – Вечный”, то это не значит, что из-за Его бессмертия имя должно также всегда существовать как название для Него; это означает, что Имя вечно, потому что оно является выражением Вечного Бога. Святость же – это сущностное качество вечного имени.

Коренной смысл слова “святой” – это “отделенный”, и его первоначальное использование в Писаниях имело целью суммировать воедино все те качества, в которых Бог не таков, как человек: “Я, – говорит Он, – Святой”. Другие случаи употребления этого слова носят подчиненный характер: место, гора, шатер, ковчег, блюдо или чаша, – все это свято не в силу каких-то особых качеств, а из-за того, что Бог сделал их Своими. То же можно сказать и о нации или народе, но с одной существенной разницей: имея свой собственный разум, они должны показать своими поступками, что принадлежат Ему, и от них настоятельно потребовано: “Будьте святы, как Я свят”.

Исаия, используя аналогию, показывает, что “Бог, Святой” – такое же особое Божественное Имя, как “Господь Саваоф” (буквально – “Господь воинства”): “А Господь Саваоф превознесется в суде, и Бог святой явит святость Свою в правде” [2]. Следует сказать, что характер, воплощенный в Имени, должен быть проявлен – Святой должен стать известным как святой – посредством Его праведных действий. Иногда прилагательное “святой” стоит отдельно, как синоним Божественного Имени. Например, в книге Исаии 40:25 оно выбрано с явной целью подчеркнуть, насколько уникален Бог: “Кому

же вы уподобите Меня? говорит Святой” [3]. Около тридцати раз у Исаии он описан как “Святой Израилев”. Тесно связана со святостью Бога Его “слава” – та вызывающая трепет лучезарность, которой “освятится”, как Он говорит, место Его встречи с Израилем [4]. Эти две мысли параллельны отрывку из Левита (10:3), где Моисей признается, что святость требует, чтобы к Нему подходили с той службой, которую Он Сам назначил, а не изобретенной человеком: “Вот о чем говорил Господь, когда сказал: в приближающихся ко Мне освящусь и перед всем народом прославлюсь”.

Подобная двойственность, которая уже обнаруживалась при рассуждении об Отце Небесном, очевидно проявляется и в Его святости: Он, одновременно, отделен от человека и очень близок, “огонь пожирающий” и Бог, прощающий грех, и это не противоположные качества, а составляющие такого единого целого как святость. Об этом сказано в замечательном отрывке из Осии, где Бог заявляет, что из-за того, что Он свят, Он не уничтожит людей и город, которых Он полюбил: “Не сделаю по ярости гнева Моего, не истреблю Ефрема, ибо Я – Бог, а не человек; среди тебя – Святой; Я не войду в город” [5]. Он – “не человек”, но, в то же время, Он – “среди тебя”; Он – совершенно другой и стоящий высоко, но, одновременно, Он – среди них, и потому, Он удерживается от того, что, казалось бы, могла потребовать от Него Его исключительная святость: Он воздерживается от их уничтожения не только по причине Своего милосердия, но и Своей святости. Воистину, Его мысли – не человеческие мысли.

Бог освятит Свое Имя, когда исполнит Свое намерение: возродить и спасти Свой народ. Из-за своих грехов они были взяты в плен и, по Его суду, рассеяны, Его Имя было осквернено; народы с насмешкой говорили: “Они – народ Господа и вышли из земли Его”. Однако из-за “Святого Имени” Божьего эти народы узнают, что Он – Господь, когда, как Он говорит: “явлю на вас святость Мою перед глазами их” [6]. Освятить и почитать – значит сделать Себя известным как святого, проявить перед людьми это качество, из-за которого Он уникален и неизменен, и совершенно не таков, как неискупленный человек.

Если рассматривать это слово с другой стороны, человек признает Бога святым. Такое признание определяет те требования, которые Его святость предъявляет к ним. Именно в этом смысле Он сказал: “И соблюдайте заповеди Мои и исполняйте их. Я Господь. Не бесчестите святого имени Моего, чтоб Я был святым среди сынов Израилевых. Я Господь, освящающий вас” [7]. В день возрождения Израиля Он будет почитаем в обоих смыслах слова: “Посему так говорит о доме Иакова

Господь, который искупил Авраама: тогда Иаков не будет в стыде, и лицо его более не побледнеет. Ибо, когда увидит у себя детей своих, дело рук Моих, то они свято будут чтить имя Мое, и свято чтить святого Иаковлева, и благоговеть перед Богом Израилевым” [8]. Слова подобны сказанному о “страхе” и “трепете” в книге Исаии 8:13. Полагающийся на Слово Божье освящает его своею верою в неизменную святость Бога; и в день, который придет, она проявится так, что будет признана всем миром.

Опыт еврейской истории придал особое содержание идее “почитания Имени”. Во времена Макковеев многие предпочли смерть нарушению Божьего закона участием в языческом жертвоприношении. Такое мученичество было “посвящением Имени”. В более глубоком смысле Христос “посвящал” себя на протяжении всей жизни, а в конце “прославил” Отца, окончательно показав правду Божию, послушно покорившись смерти на Кресте [9]. Его мученическая смерть была высшим “освящением Имени”.

После этих размышлений мы можем обратиться к первой просьбе Молитвы. Если мы действительно верим, что Бог есть все, о чем говорит призыв: “Отче наш, сущий на небесах”, – то тогда возникает вопрос: “Что является более необходимым, чем наши молитвы о дне, когда Он будет известен каждому живому существу как Святой и Отец?” Не вызывает ли любовь всем сердцем, душой и разумом сильнейшего желания всеобщего признания Бога? Было бы естественным, если бы мы имели в виду именно то, о чем говорим. Однако мы вынуждены признать, что здесь, в начале, молитва подвергает человеческую природу великому испытанию. Весь святость Бога – высшее выражение Его реальности, Его совершенной независимости и превосходства по отношению к человеку, а, потому, молитва требует от нас проверить самих себя, чтобы не только определить, верим ли мы в Бога как Отца, но и верим ли мы в Него вообще.

Люди могут соглашаться, что Бог существует, подобно тому, как они верят, что одна величина, равная такой же другой, равна и такой же третьей величине, или, что длина окружности приблизительно в три раза больше ее диаметра; однако, такое холодное допущение не сможет вызвать никакого стремления почтить Имя Бога. Хуже того, “Бог” может оказаться для людей не более чем олицетворением их собственных мыслей о правде и доброй воле. Так “Бог” становится идеальной мечтой. Люди оставляют себе эту мечту, чтобы жизнь не стала серой, точно так же, как она поблекла бы, если бы не красота

случающихся время от времени закатов; но они могли бы достаточно хорошо жить, если бы, из-за состояния атмосферы, никогда никаких заходов солнца не видели. Так Бог действительно становится подчиненным по отношению к людям. Если же Бог зависит от людей, они смогут попороть любой принцип добродетели, задуманный Им для воплощения, с целью защиты своих идеалов.

Такая тенденция к подчинению идеалов Бога человеческим заметно возросла в наши дни и проявилась в особом акценте, придаваемом Его щедрости за счет других Божественных качеств. Такой Бог представляется людям просто как олицетворенная доброта, служащая только для выполнения запросов и желаний людей. Такой Бог лишен (в представлении людей о Нем) таких качеств как святость, величие, праведность, справедливость и рассудительность, – то есть именно того, что демонстрирует Его превосходство над людьми. Если Бог рассматривается просто как одно из жизненных удобств, то тогда не люди служат Ему, а Он – людям; Бог, ставший таким образом зависимым от людей, неизбежно поблекнет и превратится в миф. Он станет для современных людей тем, по словам Гильберта Муррея, чем Олимпийские боги стали для греков первого века: “Не боги, в которых любой верит как в твердый факт, а боги, принадлежащие к наполовину отвергнутой традиции, к неосознанному притворству, к сильному желанию” [10]. До этого уровня опустилась, большей частью, вера в современной Англии. Крайним примером может служить человек, который, отвечая на вопрос, верит ли он в Бога, сказал: “Я не верю, что есть нечто такое, но хорошо иметь что-то, что внушает людям мысль о существовании чего-то подобного, если они в этом нуждаются”. Такое исчезновение веры в Бога как в объективную реальность является неизбежным результатом представления о Нем, во-первых, как об олицетворении собственных человеческих идей о добродетели и, во-вторых, как о Том, чья единственная функция – давать людям то, что они хотят.

Даже “профессиональные” христиане могут исповедовать Отца, Сына и Святого Духа и иметь при этом столь мизерную веру в Бога, что не думают об Его Имени. Если мы небрежны в посещении служб и учебы, значит Бог и Его Христос недостаточно реальны для нас, и их Имена не имеют над нами безусловной власти. С другой стороны, мы можем регулярно посещать службы, делать то, что считаем нужным делать, и воздерживаться (с большей определенностью, возможно) от поступков, которые, по нашему мнению, делать нельзя – и все еще не верить. Все это может быть обычаем, одной из заслуживающих

уважения привычек. Мы можем быть активными в организации дел еkkлeсии, потому что такая деятельность соответствует нашему темпераменту – и все еще не верить. Мы можем быть усердны в изысканиях и сильны в истолковании доктрин и пророчеств – и это может быть для нас не больше, чем интеллектуальным хобби. Мы можем даже найти выход для нашей природной энергии и доброго характера в добрых делах – и все еще не верить. “Если я имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы” [11]. Первейшей основой любви является абсолютная уверенность в реальности того, на кого эта любовь направлена.

Мы не любим воображаемое, ведь это только сорт самовлюбленности, подобной той, что проявил легендарный грек, влюбившись в свое отражение в пруду. Мы не можем любить по обычаю, из приличия: это только убежище для высушенных душ, которые, идя по проторенной дорожке, уклоняются от самой необходимости любить. Наша любовь – не хобби (хотя многим из нас может это *нравиться*), потому что хобби само по себе – это лишь выражение нашей собственной энергии, умственной или физической. Реальность состоит в том, что мы не можем любить Бога, если не понимаем, что Он должен быть абсолютно другим, чем мы сами, а потому мы можем сказать вместе с псалмопевцем:

Господи! Ты испытал меня и знаешь.
Ты знаешь, когда я ложусь и когда встаю;
Ты разумеешь помышления мои издали...
Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое,
Испытай меня, и узнай помышления мои,
И зри, не на опасном ли я пути,
И направь меня на путь вечный. [12]

Истинно, “Да святится Имя Твое” – это молитва о выполнении в будущем того, что только Бог может совершить, той цели, которую Он провозгласил и которая опирается на несомненный факт Его существования: “Но жив Я, и славы Господней полна вся земля” [13]. Подразумевается ли в этом обращении к Богу то, что достижение этого дня зависит от наших молитв? Ясно, что этого не может быть; когда мы произносим: “Да святится Имя Твое”, – мы устанавливаем тождество своих и Его желаний: говорим, что результат, к которому мы

стремимся, – это Его цель, а не наша собственная, и желание, которое мы лелеем – для Его славы, а не для нашей. Мы заявляем, что постоянно и страстно ждем того дня, как и когда бы он не пришел, который будет работой Его мудрости.

Однако освящение Имени Бога не может стать нашим будущим устремлением, если не сформулируется уже сегодня. Бог освятил Израиль спасением из Египта для Своего собственного обладания, а потому Он требовал, чтобы они и сами признали Его святость и сделали Его известным как святого. Это подразумевает послушание Ему. Апостол Павел говорит новообращенным язычникам в Коринфе: “Но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего” [14]. Они, которые освятились Богом, должны сами освятить Бога, проявляя впредь характер Отца, искупившего их. Имя, которое они несут, – это “славное и страшное имя” [15], и оно освящается, когда боящиеся Господа “чтут Имя Его” [16] и показывают ростки такого образа мыслей в своей жизни. Как Христос освятил Имя на Кресте, так ученики будут делать это, подчиняясь Его заветам: “Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною”.

Примечания к главе 4. 4

1. Исаия 57:15	9. Иоанн 17:1, 19; Римлянам 3:21-25
2. Исаия 5:16	10. G. Murray “Five stages of Greek religion”
3. сравните с Иов 6:10; Осия 11:9; Аввакум 1:12	11. 1-е Коринфянам 13:2-3
4. Исход 29:43	12. Псалтирь 138:1-2, 23-24
5. Осия 11:9	13. Числа 14:21
6. Иезекииль 36:20, 23	14. 1-е Коринфянам 6:11
7. Левит 22:31-32	15. Второзаконие 28:58
8. Исаия 29:22-23	16. Малахия 3:16

5. Царство и Воля (Матфей 6:10)

*Да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя
и на земле, как на небе.*

Царствование Бога вечно и всеобще. “А Господь Бог есть истина... и Царь вечный”; для жителей земли Он – “Царь Народов” [1]. Эта

мысль о Божьей монархии пропитывает всю книгу Иеремии и отражена в Откровении, где нередко используются имена “Вседержитель” и “Всемогущий”. В том, что Бог судит языческие народы, проявляется именно то, что Он ими правит [2]. Пророчества засвидетельствовали истину, объявленную Навуходносору: “Всевышний величествует (т. е. управляет) над царством человеческим”.

Хотя земля и все, что наполняет ее, – Господне, правда состоит в том, что в будущем будет публично произнесено: “Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы!” Хотя владения “от века” принадлежат Ему, придет день, когда Он вступит в них явно, поэтому в Псалтире о Царстве Божием, большей частью, говорится в будущем времени. Псалом 92 и следующие за ним сочетают мысль об определенном Божественном акте вступления на царствование с идеей о том, что царство это – вечно. “Господь царствует”, – сформулировано Дж. Е. Макфэдином и другими, как: “Яхве занял Свое место на престоле”; псалмопевец же продолжает: “Потому вселенная тверда”, – уделяя особое внимание контрасту настоящего и будущего времен. Однако следующий стих показывает, что акт вступления на престол вселенной – это лишь одна сторона вечного царствования: “Престол Твой утвержден искони; Ты – от века”. В псалмах 95-98 тоже выражение “Господь царствует” – явно пророческое.

Таким образом, существуют два аспекта царствования Бога: вечный и связанный с будущим, причем первый включает второй, как общее включает частное. Подобным образом, в то время как земля и все ее обитатели – Божьи, Он выбирает Израиль, чтобы тот стал искупленным Им владением, царством священников и святым народом, среди которого Его монархия могла быть открыта и признана. Он, потому, в определенном смысле “Царь Иакова”, Который говорит им: “Я Господь, Святыи ваш, Творец Израилу, Царь ваш”. Он избрал их Своими свидетелями на земле [3]. Однако сейчас нет больше нации, земли, системы законов и поклонений, объединенных в единое целое, такое, как Царство Божие: восстановление царства зависит от возвращения на землю “сына, данного нам” воссесть на престол Давидов [4].

Как Бог неоспоримо царствует на Небесах среди восхвалений ангельского воинства, так должен Он управлять и на земле. Поэтому молиться: “Да *приидет* Царствие Твое”, – означает видеть, что Божие владычество, как бы не было оно реально, еще не открылось на земле, но будет проявлено в будущем, когда Он открыто придет к власти.

Господство это еще не публично, но позже о нем будет объявлено, и даже внешние формы человеческой власти будут уничтожены. “Глагол (“да придет”) употреблен в такой форме, которая устраняет идею постепенного прогресса или развития и предполагает стремительную катастрофу, как об этом сказано во 2-ом послании к Фессалоникийцам 2:8” [5].

О чем же мы молимся, когда высказываем эту просьбу? Позже в Нагорной Проповеди Господь показывает разницу между язычниками, снедаемыми заботами о материальных нуждах, и своими учениками, для которых “эти вещи” имеют второстепенное значение, потому что их главная мысль – о Царстве Божием и Его правде. В связи с этим сказанное у Луки подтверждает разницу между светом и тьмой, реальным и призрачным. Люди, очи которых обращены к Слову Божию, живут в реальности и наполнены светом. Если же свет в человеке есть тьма, то как же велика эта тьма! [6] Начиная с Каина, темнота в людях противилась свету и гнала тех, кто, подобно Авелю, в нем жил. Но святые не испытывали страха, даже если люди тьмы убивали их тело. Единственная конечная реальность – это разум Божий, и люди не в состоянии уничтожить тех, с кем связаны Его намерения [7]. Царство означает реальность Бога: это свет – против тьмы, постоянное – против временного, действительность – против призрачности. Физический мир достаточно реален, как внешняя сторона Божественного плана, но жизнь и ее потребности в существующем порядке вещей в мире – лишь тень; Бог и жизнь в Нем – вот сущность. Святые Божие люди не будут гнаться за тенью, теряя истинную суть. Страстно желать Царства Божьего и Его правды значит ждать наступления того дня, когда все народы, созданные Им, придут и поклонятся Ему, когда “Истина возникнет из земли и правда прикинется с небес” и “Правда пойдет перед Ним и поставит на путь стопы свои” [8]. Следует хотеть, чтобы Его власть и Его правда, как и Его святость, стали известны и признаны на земле. Если эта просьба – нечто большее, чем пустые слова, то она означает наше стремление служить Его целям. Если мы хотим, чтобы власть Бога проявилась в будущем, мы должны признать Его господство сейчас, то есть жить под Его правлением. Это единственное, что мы можем справедливо сказать о теперешнем аспекте Царства Божьего, но он отражает будущее. Грядущее Царство является главной реальностью, и власть Бога на земле может быть фактом настоящего только потому, что она будет фактом будущего мира.

Однако просить царства просто, как результата, для нас самих означало бы желать не Божьего Царства, а нашего собственного; в то же время было бы притворством говорить, что мы можем стремиться к некоему обезличенному царству, нисколько не заботясь, достигнем ли мы его сами. Этот сорт холодного альтруизма – простая пустая самоуспокоенность и не имеет ничего общего с духом Слова Божьего. Если мы действительно желаем Его Царства, то мы и сами хотим жить в нем; Бог Сам предвкушает, что царство унаследуют конкретные люди, которых Он знает. Эта мысль и приводит к последней мольбе этой первой строфы Молитвы: “Да будет воля Твоя”. Подготовка – это акт воли, а потому, когда Царство унаследовано теми, для кого Он предназначил его, воля Бога свершится, будет доведена до конца, выполнена. Исполняя это, Божья воля действует на протяжении всей человеческой истории.

Мудрость, олицетворенная в Книге Притчей Соломоновых, провозглашает:

Господь имел меня началом пути Своего,
прежде созданий своих, искони:
От века я помазана, от начала,
прежде бытия земли...
Когда давал морю устав,
чтобы воды не переступали пределов его,
когда полагал основания земли:
Тогда я была при Нем художницею,
и была радостью всякий день,
веселясь пред лицом Его во все время,
Веселясь на земном кругу Его,
и радость моя была с сынами человеческими. [9]

Вечная мудрость находится в такой близкой связи с Богом, что в английском переводе (A. V. – Authorized Version) для ее изображения используется образ воспитанницы. Revised Version (R. V.) и русская Библия принимают альтернативное толкование слова, выбрав его из многих возможных значений, и переводит его как “художница”, но вариант Библии A. V. (“воспитанница”) больше согласовывается с глаголом “веселиться”. Обычно так описывается иронический смех [10], но в данном контексте это может значить только “по-детски избыточно радоваться”. Потому, Еврейская Версия (Jewish Version) говорит:

Тогда я была при Нем воспитанницей

И была радостью всякий день,
Резвясь перед лицом Его во все время,
Резвясь на земном кругу Его,
И радость моя была с сынами человеческими.

Это поэтическая притча о божественной радости в стремлении к исполнению Его цели, и там, где существует мудрость для предвидения этого итога, присутствует и воля для его осуществления. Двадцать четыре старца в Откровении провозглашают, что все было сотворено по “соизволению” и “воле” Бога:

Достоин Ты, Господи,
приятъ славу и честь и силу,
ибо Ты сотворил все,
и все по Твоей воле существует и сотворено. [11]

Цель, ради которой эта воля действует, должна быть достигнута посредством орудия: того, кто желает исполнить волю:

Тогда я сказал: вот, иду;
в свитке книжном написано о мне:
я желаю исполнить волю Твою, Боже мой... [12]

Павел, цитируя этот стих в послании к Евреям 10: 5-10, определяет цель, на которую эта воля направлена, когда комментирует: “По сей-то воле освящены мы”. Сам Иисус заявлял об этом много раз, используя терминологию псалмопевца: “Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную” [13].

В послании к Ефесеям деятельность Божественной воли – центральная мысль, из которой вырастает весь разговор. Павел пишет как “волею Божиею Апостол Иисуса Христа” к тем, кого Бог предопределил к усыновлению “по благоволению воли Своей”. Он говорит, что Бог открыл нам “тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем”, и “мы сделались наследниками, бывши предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей”. Павел демонстрирует эту цель, когда молится, чтобы они могли познать богатство Божественного наследия для святых, и показывает значение этого намерения, добавляя: “И как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которую Он

воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах” [14]. Это – сила в действии.

Здесь мы встречаемся с замечательной группой формулировок, почти исчерпывающих возможности языка для описания, во-первых, Божественного разума и стремления к цели: *“Премудрость и разумение”* [15], *“определение”*, *“изволение”*, *“благоволение”*; во-вторых, воли, преследующей цель; и, в-третьих, силы добиться этой цели: *могущества, энергии, державности, действия, свершения* [16].

Цель этой сильнейшей концентрации умственных, моральных и деятельных качеств Бога – “все... соединить под главою Христом”. Такова Божья воля: объединить под руководством Христа все творение, другими словами, примирить мир с ним самим, тот мир, в котором все будет обновлено. Именно об этом мы молим, говоря: “Да будет воля Твоя”.

Этимися словами высказывается самая сильная и активная просьба молитвы. Быть может, произнесение Иисусом этих слов в Гефсиманском саду, привело к тому, что многие люди связывают их только со смирением и горем. Но, когда Иисус молился: “Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя”, – он не сносил пассивно неизбежное, но, имея собственную волю, подчинял ее живой воле Бога: “Впрочем, не как Я хочу, но как Ты” [17]. Зная, что намерение объединить все может осуществиться посредством Креста, к нему он и повернул свое лицо. Как часто именно Крест оказывается истинным истолкователем Молитвы Господа!

Три первые мольбы связаны в одно целое и помещены между двумя упоминаниями о небесах: “Отче наш, сущий на небесах” – “и на земле, как на небе”. Последние слова определяют равенство просьб об Имени, Царстве и Воле. Сейчас они выполнены на небесах и ждут своего грядущего завершения на земле. В каждой из этих молитв ученик, произносящий их, отождествляет себя с намерениями Бога, и, понимая (более того, страстно желая), что цель эта осуществится в будущем, он признает ее в качестве управляющей жизненной силы сегодня. Эти слова могут быть высказаны самым скромнейшим из святых, и нет такой высоты божественной мудрости или такой глубины божественного знания, которые не охватили бы первые строчки Молитвы Господа.

Примечания к главе 4.5

1. Иеремия 10:10, 7

2. Иеремия 48:15; 51:57

3. Исаия 41:21; 43:15, 10
4. Исаия 9: 6-7
5. W. E. Vine “Expository Dictionary of N. T. Words”
6. Лука 11:34-36
7. Лука 12:4-5
8. Псалтирь 85:9; 84:12, 14
9. Притчи 8:22-31
10. сравните с ПсалПУП 2:4
11. Откровение 4:11
12. Псалтирь 39:8-9
13. Иоанн 6:38-40
14. Ефессянам 1: 1, 5, 9, 11, 18-20
15. Ефессянам 1:8
16. Последние два термина означают энергию в действии и, фактически, являются переводом слов, близких к “энергии, силе, мощи”
17. Матфей 26:42,39

6. Основа жизни (Матфей 6:11-12, 14-15)

*Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим...
Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их,
то простит и вам Отец ваш Небесный;
А если не будете прощать людям согрешения их,
то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.*

Первое из молитв, имеющих более прямое отношение к нам, признает наши физические потребности в качестве основы духовной жизни. В шеоле (еврейское слово, переводимое как “могила, гроб”), где нет “памятования” о Боге и никто не “славит Его” [1], никаких с Ним отношений определенно не может быть; там же, где нет жизни, не может быть и никакого роста. Поэтому молитва признает зависимость от Бога самих основ нашего существования, являющихся фундаментом нашего сознания, веры, любви и надежды, и, следовательно, возможности развития личности, подходящей для Царства Божьего.

Такая простая точка зрения не всегда была признана из-за великого лингвистического спора, начало которому дала Молитва Господа, вращающегося на протяжении многих веков вокруг слова, переведенного как “насущный” [2]. Означает ли это выражение “сегодняшний хлеб”, “хлеб на грядущий день”, “хлеб для пропитания”, “необходимый хлеб” или “постоянный хлеб”? Или было бы правильнее вынести это понятие за пределы материальной сферы и понимать его как “духовную пищу”, “пищу для вечной жизни”? Не сюрприз то, что последний из названных взглядов должен был найти множество защитников среди тех, кто отталкивается от постулата бессмертия души; но тот факт, что человек – это созданная из “праха земного”

“душа живая”, возвращающаяся в прах, уже сам дает правильную основу для понимания этой мольбы.

Трудность состоит в том, что слово “насущенный” встречается только дважды в записях Молитвы Господа и нигде больше в греческой литературе. Ориген в III веке считал, что слово это придумано апостолами. Считалось, что Ориген должен был знать свой собственный язык лучше кого-либо другого, поэтому его утверждение большинством было принято; комментаторам даже не пришло на ум, что Ориген мог быть чересчур академичен, чтобы знать рыночный греческий язык.

В последние годы, однако, было изучено много фрагментов папирусов из Египта, показывающих, каким был разговорный греческий язык около первого века нашей эры: народный язык сильно изменил классический греческий более раннего времени, и употреблялся всеми различными народами Римской Империи. Адольф Дайсман написал о находке слов “*та эпоузиа*” в папирусе из Фэйоума, описанном им как “остатки книги домоправителя”. Это выражение, по его словам, перекликается с латинским словом “*diaria*”, которое встретилось в подобном перечне домашнего реквизита из настенной надписи в Помпеях. “Оба слова, вероятно, обозначают количество ежедневной пищи рабов, солдат и работников, видимо, выдаваемой на день вперед”. На основании этого исследования Дайсман говорит: “Точный смысл Молитвы Господа таков: “Дай нам сегодня дневное количество пищи на завтра” [3]. Замечательная параллель этой идее (хотя и не формулировке) есть в Луке 12:42: “Кто верный и благоразумный домоправитель, которого господин поставил над слугами раздавать им в свое время меру хлеба?” Именно о такой “раздаче в свое время” просит член Семьи Божьей в Молитве. Мы просим спасти нас не только от голода, но и от постоянной неопределенности и незнания, откуда поступит к нам следующая еда, ведь в этом состоянии выше человеческих сил сохранять спокойствие, и мы не решаемся напрягать нашу плоть, зная, что мы слишком слабы. С другой же стороны, мы не можем молить о безопасности на будущее или обеспечении нас богатством, тогда как нам достаточно Его милости. Мы просим только о дне грядущем.

Может ли, однако, тот, кому случилось обладать материальным имуществом, присоединиться к другим в этой молитве? Да, во-первых, потому что все равны, как братья, перед Господом, молясь не только за себя, но и за других. Во-вторых, горе тому, кто забывает, что богатый и бедный одинаково зависят от Бога в своих насущных потребностях.

Благосостояние – это, в значительной степени, общественная выдумка, ведь поворот на фондовом рынке, или падение денежного курса, или марксистская революция, – и богатство исчезнет в один день. Бомбовый удар – и самое прочное имущество может быть разрушено. Современное богатство не меньше, а больше уязвимо, чем его древние формы, которые страдали от постепенного разедание “молью и ржавчиной”. “Вы, которые не знаете, что (случится) завтра”, – не приобрели ли эти слова Иакова новую остроту для нас после двух мировых войн? Потому, богатый человек имеет такую же потребность просить, что и бедный; и может он просить о “мере хлеба” только “в свое время” как домашний работник. Все, что он имеет свыше этого, является дополнительным доверием Бога к нему для того, чтобы он использовал это, проявляя любовь к Богу и своим ближним.

От самой первой жизненной потребности Молитва переходит к основной необходимости духовной жизни: “И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим”. Люди не могут жить перед лицом Бога без Его прощения, потому что без этого они не могут объединиться с Ним, а без такого союза они, в конце концов, не могут жить вообще. Однако Божье прощение не будет им дано, и они не смогут его искренно принять до тех пор, пока они сами не возжелают прощать в собственном сердечном раскаянии. Для Бога прощать тех, кто сам не прощает, было бы действием, не только противоречащим Его правде, – это было бы морально невозможно. Дух непорочения – примета непокорного сердца, не знающего своих нужд; такое сердце, подобно сильно обожженной глине, не будет позволять состраданию ни струиться наружу, ни проникать внутрь. Еще раз Молитва достигает самой сути человеческой природы, требуя от тех, кто будет ее повторять, смущения перед другими. Нам не нужно долго объяснять, что значит власть брэнной плоти.

Слово “долги”, однако, раскрывает ход мыслей, указанный д-ром Тиртелем. Закон избавляет от уплаты долгов во имя Господа в конце каждого семилетия, когда каждый заимодавец, прощает долг ближнему своему и не взыскивает с него, ибо “провозглашено прощение ради Господа” [4]. Рабство также ограничивалось семилетним сроком, семь же таких семилетий приводили к юбилейному году с его провозглашением свободы и восстановлением для семей собственности на землю, которая была ими продана. Хозяйственная и социальная жизнь Израиля держалась на принципе, что вся земля, основа благосостояния, была дана людям Верховной властью, Богом, и удерживалась во владении, которое, из-за запрета на свободную

продажу и ограничения срока аренды, было задумано для сохранения распределения земли по семьям. Периодическое прощение долгов было связано с этой замечательной системой землевладения. И то, и другое было частью единого хозяйства, которое, при условии правильного соблюдения закона, предотвращало социальные несправедливости, сохраняя богатство у многих; такое уникальное решение проблемы, которое до сих пор сбивает с толку лучшие умы человечества, было возможным только потому, что держалось на нравственном принципе: все, имеющееся у людей, – не их собственное, а Божье. Освещенная этой истиной, экономика Израиля была единственной в мире, сохранявшей среди своих основ принцип прощения.

Этот принцип Иисус переносит в сферу духовной жизни и иллюстрирует Притчей о Злом Рабе, где долг, который раб отказался простить был ничтожен, а долг, который был ему прощен – несметен. Здесь мы еще раз обращаемся к Кресту, как к высшему примеру, олицетворяющему смысл Молитвы, тому Кресту, с которого были произнесены слова: “Отче! прости им, ибо не знают, что делают”. И Петр – пылкий Петр – отражает эту мысль Господа в обращении к иудеям: “Впрочем я знаю, братья, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению” [5].

Когда мы молимся, мы просим Бога оставить без внимания наши задолженности Ему, как в год прощения долгов, “в том смысле, что этот счет никогда больше не сможет быть представлен к оплате”; и мы просим об этом, зная не только величину долга, но и величие Божественного Кредитора. Два других слова использованы в качестве синонима этому и показывают природу нашего долга. Просьба – только одна, о которой Иисус говорит в контексте молитвы у Матфея, и там сказано о “проступках, грехах”. То же самое слово повторно использовано Павлом в послании к Римлянам 5:16 (“И дар не как суд за одного *согрешившего*” и т. д.), а также к Ефесянам 2:5 и к Колоссянам 2:13 в выражениях “мертвые по преступлениям” и “мертвые во грехах”. В Молитве, как она изложена у Луки, просьба звучит так: “И прости нам *грехи* наши, ибо и мы прощаем всякому *должнику* нашему”. Долги, проступки, грехи, – все эти слова, следовательно, описывают, в каких отношениях с Богом пребывает человеческая природа, и от чего нам следует освободиться. Кроме того, те, кто молится этими словами, приходят к Богу не как непретворенные грешники. Получив в дар великое прощение, с принятием имени Христа, они, из-за неустойчивости человеческой природы, все еще нуждаются в прощении их недостатков и впредь; однако, этого они могут просить

как люди перерожденные, знающие и признающие Божий закон, закон “избавления Господнего”.

В то же время, Божье спасение – это не просто избавление от старых ошибок. Если бы это было так, молитва была бы аморальной, носила бы характер заклинания с целью принести какой-то магический результат; нам же следует быть постоянно осторожными по отношению к языческим понятиям, могущим снизить ее до этого уровня. Покаяние – это осознание необходимости изменений внутри себя и Божественной любви, которая и может совершить это. Просить прощения означает обнажить себя для очищающего огня Божественной милости, который может сжечь все ненужное. Псалмопевец полагается на эту силу, когда после молитвы об очищении от греха, пишет: “Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отними от меня” [6]. Бог привязывает нас близко к Себе из-за нашей исключительной слабости: мы очень нуждаемся, завися от Его милости, в сообществе с Ним. С помощью покаяния и обновленных усилий мы растем в милости, но необходимое условие этого роста – Его прощение. Фарисейский образ мыслей, не знающий необходимости в прощении, не имеет и нужды в Боге; поэтому они отрезаны от самого источника жизни и мертвы, хотя еще живут. Бог очищает сердца раскаянием, и, если молитва не просит прямо об их чистоте, то потому, что мысль псалмопевца заключена в просьбе: “Прости...”

Молитва о прощении требует понимания образа мыслей Того, Кто прощает. Когда мы отдаем себя в милость Божью, наша гордость, самонадеянность, напористость разбивается об Его знание нашей нужды и сострадание по отношению к тому, кто боится Его; не создадим ли мы вновь эти тернистые преграды, когда повернемся к нашим братьям? Или мы передадим им хоть слабый ответ Его милости и сострадания? Сказано, что “христианская доктрина прощения настолько действенна и настолько трудна, что, когда имеется действительная и глубокая обида, которую нужно простить, только живущие в Духе, в союзе с Крестом, могут основывать на ней свои действия” [7].

Примечания к главе 4.6

1. Псалтирь 6:6
2. “эпиоузиос” (по-гречески)
3. A. Deissmann, “The N. T. in the Light of Modern Research”, стр. 84-86
4. Второзаконие 15:2

7. *Избавление от зла (Матфей 6:13)*

*И не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого.*

Такие слова может произнести застенчивый ребенок – если не по годам, то по вере, – стоя на пороге приключения, называемого духовной жизнью. Одновременно взволнованная и робкая, даже в тисках Отца, маленькая рука сжимается от ощущения безбрежности и власти мира, почти ошеломляющего детское сердце.

Однако это просьба безошибочно помещена в самой высшей точке молитвы: это последняя стадия обучения, которой мы постепенно достигли. Возможно, ребенок, духовно или физически, будет самонадеян и глупо безрассуден; слова же ставят в тупик неразвитые умы. Но последние три просьбы, одна за другой, сокрушают преграды вокруг внутреннего “я”. Первая мольба, о хлебе, признает нашу зависимость от Бога в физической жизни и дает осознание того, что все, полученное нами, – это содержание Божьего слуги, а не что-то, принадлежащее нам по собственному праву. Вторая молитва, о прощении, определяет нашу зависимость от Бога в создании условий для отношений с Ним, и требует от нас отражать на других солнечный свет Его доброты. Последняя же просьба, о том, чтобы Бог помог нам быть вдали от искушений, низвергает последнее убежище самонадеянности; это признание того, что мы недостаточно сильны, когда навлекаем на себя испытания.

Бог руководит – но где? Иногда в ситуации, когда мы подвергаемся проверке; если же такое испытание выпадает нам, то следует вспомнить слова Иакова: “С великой радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение, терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка” [1]. Мы стремимся стать “совершенными”, не следует ли из этого, что мы должны стремиться быть испытанными? Не логично ли было бы нам молиться: “Введи нас в искушение”? Быть может, но только учитывая одно обстоятельство: такая просьба показала бы, что наша самонадеянность более разрушительна, чем любое искушение извне. Это именно то качество,

отказаться от которого нас призывает Молитва. Эти слова порождают одну из мыслей, прослеживающихся в описании Тайной Вечери и Гефсимании: из таких темных часов, что они вместили всю полноту света. “Симон, Симон! – говорит Господь, – се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих” [2]. Но Симону Петру такое беспокойство о нем казалось ненужным. Не он ли был одним из ревностнейших учеников, отказавшихся от всего, чтобы следовать за Господом. “Господи, с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти”. Не звучала ли в его голосе, наравне с уверенностью в себе, нотка, выражавшая желание разубедить? Как мало знал Петр о том, какое унижение принесут ему следующие несколько часов! “Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня”. Еще до наступления следующего утра чувство собственного достоинства Петра обратилось в руины. В своей любви к Господу он отважился приблизиться к нему ближе, чем кто – либо другой, за исключением Иоанна; но, поступая так, он впал в искушение и не выдержал испытания не темницей или смертью, а словом, насмешкой. С криком петуха он с ужасом осознал свое падение, и, человек с разбитым сердцем, Петр “вышел вон, горько заплакал”. Как глубоко понял после этого Петр значение слов Молитвы!

Не был ли Господь с ними и в ту ночь? Будучи в Саду, он сказал: “Молитесь, чтобы не впасть в искушение”. И они – те, которые присоединились к Петру в торжественном заверении о доблестной преданности, – “оставили Его, все бежали”. Как нуждались они в заступничестве Господа в часы его собственных мучений! Вы, заявляющие о своей силе, способной выдержать любое испытание, “так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?” “Дух бодр, плоть же немощна” [3].

Однако высшее освещение этих слов было дано еще раз на его собственном примере. Он, принявший на себя то, что было написано в книжном свитке; знавший, что Христос обязан был пострадать; понимавший, что он и есть та “стрела заостренная”, укрепленная Духом для дела искупления [4], – даже он не мог сказать: “Веди меня на испытание, ради которого я пришел”. Насколько желаннее для Отца были слова, хлынувшие прямо из сердца Иисуса: “Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет”. То, что он мог хотеть, чтобы чаша эта прошла мимо него, является глубочайшим признаком его человеческой природы и,

одновременно, величайшей степенью его духовности. Доказательство его родства с нами – проявленная им собственная воля, которую необходимо было отвергнуть; ангел не мог бы молиться этими словами, а тем более – вечный “Бог Сын”; только тот мог сказать так, “Который немного был унижен перед Ангелами, дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех”. Эти слова выражают также совершенное смирение. Он не говорит: “Приведи меня к унижению и страданию, я готов встретиться с самым худшим”, – а молится даже в последний момент о том, что, если возможен не столь страшный способ искупления, не может ли он быть избавлен от Креста. Какой поразительный контраст с бравадой Петра! Как не вяжется это с нашей склонностью выдумывать такую же духовную проницательность!

Таким образом, эта последняя мольба является завершающим и самым проникновенным признанием нашей зависимости от Бога: не дай злу взять нас под свой контроль, оставь нас в таких близких отношениях с Собой, для которых Ты и создал нас и к которым Ты нас привел. Павел замечательно вторит Молитве Господа, в то же время разъясняя ее, когда пишет: “И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства” [5]. С этой мольбой мы можем сравнить молитву из Трактата *Беракот* в Талмуде (название первой части Талмуда, происходившее из молитвы “Благословен (беракот) будь, Господь, наш Бог, Царь мира” – прим. переводчика), которая просит освободить от “злого человека и злых дел, от злых побуждений, злых товарищей, злых соседей и от Сатаны”. Здесь “злые побуждения” (“*йецер*”) служат ясным отличительным признаком “Сатаны”, который, в действительности, становится ненужным придатком к этому обстоятельному перечню зол. Оставив в стороне Сатану, мы, таким образом, можем получить очень интересную картину того, что могло значить “зло” для еврейской аудитории. В самом деле, К. Тейлор в издании “*Высказывания Отцов*” приводит предположение, что это выражение в Молитве означает “*Йецер-ха-Ра*” (злое побуждение) [6]; возможно, это значение слишком узкое, но оно, несомненно, ближе к истине, чем “лукавый” (как в русской Библии) или “злое” (как в английском варианте), которые отвергаются даже учеными, верящими в Дьявола как личность. Уже в Нагорной Проповеди слово “зло” было использовано для дьявольских наклонностей человеческой природы как а) испытанных кем-то, так и б) проявленных другими в их действиях по отношению к нам. Здесь, в Молитве, слово означает, в самом широком смысле, то зло, которое

происходит из развращенной человеческой воли, являющейся противником Бога и людей.

В то время как первая часть Молитвы связана с заветом “Люби Господа, Бога твоего”, вторая часть хранит принцип “Люби ближнего твоего как самого себя”. Мольбы о хлебе и прощении, в частности, подчеркивают нашу общую человеческую природу и претензии к нам других людей, но множественное число, использованное во всех трех просьбах, говорит о том, что они произнесены как *обо* всем сообществе святых, так и *для* этой группы людей.

Как нет в Молитве прямой просьбы об очищении, так нет и явной мольбы о вечной жизни. Однако и то, и другое имеется в виду: одно – как следствие прощения, другое – двумя способами. Мы молимся, во-первых, о пришествии Царства Божьего и, во-вторых, о продолжении нашего общения с Ним, то есть о том, чтобы оставаться связанными с Его намерениями и быть верными Его любви. Вечная жизнь лично для нас придет как следствие, но знаменательно, что в Молитве эта мысль присутствует лишь косвенно, а не явно. “Ищите же прежде Царства Божия”, – действительно, говорит Иисус, но не допускает простого своекорыстия во имя Царства. Нам не дарована уверенность в оплате после жизни; мы стремимся к тому, чтобы Бог усыновил нас – к полноте искупления со всем, что оно включает. Здесь, в этой Образцовой Молитве, нам дано самое верное представление о конце: наш Пастырь ведет нас к тихим водам, и это укрепляет наши души, потому что из этих источников мы сможем пить вечную жизнь.

Славословием “Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.” пренебрегают практически все современные издатели. Достоверность этого отрывка не является окончательно доказанной, как можно было бы предположить, и потому, следовало бы процитировать то, что осторожно высказал д-р Скривенер: “Правильно было бы сказать, что я не могу больше относиться к этому славословию, как к определенно неотъемлемой части Евангелия от Матфея, но (несмотря на отрицание его рядом писателей) я еще не абсолютно уверен в неподлинности этих слов... Глупо умалчивать о влиянии противоположных доводов, хотя не следует считать его окончательным” [8]. Эти слова серьезно рассматривают вариации текста; в некоторых случаях к слову “слава” от руки добавлено “Отцу, и Сыну, и Святому Духу”, что является очевидной вставкой. Однако вряд ли Молитва была бы дана без какого-либо заключительного восхваления Отцу, и, возможно, эта фраза была пропущена в некоторых манускриптах для того, чтобы уравновесить текст с

Молитвой, записанной Лукой. Обычные слова являются подходящими и прекрасными для выражения признания всеобщего господства Бога, которое с особой силой проявится в будущем Царстве на земле; и не имеет значения, что они представлены нам в достаточно неподходящем переводе (как “лукавый” во фразе, о которой говорилось выше). Тогда как зло существует, не может быть никакого “Лукавого”, если Бог – всемирный Царь.

Примечания к главе 4.7

1. Иаков 1:2-4	6. см. часть 3, гл. 7
2. Лука 22:31-32	7. Матфей 5:39
3. Матфей 26:40-41	8. F. A. Scrivener “Plain
4. Псалтирь 39:8-9; Исаия 49:2	Introduction to the Criticism of
5. 2-е Тимофею 4:18	the N. T.”, 1894.

!! ;020 5 Живущие в Боге

1. Сила притяжения сердца (Матфей 6:19-23)

*Не собирайте себе сокровищ на земле,
где моль и ржа истребляют
и где воры подкапывают и крадут;
Но собирайте себе сокровища на небе,
где ни моль, ни ржа не истребляет
и где воры не подкапывают и не крадут;
Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.*

*Светильник для тела есть око.
Итак, если око твоё будет чисто,
то всё тело твоё будет светло;
Если же око твоё будет худо,
то всё тело твоё будет темно.
Итак, если свет, который в тебе, тьма,
то какова же тьма?*

Мысль, пронизывающая Евангелие от Матфея 6:1-18, состоит в том, что истинное и вечное воздаяние может прийти только как результат союза с Богом; это влечет за собой следующую часть Проповеди, в которой такое вознаграждение рассматривается как действительное сокровище жизни. Две части несут одну идею, соприкасаясь в нескольких пунктах. Истинному поклонению противопоставляется лицемерие, истинному богатству – алчность. Эти пары так часто бывают вместе, что с этим нужно считаться как с удвоенной духовной опасностью в стремлении к праведности; и если праведность, демонстрируемая некоторыми фарисеями, оказывалась ложной, то были богатые люди, которым они доверяли.

С силой, которая ослабевает при переводе, Иисус говорит: “Не собирайте себе сокровища на земле...” Люди полагают, что делают заготовки, накапливая целые склады дорогих одежд, запасы крупы или денег. Но моль может испортить ткань, насекомые и грызуны – уничтожить или сделать негодным зерно, а воры – прорыть подкоп под стеной дома и украсть золото, возможно, убив хозяина, чтобы избежать опознания. Здесь перечислены все традиционные способы уничтожения богатства. Ржавчина (“ржа”) “истребляет” буквально, и

это относится в большей степени к “пожиранию” вредителями, чем к химическому изменению металла. Иаков, однако, в отрывке, явно основанном на сказанном Господом, использует слово, описывающее именно коррозию металла [1].

Спрятанная в словах Господа двойная ссылка на Исаию, еще требующая дальнейшей проверки некоторых отрывков, отсылает нас к более ранним главам. В пророчестве о Страдающем Рабе в главе 50:9, сказано: “Вот все они, как одежда, обветшают; моль съест их”. В следующей главе вера Раба сделана образцом для народа Бога, за который он страдает, и его слова повторяются, призывая их посмотреть на сущность вечности в противоположность “небу” и “земле” уходящего мирового порядка. Таким образом, “народ, у которого в сердце закон Божий”, заклинаем не бояться поношений людей: “ибо, как одежду, съест их моль, и, как волну, съест их червь; а правда Моя пребудет вовек и спасение Мое – в роды родов” [2].

Когда мы поняли, на какие отрывки ссылается Господь, отношение его к обычным фактам распада и утраты приобретают важный подтекст. Из сказанного достаточно ясно, что земное богатство может погибнуть, и только сокровища духовные неувядаемы; но испорченное зерно или поеденная молью мантия – это живые символы чего-то большего. Они – эмблемы мира, которому люди отдают свои сердца; эти люди обречены на погибель, как и весь мировой порядок, к которому они принадлежат: они, как и он, растают как дым. За этими словами Господа – такая же глубокая вера, как у пророков, жизнь которых, полная терпения, могла быть основана только на вечной и всепобеждающей власти Бога.

Поэтому, Иисус говорит: “Собирайте себе сокровища на небе...” “Земля” и “небо” как обычные слова, означающие место, придают сказанному характер поэтического противопоставления; в еврейском же языке слово “небо” является благоговейным синонимом Бога, а выражение “на небе” означает “с Богом”. Ветхий Завет говорит о Боге как о “хранящем” блага для праведников [3]. Если они стремятся к этим божественным сокровищам, значит они, действительно, имеют “сокровища с Богом”. Но Бог может накопить осуждения на будущее, точно так же, как блага, и только собственная жизнь человека определяет, что для него будет припасено. Поэтому люди сами должны собирать себе сокровища собственными поступками: “Не поможет богатство в день гнева, правда же спасет от смерти” [4]. Потому Иаков, в отрывке, процитированном выше, говорит безбожным богачам: “Вы собрали себе сокровища на последние дни” [5]. Накапливая земные

сокровища путем вымогательства и угнетения, они собирают другие запасы: гнев, предназначенный для них в день суда; и Иаков, держа в памяти притчу о “дне гнева”, делает резкий поворот к образу, использованному Иисусом. Это другой пример того, что Евангелие насыщено ссылками, которые, будучи взяты из разных источников, сливаются в одной фразе. Павел тоже упоминает слова Господа, когда увещивает Тимофея: “Богатых в настоящем веке увещивай, чтоб они... уповали не на богатство, но на Бога живого... чтоб они благодетельствовали, богатели добрыми делами... собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтоб достигнуть вечной жизни” [6].

Бог, однако, не только собирает сокровища для тех, кто богобоязнен, но эти люди сами являются Его богатством. “И они будут моими, – говорит Он, – собственностью моею в тот день, который Я соделаю” [7]. В этом суть послания Малахии, заключающаяся в том, что истинный Израиль – это люди, “боящиеся Господа”, и именно они записаны в Его “памятную книгу”; здесь умышленно упомянуто то же выражение, что было использовано в начале истории израильского народа [8]. Они избраны, как желанная собственность Бога. Однако они, посредством веры, – семя Авраамово, то есть истинное Божье сокровище, а потому Петр пишет “пришельцам в рассеянии”, которые избраны “по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровию Иисуса Христа”; на языке закона и в духе пророков он говорит: “вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет” [9].

Они – “наследие” Господа: термин, использовавшийся по отношению к Израилю в прежние времена [10]. Павел же, обращаясь на языке Ветхого Завета к духовному Израилю, может написать Ефесянам о том, “каково богатство славного наследия Его для святых” [11]. Если они являются Господним наследием, значит и он – их Господь. “Господь есть часть наследия моего и чаши моей. Ты держишь жребий мой. Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня” [12]. Эти слова из псалма – Христовы по духу, но то, что является его истиной, то истина и тех, кто “в нем”. Если они являются уделом Господа, значит Он принадлежит им, и вместе с Асафом они могут воскликнуть: “Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек” [13].

В свете сказанного псалмистом, мы можем почувствовать силу слов Господа: “Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше”.

Несомненно, сердце, как стрелка компаса, повернется в сторону того, что мы действительно ценим. Ни одно из религиозных проявлений не изменит своего направления до тех пор, пока магнитным полюсом будет оставаться мир. Однако, если нашим желанным уделом является Бог, то и сердца наши будут направлены в Его сторону; Он – то единственное сокровище, которое не может погибнуть, гарантирующее, что и обладатели этого удела тоже не погибли. Человеку нельзя претендовать на легкое обретение наслаждения и осознания богатства в Боге; только целенаправленный ум, в результате долгой и постоянной работы, может осознать это драгоценное сокровище. “О горнем помышляйте, – говорит Павел, – а не о земном. Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге” [14]. Жизнь – вот наше богатство, и это такое богатство, как и наше небесное гражданство[15].

У Христа тоже есть свое сокровище, которое Бог приготовил для него с начала времен, а потому он мог молиться Отцу так: “И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира” [16]. Делить славу с ним будет множество тех, кто призван “к участию в наследии святых в свете и надеется на уготованное... на небесах”, потому что “Христос в вас” – это “упование славы” [17].

“Светильник для тела есть око”; если глаз не может воспринять свет, то человека будет окружать темнота, как бы ярко не светило солнце. Иисус, применив сравнение, назвал глаз светильником, лампой. Мир светел для человека с чистым оком: такой человек наполнен светом. Так и в духовной сфере: солнечный свет Божьей истины освещает все вокруг; но может ли он проникнуть внутрь нас? Если нет, то ничто не освещает темноту собственной человеческой натуры; если же этот свет в нас померк, тогда наша природная темнота должна стать темнотой реальной.

Что может настолько помрачить глаз, что это ослабит его функции? Ключ находится в следующем контексте: Иисус говорил о сокровище, к которому склоняются сердца; в еврейском же языке использование слов “прямой, бесхитростный” и “дурной” глаз имеют особое значение, отправляющее нас назад к Ветхому Завету. Когда бедный израильтянин хотел взять взаймы, Моисей говорил потенциальному кредитору: “берегись, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль: “приближается год, год прощения”, и чтоб оттого глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему” [18]. “Немилостивым” назывался глаз, слепой к чужим

нуждам, который видел во всем только вероятность заработать или потерпеть урон. В периоды осады, когда наступает голод как одно из наказаний за непослушание Израиля, может случиться, что человек посмотрит на свою ближайшую родню оком, даже еще более искаженным, он может быть доведен до состояния ужасающей жадности: “безжалостным оком будет смотреть на брата своего... и не даст ни одному из них плоти детей своих, которых он будет есть” [19]. Собственническая страсть – это побуждение, развращающее глаз. “Спешит к богатству завистливый человек” (в английском варианте – “человек с дурным глазом”) [20]. Жадность приводит к зависти, а та – к вероломству: “Не вкушай пищи у человека завистливого... потому что, каковы мысли в душе его, таков и он; “ешь и пей”, говорит он тебе, а сердце его не с тобою” [21]. С другой стороны, “милосердный (в английском варианте – “тот, у кого щедрый глаз”) будет благословляем, потому что дает бедному от хлеба своего” [22].

В Новом Завете дурное око – это одно из скверных качеств, исходящих “изнутри, из сердца человеческого” [23]; когда же Хозяин дома из притчи упрекает работников, позавидовавших тем, кто пришел на работу позже и получил одинаковую с ними плату, он говорит: “или глаз твой завистлив, оттого что я добр?” [24] Оттого ли они жадны и завистливы, что он щедр?

Злой глаз – результат привязанности к земным сокровищам, развращающим дух и ослепляющим сердце. С другой стороны, “добрый” или “чистый, бесхитростный” глаз – это глаз великодушного человека, чье зрение не затуманено жадностью, а рассудок не раздираем завистью, и потому простота сердца становится выражением щедрости в Новом Завете (особенно, у Павла).

В Луке 11:33-36 подобное высказывание можно найти в проповеди, следующей за отказом Господа дать знамение, другое, чем “знамение Ионы пророка” [25]. Поколение, ищущее какого-то знамения, когда Иисус находился между ними, осуждено примером ниневитян и Царицы Савской. Если бы они не были слепы, они бы не попросили об этом; и если они не увидели живого примера, то потому, что сами ходили во тьме, а орган, должный дать им свет, был болен. В этом контексте “чистый” и “дурной” должны иметь более широкий смысл: они были ослеплены завистливым духом больше, чем скупостью. Сказанное же в Матфее прокладывает мостик между мыслью о сокровище и предостережением против маммоны.

Примечания к главе 5.1

1. Иаков 5:2-3
2. Исаия 51:6-8
3. Псалтирь 30:20
4. Притчи 11:4
5. Иаков 5:3
6. 1-е Тимофею 6:17-19
7. Малахия 3:17
8. Исход 19:5
9. 1-е Петра 2:9
10. Исход 34:9; Псалтирь 32:12; ср.
Псалтирь 77:71; Исаия 63:17
11. Ефесеянам 1:18
12. Псалтирь 15:5-6
13. Псалтирь 72:26, ср. Псалтирь
119:57; 141:6
14. Колоссянам 3:2-3
15. Филиппийцам 3:20
16. Иоанн 17:5
17. Колоссянам 1:12, 5, 27
18. Второзаконие 15:9
19. Второзаконие 28:54
20. Притчи 28:22
21. Притчи 23:6-7
22. Притчи 22:9
23. Марк 7:21-22
24. Матфей 20:15
25. Лука 11:29

2. *Господь сердца (Матфей 6:24-25)*

*Никто не может служить двум господам:
ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить;
или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть.
Не можете служить Богу и маммоне.*

*Посему говорю вам:
не заботьтесь для души вашей,
что вам есть
и что пить,
ни для тела вашего,
во что одеться.
Душа не больше ли пищи
и тело – одежды?*

В первых трех Евангелиях глагол “служить” применен для выражения отношений людей и Бога только здесь и в Луке 16:13, причем в последнем случае, где подобное высказывание следует за притчей о Неверном Управителе, оно сформулировано так: “Никакой слуга – будь то слуга Хозяина или управитель – не может служить двум господам”. Действительно, глагол появляется из образа двух господ, но применительно к верующим в Бога он имеет особый смысл, потому что в восточной жизни быть сыном означало служить, как в притче о Двух Сыновьях из Матфея 21:28-30. Там, где жизнь, в основном, связана с сельским хозяйством, совершенно естественно, что сыновья работают на семейном участке земли под руководством отца. Более

состоятельные люди, как отец из притчи о Блудном Сыне, могли иметь три типа службы: выполняемую их сыновьями, “наемниками” и “рабами”. Поэтому старший сын выражает недовольство: “Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего”; часть же вины Блудного Сына состояла в том, что он своим уходом лишил отца работника [1].

Строго, однако, этот глагол означает “быть рабом, служить в качестве раба”; и это более определенное значение, имеется в высказывании из Матфея. Человек, будучи наемником, может работать у двух хозяев, но как раб, он может принадлежать только кому-то одному, потому что лишь один человек одновременно может им владеть. Кем же является собирающий себе сокровища на земле? Господин ли он собственного богатства, делающий с ним все, что ему пожелается? Распоряжается ли он той властью, которую эти сокровища приносят ему? Нет, говорит Иисус, господином является само богатство, он же – раб его; он не владеет им настолько, насколько богатство владеет им. Поскольку оно поработило его сердце, оно завладело и им целиком. Господствуя над его желаниями, оно искажает его духовное зрение, и, как слепой, он отдан на милость своим сокровищам. Высшей точкой рассматриваемой нами мысли является то, что Иисус олицетворяет богатство с Маммоной, господином. Это выражение хорошо известно из Талмуда и Таргума (арамейские переводы и толкования Талмуда) и обычно встречается в некоторых характерных выражениях: “маммона (богатство) неправедности”, маммона обмана [2]. Подобным же образом Иисус говорит о “богатстве неправедном” (“маммоне неправедной” – в греческом тексте) [3]. Нигде в еврейской литературе, по-видимому, Маммона не является чем-то большим, чем олицетворение, и нигде оно не становится столь живым, как в словах Иисуса.

В Матфее 6:24 Маммона разоблачается как ложный бог, потому что психологически верно то, что алчность, “любостяжательство” – это “идолослужение” [4]. Она воздвигает идола в сердце, и хотя, подобно Молоху, этот идол может быть “ничем в мире”, она, из-за ее власти над воображением, требует для себя человеческих жертв. Поэтому Бог и Маммона – полная противоположность, и люди, подобно израильтянам на горе Кармил, должны выбрать, кому они будут служить. Действительно, невозможно “хромать на две ноги”, колебаться между двумя точками зрения. “Неужели вы не знаете, что, кому вы отдадите себя в рабы, того вы и рабы, кому вы повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности” [5]. Учение Иисуса

бескомпромиссно; не может быть никакой другой службы Богу, кроме службы от всего сердца, и тот человек, который думает, что может служить и Богу, и миру одновременно, обманывает себя. “Любовь” и “ненависть” могут не иметь здесь той эмоциональной силы, которую мы обычно приписываем им; даже во Второзаконии 22:15-17 они означают “предпочесть” и “пренебрегать”, или “быть равнодушным”; для сильного предпочтения в еврейской идиоме используются такие, строго противоположные выражения. Но, как бы мы их не понимали, мы не должны ослаблять эту антитезу. Человек поставлен перед моральным выбором; его выбор должен стать актом его воли; по своему выбору он должен жить. Если он не выбрал Бога, тем самым он стал Его врагом.

Одно из замечательных обстоятельств, касающихся Иисуса, состоит в том, что он сам требует не меньшей преданности от тех, кто следует за ним. Человеку, который хотел отложить ответ на неопределенное время, оправдываясь домашними обязанностями, он говорит: “иди за Мной, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов” [6]. Предостерегая своих учеников от семейных разногласий и конфликтов, вызванных его учением, он наставляет: “Кто любит отца или мать более, нежели Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня” [7]. Его требования к людям такие же решительные, как Божьи: апостолы (включая и его братьев Иакова и Иуду) могут с полным основанием называть себя “рабами Иисуса Христа”, потому что он, действительно, их Господь [8].

Как у раба Христа, зрение Иакова обострилось за время службы так, что он отражает этот непримиримый антагонизм Бога и Маммоны, когда говорит, что дружба с миром означает вражду с Богом, выразив это так: “Кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу” [9]. Связь здесь более тесная, чем может показаться из короткой цитаты. Иаков противопоставляет “мудрости, нисходящей свыше” “зависть и сварливость, и устанавливает источник такой зависти: страсть к обладанию чем-либо [10]. Побудительным импульсом такой страсти является то, что люди могут употребить предмет обладания для своих “вожделений” [11]. Иаков имеет в виду не только светские развлечения или увеселения (хотя и они не исключены); мысль его охватывает все способы удовлетворения человеческих страстей, которые можно себе позволить благодаря богатству; они могут быть “вожделениями” даже несмотря на то, что многие из них, такие как зависть, очень близки к

страданию. Этот “мир”, которому так близки люди, описываемые Иаковом, – круг страстей человеческих; сознание таких людей живет исключительно в материальной и видимой сфере, а Правителем ее является Маммона.

Маммона не только символизирует накопленные богатства. Служба ей включает все усилия, направленные на материальное. Бедный человек, чей разум озабочен нуждой, может быть таким же ее рабом, как и богатый, стремящийся увеличить свои сокровища. Ничье сердце не может быть одновременно и на земле, и на небе.

Человеческая природа ни в чем не склонна в большей степени терять чувство меры, как в способах удовлетворения своих физических нужд. Сколько людей убивает себя тревогой о том, хватит ли им средств на жизнь! Еще больше людей по той же причине превращает жизнь в тяжкое бремя, лишая ее всякой ценности! Отрешившись от будничного, мы видим, как сводится на нет и разрушается то, что было так мучительно заготовлено впрок; это и есть самый горький пример “суеты и томления духа”, которыми Екклесиаст характеризовал человеческую жизнь. Иногда все еще мы впадаем в заблуждения.

Это хорошо понимают люди, способные подняться выше уровня земли и рассуждать; однако, когда Иисус говорит, что жизнь – больше еды, поддерживающей ее, он переносит нас в область действительности, гораздо более высокой. Он косвенным образом приводит в сравнение Бога. Кто дал жизнь? Кто создал тело? Если мы не можем сделать это сами, почему мы думаем, что только от нас зависит обеспечение едой и одеждой, в которых наше тело нуждается? Если Бог дал нам столь большой дар, неужели Он не обеспечит нас меньшим?

“Не заботьтесь!” – говорит Библия. Ощущение беспокойства и часто отчаяния рельефно выступает в переводе, но такое ли значение имеет оригинальный текст? Почти все современные версии Библии содержат “сильную заботу” (или что-то равнозначное) не потому, что использованное слово должно иметь этот смысл, но потому, что это то значение, которое, как считалось, вписывается в контекст, оправданный общим употреблением в Библии. В то время как это устраняет возможное неправильное понимание, мы должны остерегаться чрезмерного сужения этой идеи до смысла, означающего простое беспокойство. В то время как Господь позволяет честную заготовку провизии, Он определенно запрещает всякую озабоченность телесными нуждами, выражается ли она в виде тревоги или активной деятельности.

Что касается библейского употребления, и существительное, и глагол находятся в Септуагинте в контексте, чаще всего выражающем заботу, беспокойство, нужду. То же и в Новом Завете, хотя там иногда можно обнаружить и чувство благочестивой заботы одного человека о благоденствии другого. В толковании Господом притчи о Сеятеле, где он говорит о “заботе века сего и обольщении богатства”, он думает о снедаемых беспокойством, которое заглушает прорастающее слово Евангелия [12]. Особенно интересно сказал Петр: “Все заботы ваши возложите на Него” [13], – цитируя Септуагинту, Псалтирь 54:23: “Возложи на Господа заботы твои”. Этот акт полного доверия является в сердце Петра продолжением призыва: “смиритесь под крепкой рукою Божьей”; это результат детской покорности, тогда как попытка нести бремя самому является выражением человеческой гордыни. Сопоставляя эти мысли, не улавливаем ли мы эхо Пастыреначальника, о котором писал Петр? Не взять ли нам это в качестве ориентира к значению слова, как его использовал Господь? “Не заботьтесь” может быть, потому, понятно как “Не обременяйте себя заботой о своей жизни”, не пытайтесь нести не свое бремя, но имейте в душе мир. Мысль, принадлежащая Иисусу и Петру, состоит в том, что тот, о ком заботится Бог, не должен иметь нужды нести тяжесть беспокойства: Петр говорит: “Он печется о вас”, – и этой фразой, сказанной в прозе, он продолжает мысль, прозвучавшую поэтически в Нагорной Проповеди.

Поэтому, в то время как простая человеческая пронизательность может увидеть безумие в попытке погубленной жизни сохранить себя, Иисус видит людей под охраняющей рукой Бога. Он говорит с великой убежденностью того, для кого творение не просто теория происхождения человека, а свершившийся факт. Бог создал человека, и сотворенное Им – предмет Его постоянной заботы. Более того, ученики Иисуса избраны и призваны для более полной жизни в Царстве Божию; они должны стать людьми нового творения. Бог, поэтому, является не только их истоком и началом: Он окружает их, Он – их постоянная среда, они живут в Нем. Из этого Иисус делает вывод, очевидный для него: каждодневная жизнь, которая проживается в Боге, это не жизнь без усилий и без предусмотрительности, но это, действительно, жизнь без забот.

Примечания к главе 5.2

1. Лука 15:19, 22, 29

2. Targum on Hab. 2:9;
Ecclesiasticus 31:8, арамейский
текст	8. Иаков 1:1; Иуда стих 1
3. Лука 16:9	9. Иаков 4:4
4. Ефесянам 5:5	10. Иаков 3:14-15; 4:2
5. Римлянам 6:16	11. Иаков 4:3
6. Матфей 8:22	12. Матфей 13:22; Марк 4:19; Лука
8:14
7. Матфей 10:37-38	13. 1-е Петра 5:7, 6, 4

3. *Господь жизни (Матфей 6:26-34)*

*Взгляните на птиц небесных:
они не сеют,
ни жнут,
ни собирают в житницы;
и Отец ваш Небесный питает их.
Вы не гораздо ли лучше их?
Да и кто из вас, заботясь,
может прибавить себе росту хотя на один локоть?
И об одежде что заботитесь?
Посмотрите на полевые лилии, как они растут:
не трудятся,
ни прядут;*

*Но говорю вам,
что и Соломон во всей славе своей
не одевался так, как всякая из них;
Если же траву полевую,
которая сегодня есть,
а завтра будет брошена в печь,
Бог так одевает,
кольми паче вас, маловеры!
Итак не заботьтесь
и не говорите: "что нам есть?"
или: "что пить?"
или: "во что одеться?"
Потому что всего этого ищут язычники,
и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете
нужду во всем этом.
Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его,
и это все приложится вам.
Итак не заботьтесь о завтрашнем дне,
ибо завтрашний сам будет заботиться о своем:
довольно для каждого дня своей заботы.*

Своим примером свободы от забот Иисус призвал людей поднять глаза и посмотреть вверх. Там, над головой, – свободные от какой-нибудь видимой поддержки птицы, парящие под небесным сводом. Он мог указывать на скалистых голубей, живших в огромных количествах в долинах вокруг Галилейского моря и взлетающих тучами, вызывая крыльями сильные порывы ветра. В то время как человек, по Божьему установлению, должен возделывать землю, а потому – смотреть за течением природного цикла роста, эти твари живут одним днем: они не сеют и не жнут. Кто же их кормит? “Отец ваш Небесный питает их” (Иисус не говорит, что Он – “их Отец”).

...спроси у скота, и научит тебя, -
у птицы небесной, и возвестит тебе;
Или побеседуй с землею, и наставит тебя,
и скажут тебе рыбы морские.
Кто во всем этом не узнает,
что рука Господа сотворила сие?
В Его руке душа всего живущего
и дух всякой человеческой плоти [1].

Это учение о земле и скоте поясняет Иисус. Для них Бог – Творец и Он “дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему”; но для верующих Он – Отец, а потому “не дороже ли они многих малых птиц”? [2] Человек обременяет себя заботами, потому что сравнивает один день с другим и один год с другим. Поистине, он создан по образу Божьему, чтобы предусматривать ситуацию и заботиться о будущем, и он не был бы в полной мере человеком, если бы не использовал свои способности. Однако Иисус умышленно выбирает в качестве примера тех, кто не может “собирать в житницы”, чтобы показать, что и человеческая жизнь, в конце концов, не зависит от наших накоплений на будущий год; если, подобно птицам, человек зависит от Бога, почему он должен быть снедаем тревогой о том, будет ли приходящий год лучше или хуже предыдущего? Он может смотреть вперед, когда сеет для того, чтобы собрать урожай, но, если он несет будущее на своих плечах, как тяжелое бремя, он может уничтожить зачаток жизни духа, содержащий в себе обетование того, что, действительно, является жизнью. “Пусть он довольствуется тем, что он – человек, что он зависим, что он – создание, настолько мало способное поддерживать себя, насколько и сотворившее себя. Но если человек забудет Бога и сам станет заботиться о своем поддержании, то его участием станут материальные заботы” [3].

В стихе 27 мы встречаем слово, ассоциирующееся с мерой длины, а если расширить его смысл – с продолжительностью времени. Оба варианта использования слова встречаются в Новом Завете. Здесь это слово переводится как “локоть” – мера длины, равная 45 сантиметрам; но не спрашивает ли псалмопевец о “мере” дней своих и не говорит ли: “Вот, Ты дал мне дни, как пяди...” [4] О “возрасте” в этом контексте сказано с “привкусом” иронии: забота не удлинит жизнь, а укорачивает ее. Самый верный рецепт удлинения жизни – понять наше бессилие в этом вопросе, а потому – оставить это Тому, Кто имеет над этим власть: “Человек не властен над духом, чтобы удержать дух” [5].

В то время как птицы учат нас тому, что бессмысленно сравнивать наши возможности с чужими, следующий пример показывает нам глупость сравнения наших обстоятельств с чужими. Такие сопоставления порождают тревогу, потому что необходимость в тепле и правила благопристойности объясняют лишь малую долю наших забот об одежде. Гораздо больше это беспокойство связано с социальными стандартами, желанием произвести впечатление на других или завистью к тому, что имеют другие. Наши стандарты относительно: почти всегда мы сравниваем себя с теми, кто стоит выше нас по социальному положению или средствам, и потому мы убеждаем себя, что не требуем чего-то чрезмерного, желая не отличаться от них в одежде, жилье, стиле жизни, расстояниях, которые они преодолевают, путешествуя в выходные, или в деньгах, которые они тратят на разбивку сада. От дамского лака для ногтей до лошадиных сил автомобиля, – все внешние оболочки жизни способны вызвать у нас чувство неполноценности; мы можем с насмешкой отрицать мысль, что, возможно, еще неосознанный нами червь зависти подтачивает наш бутон розы и губит благоуханье жизни.

Только очень молодые или очень глупые желали бы подражать роскоши абсолютно другого, чем их собственный, общественного класса. Однако Иисус показывает пустоту всех этих сопоставлений, приводя великолепный пример: Соломон в пышном царском наряде. Таких сравнения отличаются только уровнем: каждая ступень вверх ведет только к подражанию тем, кто стоит рангом выше. С большими усилиями мы достигаем той степени комфорта, который, как нам кажется, удовлетворяет в этот момент наше честолюбие. Через десять лет материальный расцвет уничтожает предмет наших вожделений, то, что доставляло нам горячее удовольствие, теперь воспринимается нами неприязненно: мы должны продолжать приобретать что-то большее. Иисус говорил, что нет предела человеческому тщеславию и нет

конечной нормы, кроме вершины блеска и пышности. “Посмотрите на полевые лилии”, – предлагает Иисус. Чтобы рассмотреть эти цветы, человек должен наклониться, больше того, он должен смирить себя и забыть о сравнении себя с другими. Лилии некрикливо прекрасны: они не стремятся быть такими же, как соседние цветы, и не присваивают себе молчаливого права считаться лучшими. Они “не трудятся, не прядут”. Они являются тем, что они есть, естественно и без забот, – хотя и не без невероятной энергии корней, прожилок, листьев, растительной физиологии и биохимии. Недолгая красота галилейской весны дает много примеров, служащих этой идее: ирис, лютик, густо-пурпурный арум, – все они могут быть использованы для сравнения, как и лилии, упомянутые Господом; то же можно сказать и о местных гладиолусах, разные сорта которых “растут среди злаков, часто заглушая их и освещая чистое поле своими разными оттенками розового, фиолетового, пурпурного и синего” [6]. Когда видишь ярко-алый цвет анемонов, можно быть уверенным, что именно их можно сравнить с одеянием царей Израиля. В этих цветах нет изысков точно так же, как и в прекраснейшем атласном наряде человека.

Однако каков же их конец? Не успев отцвести, они будут скошены вместе с травой или соломой, которые за день высыхают на солнце и превращаются в мгновенно сгорающее топливо. Несколько пучков будет брошено в домашнюю печь – яму в земле около метра глубиной и шириной, облицованной изнутри обожженной глиной. Они вспыхнут и дадут хорошее тепло. Затем топливо будет вынуто, а керамическая стенка протерта от слоя сажи и пепла, и к горячим стенкам будут прилеплены очень тонкие лепешки из теста. Через несколько минут они – готовы. А что топливо? Ушло в огонь и дым, горсть же золы выброшена на землю, – таков конец великолепию лилий.

В пророчестве Исаии красота полевых цветов – это прообраз человека, который увядает, как трава, под горячим ветром пустыни [7], что является уроком быстротечности. Иисус привлекает внимание к тому, что “Бог так одевает” лилию, “которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь”, то “кольми паче вас”. Путь улаживания различий должен уже был быть найден в пророчестве: “...слово Бога нашего пребудет вечно... А надеющиеся на Господа обновятся в силе...” [8] Дети Отца Небесного, “возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего в век” [9]. Это и есть основа сравнения, сделанного Иисусом. Если Бог так украшает лилии, живущие всего несколько дней, то что Он сделает для сыновей вечности? На вывод указывает укоризненное обращение

“маловеры!” Греческое слово, переведенное так, свойственно именно Матфею [10], а также использовано в параллельном месте у Луки (12:28).

Иисус, этими двумя примерами, взятыми из природы, достигает цели, основанной на общем для него и евреев фундаменте. В первую очередь предполагается, что природа – это единство: если бы растения, птицы и человек не принадлежали к одной системе, то не было бы никакого смысла в подобных иллюстрациях из-за отсутствия обоснованной почвы для объяснения одного другим. Слова Иисуса связаны с учением о Сотворении мира. Поэтому же его мысль основывается на союзе с Богом, на уверенности в постоянстве Его характера, Его образа действий и всеобщности Его власти, а это может быть верным только по отношению к Богу, Который Один и вне конкуренции. Бог существует в единстве с Самим Собой и во всеобщности Своего верховенства. Все зависит от Него; в то время как Иисус вполне осознает существование зла, даже только этих фраз было бы достаточно, чтобы показать, что он не признает зло как власть личности с определенной сферой, ей принадлежащей. В основе этой мысли лежат сравнения, высказанные устами Исаии: “Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня... Я образую свет и творю тьму, делаю мир, и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это” [11]. Все имеет свое начало в едином Боге, и все в Нем продолжает существовать; ничто не может существовать независимо от Него; все служит Ему [12].

Однако, в то время как все сохраняется в виде единства внутри Его всеобщего Духа, не все имеет одинаковую ценность и значение, поэтому Иисус мог сказать, используя сравнение “...кольми паче...” (т. е. насколько больше). Положение и порядок внутри системы творения определен целью, а поскольку цель Бога выражена словами “правда” и “спасение”, то самое высшее место в системе всего сотворенного было отдано человеку. Господь, чье имя превосходит все на земле, “помнит” человека и “посещает” сына человеческого, потому что Он сотворил его, чтобы “славою и честью увенчать его”, и “поставить его владыкою над делами рук” Своих [13]. Все сотворено по Его “воле” [14], и человек, созданный подобным Богу, по своим потенциальным возможностям предназначен для собственного Божьего сердца.

Применить эти мысли при рассмотрении сказанного о птицах и лилиях – это не простая банальность. Человеческие теории довольно часто шли в противоположную сторону от этой веры в единство творения, связанного с единством Творца; если для иудеев это было частью общего мировоззрения, причина этому должна быть найдена в

Писаниях, которые признавались ими, а не в их собственных мыслях. Что касается Иисуса, мы можем быть уверены, что это не было воспринято им подсознательно, как воздух, которым мы дышим: это была реальность, которую нужно было понять с глубокой пронизательностью и любовью – сердца, души, разума – к Господу, Который дает все. Если в сознании Иисуса цветы, птицы и рыбы могли дать урок Божественного провидения, причина заключалась в том, что за всем творением стоит Слово Божие, которое привело к созданию всего этого. Таким образом, от лилий мы возвратились назад, к великому уроку первого искушения: слово – это действительность, стоящая за явлением, и в Слове люди находят жизнь.

Есть люди, которым эта истина неизвестна. Не имея знания о Боге, они проживают свои жизни в лихорадке и раздражении от забот, по сути несущественных. Они “отчуждены от общества Израильского”, “безбожники в мире”, “чужды заветов обетования” Бога [15], не признают Его власти и не верят в Его провидение. Они – “язычники”, ищущие удовлетворения своих нужд в еде и одежде и укрепления своей общественной репутации. Они надеются только на свои собственные усилия и стремятся добиться уважения других людей, а потому их жизни превращаются в погоню за беспрестанно исчезающим материальным.

К ученикам же Христа приходит уверенность: “Отец ваш Небесный знает” ваши нужды. Для язычников все вещи и то, что они олицетворяют, имеют потребительскую ценность, а сознание и жизнь учеников устремлены к другому. Им было сказано: “Ищите же прежде...” – чего? Они должны искать “Царства Божия и правды Его”, славы Божией и стремиться увидеть Его лицо. Нужно сказать, что им следует хотеть не получить, а отдать; отдавая себя Богу, они станут обладателями самого высшего и дорогого сокровища, а удовлетворение их жизненных нужд приложится в избытке Его щедрости. Не отягощайте себя заботами о завтрашнем дне: завтра принадлежит Богу. Горе и несчастья должны быть уроком жизни, но размер их – в руках Бога, и каждый день может принести свою собственную заботу.

Примечания к главе 5.3

1. Иов 12:7-10	5. Екклесиаст 8:8
2. Псалтирь 146:9; Иов 38:41;
Матфей 10:31; Лука 12:7	6. Hastings' Dictionary of the Bible
3. S. Kierkegaard “Consider the
Lilies”	7. Исаия 40:6-8
4. Псалтирь 38:5-6	8. Исаия 40:8, 31
	9. 1-е Петра 1:23-25
	10. Матфей 8:26; 14:31; 16:8

- 11. Исаия 45:5-7
- 12. Псалтирь 118:91
- 13. Псалтирь 8:5-7

- 14. Откровение 4:11
- 15. Ефесеям 2:12

!! ;020 6 Живущие под судом

1. Судьи или подсудимые? (Матфей 7:1-6)

*Не судите, да не судимы будете;
Ибо каким судом судите, таким будете судимы;
и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить.
И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего,
а бревно в твоём глазе не чувствуешь?
Или, как скажешь брату твоему:
“дай, я выну сучек из глаза твоего”;
а вот, в твоём глазе бревно?
Лицемер!
вынь прежде бревно из твоего глаза,
и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего.
Не давайте святыни псам
и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями,
чтоб они не попрали его ногами своими
и, обратившись, не растерзали вас.*

Начиная с седьмой главы Матфея Нагорная Проповедь вступает в свою финальную часть, являющуюся высшей точкой сказанного. Иисус нарисовал портрет ученика и его жизни в миру. Он показал, что эту жизнь можно сохранить только путем личного и сокровенного общения с Богом; это общение влечет за собой зависимость от Бога, освобождающую от страха. В противоположность этому он описывает беспокойное и завистливое сердце тех людей, которые сравнивают свои и чужие обстоятельства.

Здесь он продолжает демонстрировать результаты такого сравнения нас с другими, касаясь не только внешних условий жизни, но и наших личных качеств. Замечательный пример человека, назначившего себя судьей над своими делами, – фарисей из Луки 18:11-12. С огромной иронией говорится, как он “молился сам в себе так: “Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди ... или как этот мытарь”. Однако и он, и кающийся сборщик податей одновременно стояли под испытующим взглядом Бога, и в результате один из них “пошел оправданным в дом свой”. Но это был не фарисей, а тот, кто признавал себя грешником и молил Бога: “Будь милостив ко мне”.

Притча верно иллюстрирует сказанное Матфеем в главе 7:1-5, и сравнивает под несколько другим углом праведность истинного народа Завета с традиционной праведностью современного Иисусу иудаизма. Человек, живущий с Богом и в Боге, находится под судом. Все известно о нем живому Богу, и между ним и Богом либо существует мир, либо – нет. Однако за этой постоянной проницательностью всевидящих Божьих глаз стоит окончательный суд, который придет, когда приговор будет вынесен и судьба определена. Ход мысли, ведущей к Притче о Двух Строителях, не оставляет сомнений в том, что Иисус имеет в виду Судный День, когда говорит (на что указывает и время глагола): “Не судите, да не судимы будете”. Судимы кем? Благоговейное уклонение от произнесения Божественного Имени и использование вместо этого пассивной формы глагола – одно из свойств языка Иисуса. Он сказал, что человек, знающий Божий Завет и хранящий его, всегда живет как тот, кто будет судим в назначенный день Богом.

Постоянное сознание того, что должен наступить суд, может иметь большие последствия. Для человека знание того, что он оценивается не своей собственной мерой и что в будущем его истинное и спрятанное “я” будет раскрыто, должно придать жизни серьезность и целостность. Однако существует опасность, что такие люди будут требовать, чтобы и другие соответствовали их образу жизни. Поступая так, они берут на себя роль критерия для других людей, а потому, независимо от их истинного усердия, возможно, – и цензора: из подсудимых они превращаются в судей.

Они внимательны к благоденствию других людей и предлагают свою помощь в учливой и доброжелательной, как они считают, форме: “Дай, я выну сучок из твоего глаза”. Фактически же, их любовь – это себялюбие. Они, в действительности, не забывают о себе в нуждах других людей, а их ощущение превосходства сияет еще ярче в контрасте с виной ближнего. Даже если желание помочь вполне искренне, они всегда будут думать: “Это благодаря моей силе он преодолел свою слабость”. Можно пойти еще дальше: слово “судить” в этом контексте не исключает своего более резкого значения “признать негодным”, а это значит потенциально “уничтожить, свести к нулю”, то есть произвести насилие над человеческой душой. Это акт не любви, а ненависти, что, в свете Матфея 5:21-22, содержит в себе зародыш убийства.

Почему человек, стремящийся к праведности, упал в такую топь? Мало-помалу он пришел к тому, что увидел у другого те ошибки, к которым сам был не склонен, приобретшие угрожающие размеры, и

его собственные недостатки потеряли значение. Никакая любовь не слепа так, как любовь к себе; в конце концов, его зрение так засорилось, что его попытка помочь была бы актерством. Он подобен человеку, носящему бревно из крыши в своем глазу и пытающемуся вынуть щепку или маленький сухой сучок из чьего-то глаза; бревно в его глазу – это его чувство собственного достоинства. Если он им отмеряет приговоры другим, то та же мера ожидает его самого в день, когда, по его мысли, он будет оправдан. Возвратился старый принцип из закона, “мера за меру”, но не в материальной, а в духовной сфере; тот человек, для которого он был отменен заповедью непротивления злу является сам объектом наказания “глаз за глаз”. Прощение по отношению к другим прокладывает путь к Божиему прощению нас; осуждение других ведет к Его осуждению нас. Дух самонадеянности может открыться даже в малом: в непрерывном ворчании о реальных или воображаемых чужих недостатках; к таким людям Иаков обращается со словами Иисуса: “Не сетуйте, братья друг на друга, чтобы не быть осужденными: вот Судья стоит у дверей” [1]. Такие ворчуны, подобно фарисеям, в большей степени думают о себе, а не о Боге.

Вошедшее в поговорку высказывание о сучке и бревне содержится в раввинских писаниях и является примером колкого еврейского юмора. Понимание содержащейся в нем колоритной гиперболы совсем не трудно для знатоков языка английской деревни, где что-то маленькое может быть “почти так же велико, как пчелиное колено”, или очень худой человек сравнивается с “шуршаньем ветра”. “Соленые” выражения простого народа, живущего на земле, – вот лучшая аналогия языку Иисуса.

Слова Господа отражаются в послании к Римлянам 2:3: “Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела?” Вся 14 глава этого послания является призывом воздерживаться от осуждения в том, что можно оставить на собственной совести человека. Кто-то, говорит апостол, может ограничивать себя в еде и делать это во имя Господа; другой, так же искренно, может есть с благодарностью любую пищу, которая имеется. Если каждый поступает, чувствуя Господа в сердце (и его душевное состояние жизненно связано с этим), то он выполняет и то, и другое для своего Господа. Поэтому, обращаясь к представителям противоположных точек зрения, Павел говорит: “А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего? Все мы предстанем на суд Христов” [2]. Нам помогает параллель между

“осуждаешь” и “унижаешь”: Суд, который здесь имеет в виду Павел – это приговор, который легко переходит в презрение к брату, за которого умер Христос.

Для самого же Павла очень мало значит, что он может стать объектом людской оценки; он даже сам себе не судья, потому что даже если он ничего за собой не знает, это еще не значит, что он оправдан. Судья ему – Господь. “Посему (говорит он) не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения” [3].

“Судить” – слово с множеством значений, и только в контексте можно определить, что имеется в виду в каждом отдельном случае. “Суд” (в смысле справедливого решения) упомянут самим Господом вместе с “милостью и верой” как “важнейшее в законе”, что “оставили” книжники и фарисеи [4]. Лидия могла правильно сказать Павлу и Силе: “если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой...” [5]. Следовательно, если суд, в смысле осуждения других, исключен, то предписан суд как проницательность. Ученики должны быть рассудительными, не будучи судьями, – дилемма, которая может быть полностью разрешена благодаря принципу, данному несколькими стихами позже. Оставшаяся часть главы показывает в развитии ступени разделения людей во взглядах в результате действия слова Божьего. Даже в этой жизни Слово испытывает людей и открывает что-то в их истинном характере. Первое расхождение происходит между теми, кто почитает святое, и теми, кто в своей чувственности находит святое противным себе.

“Святыня” (или “святое”) – это термин из закона, употреблявшийся для пищи, предлагаемой в жертвоприношение, отведать которую могли только священники и их домашние, и, притом, только, если они прошли процедуру очищения [6]. С другой стороны, мясо животных, растерзанных зверями, есть было полностью запрещено и его следовало бросить псам [7]. Эти требования ритуала рождают выражения, применяемые Иисусом в отношении к духовным вещам. “Псы” были в еврейской традиции нечистыми животными, а свиньи вызывали особенное отвращение начиная со времени, когда Антиох Епифан предписал язычникам приносить их в жертву. Но для Иисуса отличительные особенности – это понятия не физические, а нравственные и психологические. Притча того же времени, процитированная во втором послании Петра 2:22 (и, возможно, частично связанная с Притчей 26:11), делает псов и свиней символом непростойности плотской человеческой природы. Притчи 11:22 –

исключительно ветхозаветный пример использования образа свиньи, вошедший в поговорку, и несет ту же идею невежественной чувственности. Однако в Книге Премудростей Иисуса, Сына Сирахова 22:12-13 (неканоническая книга, цитируем ее только для иллюстрации) написано: “С безрассудным много не говори, и к неразумному [к свинье – в английском варианте] не ходи; берегись от него, чтобы не иметь неприятности и не замарать себя столкновением с ним [когда он отряхнется – в английском варианте]”. Это, в свою очередь, напоминает Притчи 9:7-8: “Поучающий кощунника наживет себе бесславие, и обличающий нечестивого – пятно себе. Не обличай кощунника, чтобы он не возненавидел тебя; обличай мудрого, и он возлюбит тебя”.

Жемчуг духовного слова вызовет только богохульство у слепых невеж; то, что свято, не может быть подвергнуто осквернению сладострастных людей. Должны ли мы их судить, в таком случае, и говорить: “Этот человек достоин Слова Божьего, а этот – нет”? Несомненно, это не наше дело – выносить приговор и определять, кем они являются с точки зрения Бога, а еще меньше – проклинать и считать, что они – за чертой Божией милости. (Какую бы надежду имел тогда Савл Тарсянин, бывший в свое время так озлоблен по отношению к Церкви, как упрямая бродячая собака?) Истина, которой мы владеем, и спасение, которое она дает, – это Божьи дары, и мы должны обращаться с благоговением к Дающему.

Эти слова налагают на верующих одну из самых трудных задач: умение быть проницательным. С одной стороны, ни один из стихов не был, подобно этому, подвержен такому неоправданному использованию для прикрытия малодушия или духовного снобизма; сказанное не может означать, что проповедованию должен помешать страх того, что слово будет подвергнуто презрению. Кроме того, это налагает ответственность на тех, кто осуждает время и способ нашего свидетельства. Даже в чтении проповедей для широкой аудитории мы можем заметить сдержанное молчание относительно тех вещей, которые обычный человек не в состоянии воспринять. Бог запрещает нам накапливать жемчуг, но и не следует бросать его, как отбросы в свиную кормушку, откуда он будет вытолкнут и втопан в грязь. Есть определенный эгоцентризм в попытке навязать спасение тем, кто этого не хочет и возмущается вашими действиями; это выдает в вас отсутствие почтения к святости Бога и уважения к личности людей. Только Бог может претендовать на власть над человеческими сердцами, и Он формирует их без насилия, по-своему. Нам нужно

помнить, что в то время как Его милостью мы можем стать носителями Его слова, это – Божья деятельность, а не наша собственная. Когда мы больше всего забываем себя, мы наименее напористы в наших отношениях с Богом и людьми, а потому наша работа по спасению душ от смерти лучше выдержит испытание огнем.

Примечания к главе 6.1

1. Иаков 5:9	5. Деяния 16:15
2. Римлянам 14:10	6. Левит 22:10
3. 1-е Коринфянам 4:1-5	7. Исход 22:31
4. Матфей 23:23	

2. *Отеческие дары и отклик сыновей (Матфей 7:7-12)*

*Просите, и дано будет вам;
ищите, и найдете;
стучите, и отворят вам;*

*Ибо всякий просящий получает,
и ищущий находит,
и стучащему отворят.*

*Есть ли между вами такой человек, который,
когда сын его попросит у него хлеба,
подаст бы ему камень?
И когда попросит рыбы,
подаст бы ему змею?*

*Итак, если вы, будучи злы,
умеете даяния благие давать детям вашим,
тем более Отец ваш Небесный
даст блага просящим у Него.
Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди,
так поступайте и вы с ними;
ибо в этом закон и пророки.*

Почему Слово показывает два очень различных типа людей? Рождаются ли люди свиньями? Если же так, что с этим можно сделать? Предрешено ли их свинство? Предопределено ли людям принадлежать к одному или другому разряду? Или, возможно, черты свинства есть в каждом из нас?

На эти вопросы, возникшие после чтения Матфея 7:6, ответы даются стихами 7-8 той же главы; жизненно важно осознать, что значат эти ответы, потому что наше понимание их сформирует наш взгляд на себя и других. Три настойчивых повеления: “Просите – ищите – стучите”, – подразумевают как то, что человеку необходимо просить Бога, так и то, что просить – в его человеческой власти. В то время как эти призывы связаны с людскими нуждами, в них также торжественно утверждается, что человек имеет свободу воли. Они дают понять, что человек осуждаем Богом не за свою чувственность, свойственную ему по природе, а за то, что он ничего не ищет за пределами этой чувственности. Эти слова поистине обращены к ученикам, которые относятся к Богу, как дети к Отцу, но являются учениками, так как все еще несовершенны в понимании и самоконтроле; сказанное действительно подразумевает свободу как привилегию, даруемую тем, кто ищет. Искания, однако, – это не случайные побуждения вялого чувства; эти глаголы означают длительный акт: “Быть просящим – быть ищущим – быть стучащим”; воспринимающие это правильно – те, кого можно охарактеризовать как “просящих, ищущих, стучащих”, и продолжающих стучать по своей горячей вере, а не люди, лишь однажды постучавшие. Примером таких “стучащих” является сиропиникиянка; у Луки же подобное высказывание иллюстрируется притчей о друге, одалживающем в полночь хлеба [1], в то же время эта тема позже представлена притчей о вдове и несправедливом судье. Если настойчивость может преодолеть даже человеческое ожесточение, то что сделает она с любящим Небесным Отцом, воспринимающим ее как знак искренности? Следовательно, говорит Иаков, “Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога ... с верою, ни мало не сомневаясь” [2]. Просить следует твердо.

Если, таким образом, портрет просящего написан, то эти стихи также и гораздо полнее описывают Дающего. В Матфее 5:44-48 Бог показан Творцом, дающим солнце и дождь всем Своим творениям, что является актом извечной любви; здесь же Он – Отец во взаимной любви со Своими детьми. Подобную любовь человеческое отцовство отражает лишь смутно. Люди могут быть скупы в своих дарах и иметь мелкое сердце, но когда дети просят их есть, даже людская натура не даст просящему камень вместо еды, или змею, которая может причинить вред. Насколько же сильнее, с безграничным великодушием, Небесный Отец осыплет их добрыми дарами! Но что это за дары?

Ход мысли, по которому развивается Нагорная Проповедь, оставляет позади телесные нужды, внимание же Господа задерживается теперь на отношении учеников к Суду и святым вещам. Наши рассуждения переносят нас в сферу духовной реальности, и здесь становится ясно, что Божья щедрость может быть дана только тем, кто просит. Лишь алчущие и жаждущие могут быть утолены Его праведностью, для других все это – “шелуха”; только таким образом “насыщенные” будут поддержаны вечной жизнью. Человек не может “родиться от воды и Духа”, если сам того не пожелает, а без такого перерождения, во всей полноте его смысла, он не может войти в то Царство, где уже нет “плоти и крови”. Духовное творение принадлежит Богу не меньше чем физическое, но совершается оно по воле людей, посредством их самоподчинения. Как и в давние времена, движущей силой является Слово, но материал, с которым оно имеет дело, – это уже не прах земной, а сознание живых людей. Именно поэтому Иисус показывает здесь характер Божественной любви несколько с другой, чем в Матфее 5:44-48, стороны; в то время как Бог дает “всем просто и без упреков”, Иаков совершенно верно связывает “Просите и дано будет вам” с “мудростью”: при необходимости в духовных дарах вера должна совершенствоваться терпением, терпение же должно достигнуть своей полноты в человеке, растущем морально “без всякого недостатка” [3].

Этот же принцип отражен у Луки: “если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него”. Дух Святой в данном контексте не означает какого-то особого дара, подобного силе исцелять или говорить на чужих языках; однако, что бы это не значило, просящим это достается так же натурально, как хлеб. Это не может быть, конечно, какой-то сверхъестественной просвещенностью, которая руководит, без необходимости, изучением слова. Этот Дух – в Слове, действующем в людях, ищущих Бога; посредством Своего Слова Бог Сам “производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению” [4], богато одаривая от Своего искреннего сердца.

Здесь, как и в Матфее 5:44, личность Бога должна быть отражена в Его детях. Неправильное понимание “Золотого правила” (глава 7, стих 12) возникает из-за того, что упускается из виду слово “итак”, с которого начинается этот стих. Слово это относится к тому, что содержится в стихе 8: “...стучащему отворят... *Итак* во всем, как хотите...” Однако в то время как это высказывания появляются, чтобы установить логическую связь, стихи между этими фразами ярко рисуют

портрет Отца, и, в результате, придают заключению дополнительную силу. Оно звучит так: вы просите Бога, а Он дает; вам бы хотелось, чтобы люди были также великодушны к вам, как Отец, а потому, будьте такими же по отношению к ним. Бог – образец для Своих сыновей.

Это приводит нас к следующему пункту рассуждений: даже способность соответствовать этому образцу должна прийти с Божьими “даяниями благими” (т. е. благими дарами), потому что ее нет в человеческой натуре. Только посредством Его Духа, то есть Слова, смертный человек может воссиять отраженным светом Божьей духовной красоты. Больше того, эта цепочка размышлений укрупняет принцип, уже положенный в основу отрывка из Матфея 6:14-15: если вы прощаете, то вы будете прощены, если нет – то нет. Таким образом, в этом отрывке желанные условия молитвы относятся не только к прощению, но и ко всей духовной жизни человека: нам необходимо усвоить, что мы должны не только просить, но и давать; если вам оказана Божья щедрость, вы должны проявить щедрость по отношению к людям. Слово “итак”, поэтому, в Золотом Правиле приобретает тройную силу, означая, что: 1) так как Бог таков по отношению к вам, будьте таковыми к людям; 2) так как Бог дает вам благие дары, вам будет дана возможность быть подобными Ему; 3) так как без этого сходства вы не можете быть в общении с Богом, вы должны быть подобны Ему.

Сказанное в Луке 6:27-36 представляет собой заповедь: “Любите врагов ваших... всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали...” В разных контекстах, как мы видим, одна и та же заповедь основывается на а) примере Божественной любви, которая распространяется на врагов, и б) любви, которую Отец дает Своим детям. Именно в этом и состоит уникальность сказанного Иисусом. Многие нравственные системы включают принцип “Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой”, обычно в виде негативной формулы, кратко суммирующей суть закона как его изложил Гиллель (председатель синедриона, образованный фарисей и книжник, жил ок. 60 г. до н. э. – ок. 10 г. н. э. – примечание переводчика): “То, что не нравится тебе, не делай ближнему твоему”. Некоторые мыслители – этики пришли к более позитивным формулировкам, например, китаец Мо Изы в 4 веке до н. э., которые были переведены так: “Если бы мы должны были относиться к другим так же, как и к самим себе, кто бы поступил по отношению к кому-то несправедливо? Относись ко всякому другому

как ты бы хотел, чтобы относились к тебе, и смотри на вещи других, как ты бы хотел, чтобы смотрели на твои собственные”. Но даже здесь суть сказанного в том, чтобы избежать несправедливости, и из этой негативной отправной точки Мо Изы обосновывает более широкий принцип отношения к другим. Такие рассуждения привели к одной из высочайших вершин цивилизованного мышления о поведении одного человека по отношению к другому. Однако Иисус одинок, когда говорит, что образ действий по отношению ближнему зависит от нашего осознания Бога, чем и определяется соединение двух заповедей, обобщающих закон: “Возлюби Господа Бога твоего” и “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”. Из этого образа мыслей неизбежно следует позитивная формула, в которой он отбрасывает несправедливость. Любовь не может иметь отрицательный характер, и никогда не будет заключена в холодном обуздании зла, а потому ученики Иисуса должны не просто воздерживаться от злых поступков, но преисполниться добра; там же, где движущей силой является добро, нет места злу. Иисус провозгласил, что в этом живом, созидательном отношении к ближнему и проявляются “закон и пророки”. Сущность “закона и пророков”, в понимании Господа, заключается не в сдерживании, а в любви, не в обуздании злобы и оскорблений других, а в положительном качестве – великодушии; таким образом, отвергая обобщения Гиллеля, Иисус приоткрывает новое видение цели старого откровения.

Язык заповеди достоин внимательного рассмотрения. Словосочетание “во всем” не просто охватывает бесконечное множество различных вещей; весь жизненный уклад должен быть подчинен этому правилу, потому что слово “так”, в фразе “так поступайте и вы” с людьми, означает “точно тем же способом”, а не от случая к случаю. Достигнув меткости языка, заповедь поднимается за пределы досягаемости узкого буквализма, способного разрушить ее цель. Обстоятельства бывают настолько разными, что иногда невозможно провести никакого сравнения между отдельными поступками, которые, как мы бы желали, были бы сделаны для нас, и тем, что мы могли бы совершить для того или другого человека; Господь же формулирует принцип, превосходящий все подобные ограничения.

Использование множественного числа (“люди – с ними”) преследует цель устранить недопонимание других правил. Одна из избитых критических формулировок по отношению к правилу звучит так: “Допустим, двое или больше людей собрались, чтобы сделать злое

дело, поклявшись не предавать друг друга; не делает ли каждый из них в этом случае по отношению к другим то, что он хотел бы, чтобы другие делали по отношению к нему?” Но Правило звучит не так: “Как вы хотели бы, чтобы этот человек поступал по отношению к вам, так поступайте и по отношению к нему”; оно таково: “Как вы хотите, чтобы все или кто-то из людей поступали с вами, так поступайте с кем-то одним или со всеми”, – оно не признает ни ограничений, ни уклонений; оно требует, чтобы мы отождествляли себя с любым и каждым, кто не является нами (и со всеми, кто не мы), и относились к каждому, любому и ко всем так, как мы бы хотели, чтобы они относились к нам. Следовательно, мы не можем поступать к кому-то таким образом, который противоречит благу людей. Если мы не можем сделать крестьянину из пустыни Гоби того же, что для своего соседа, мы в силах иметь одну и ту же жизненную позицию по отношению к обоим, которая может проявиться любым способом, если представится благоприятный случай.

Это и есть принцип, дающий ключ к проблеме, к которой мы обращались в предыдущей главе: как мы можем распознать, что есть что, не осуждая? Ответ таков: “Поставив себя на место другого человека”. Таким образом мы сможем понять как его недостатки, так и его потребности. Мы сумеем определить с абсолютной ясностью его неспособность воспринять то драгоценное, что есть в духовной жизни, единственной, которая может изменить его, но нам не следует осуждать его с позиции своего превосходства над ним и мысленно предавать его проклятию из-за того, что он не поднимается до нашего собственного представления о себе. Христос – высший пример своего собственного принципа. Он пришел не для того, “чтобы ему служили, но чтобы послужить”, и его служба достигла своей высшей точки, когда Он “отдал душу Свою для искупления многих” [5]. Он “умер за нечестивых”; и если “Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками”, то мы не можем поступать по-другому, чем нам завещано, по отношению к тем, кто еще грешит; если же нет – то нет в нас духа Христа, и мы вовсе не принадлежим ему. Крест Христа является совершенным выражением его учения. Нигде больше Золотое Правило не смогло быть исполнено с такой глубиной, потому что здесь, в момент смерти, Христос победил грех и отождествил себя с грешниками: он был представителем рода человеческого с его огромными нуждами, а потому он заплатил за все наши беззакония собой.

Поэтому Крест должен влиять на наше отношение даже к “псам” и “свиньям” как к деградировавшим людям. Мы тоже были грешниками; они – тоже люди. С вашей точки зрения, как бы следовало им относиться к нам, если бы мы были, как они? (Это не означает: “Чего бы они хотели с их нынешней искаженной точкой зрения?”) Это значит: “Чего бы я, знающий Божью истину, должен был желать, если бы я мог увидеть себя в их положении?”) Эта позиция не сентиментальна, ведь она не искажает действительность. Ученик Христа не говорит, что для свинства возможен только свинский путь, и мы должны быть милосердными к таким людям; он не является терпимым к грешнику, преуменьшая его грех. Делать так – значит не свидетельствовать о Кресте, а отвергать его, потому что истинной целью Креста было показать, что такое грех. Из-за того, что грех есть грех, было совершенно необходимо, чтобы Сын Человеческий пострадал для искупления людей из оков рабства, но, будучи с ними одной природы, которая и в нем самом нуждалась в искуплении, он и нравственно сделался одним из сынов Адама – не по их грехам, а по их нуждам. В то время как, разделяя их природу, он сделал возможным такое приравнение себя к другим, его любовь превратила это в реальность. Во имя людей он перенес страдания в Саду и муки Креста. Совершив это для нас добровольно, пока мы были еще грешниками, он открыл нам самую глубину значения слов Золотого Правила.

Сутью Правила, таким образом, является такое отождествление себя с другими, какое он показал, когда, не зная греха, стал “для нас жертвою за грех”, чтобы “мы в Нем сделались праведными перед Богом”. В этом приравнивании себя к другим людям – разрушение личных рамок, но такой результат должен не опустошить человеческую личность, а наполнить ее. Точно так, как Христос становится не больше похож на тех, за кого умер, но больше непохож именно из-за своего отказа в их пользу, и его ученик, отождествившись с другими, становится не в меньшей степени личностью, а в большей. Он не превращается в смесь бледных отражений других людей, а становится большей индивидуальностью из-за своей более сильной веры и большего сердца. Люди обращают внимание на то, что этот человек пребывает с Христом. Его жизнь – уже не его, а жизнь Христа в нем; и это время его существования во плоти он проживает с верой в Сына Божьего, любившего его и отдавшего себя за него. В таком преодолении пределов личности, когда человек становится не опустошенным, а обогащенным, Правило, произнесенное Иисусом,

намного превосходит негативную формулировку, просто сдерживающую несправедливость.

Примечания к главе 6.2

1. Лука 11:5-13
2. Иаков 1:5-6
3. Иаков 1:3-5

4. Филиппийцам 2:13
5. Матфей 20:28

3. *Путь и проводники (Матфей 7:13-20)*

*Входите тесными вратами;
потому что широки врата
и просторен путь,
ведущие в погибель,
и многие идут ими;
Потому что тесны врата
и узок путь,
ведущие в жизнь,
и немногие находят их.*

*Берегитесь лжепророков,
которые приходят к вам в овечьей одежде,
а внутри суть волки хищные:
По плодам их узнаете их.
Собирают ли с терновника виноград
или с репейника смоквы?*

*Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые,
а худое дерево приносит и плоды худые:
Не может дерево доброе приносить плоды худые,
ни дерево худое приносить плоды добрые.
Всякое дерево, не приносящее плода доброго,
срубают и бросают в огонь.
Итак по плодам их узнаете их.*

“Золотое правило” – это завершение учения Господа о пути своих учеников. После этого нечего добавить к формулировке истинной праведности; остается только показать, что жизнь и смерть основываются на том выборе, который необходимо сделать. Путь, или образ действия, показанный Иисусом, – это не этическое, философское руководство, потому что это допустило бы альтернативные теории более высокого или более низкого уровня, более или менее

многочисленные; он же определяет вечную судьбу. Иисус внушает мысль о важности этого выбора при помощи трех пар метафор: Два Пути, Два Деревя и Два Строителя. Все они отражают идею, высказанную в первом Псалме, сравнивающем человека, у которого “в законе Господа воля”, с деревом, растущем “при потоках вод”, а нечестивых – с “прахом, возметаемым ветром”; на ту же мысль наводит и образ бури Суда, проверяющей работу строителей; а завершается это демонстрацией двух путей и судьбы, к которой каждый из них ведет:

Ибо знает Господь путь праведных,
а путь нечестивых погибнет.

Однако к этому Господь перешел от образа, содержащегося в другом месте Слова. Картина двух путей часто повторяется в Писаниях начиная со времени, когда Моисей поставил Израиль перед выбором [1]. Иеремия особенно и наглядно использует этот образ, когда говорит о том, что Иерусалим приговорен к завоеванию, и увещевает верующих оставить город и сдаться в плен, потому что для них путь в Вавилон в то время является путем жизни: “так говорит Господь: вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти” [2]. В целом же, однако, ветхозаветное употребление этого образа скорее подчеркивает характеристики “пути”, чем мысль о том, что он приведет к цели; он формулирует особенности и линию поведения как праведников, так и грешников. Многие комментаторы, оказывается, упустили из виду существующие исключения. Вот как сказано в притчах о “чужой жене”:

Дом ее ведет к смерти,
и стези ее – к мертвецам;
Никто из вошедших к ней не возвращается
и не вступает на путь жизни [3].

Для своей картины “пространного пути, *ведущего* в погибель”, Иисус несомненно использовал этот яркий образ из Притч. При этом он сделал одну очень яркую поправку: конец этого пути не просто шеол (еврейское слово, переведенное как “преисподняя”), место тьмы и бессильных мертвых [4], это – Геенна, место тех, кто осужден и погиб. Результат тот же: смерть, но в то время как Притчи показали конец, к которому приведет определенный образ жизни, Нагорная Проповедь подчеркивает, что это будет законная смерть, потому что она последует в результате Суда. Необходимо иметь в виду и другое отличие. Орывок из Притч придает большое значение грехам плоти, Иисус же,

применяя этот образ как основу для такового в Нагорной Проповеди, чрезвычайно расширяет его масштабы. Нагорная Проповедь делает понятными две вещи: первое, – то, что величайшие грехи: убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельства, – являются, в конечном счете, грехами духа и “от сердца исходят”; и второе, – грехи рассудка: лицемерие, алчность, честолюбие, гордыня, хуления, – так же крайне губительны для вечной жизни, как и те, что ставят человека за черту общества. Самоуверенный человек, судящий других, идет широким путем в Геенну точно так же, как грешник; фарисей и блудница шагают одним и тем же путем, но у блудницы есть больше шансов повернуть назад.

О контрасте между хорошо протоптанной дорогой к внушительным главным городским воротам и заросшей тропой к незаметному входу в стене говорилось часто. “Тесные врата” впускают в Царство Божие, потому Иисус все время говорил, что “если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то не войдете в Царство Небесное”; в данном случае он выбирает тот же образ. У Луки смысл сказанного усилен контекстом, который построен таким образом, что вспоминается Притча о Девах. Здесь вход показан как дверь в дом, которая однажды будет закрыта, а тем, кто будет после этого неистово стучать, чтобы их пустили, Учитель скажет: “Отойдите от меня, все делатели неправды”. Затем Иисус объясняет смысл притчи: “Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царстве Божием, а себя изгоняемыми вон” [5]. Жизнь в Матфее 7:14 (“жизнь” в строгом смысле этого слова) является синонимом Царства, как это видно из описания Матфеем истории о молодом начальнике (“некто из начальствующих”) [6]. Жизнь, о которой идет речь, – это вечная жизнь; она противопоставлена “гибели” [7]: отрывок является великолепным примером того, как каждой фразе дано прямо противоположное соответствие. Учение Иисуса твердо основано на доктрине о человеческой природе и судьбе; в конечном итоге нет никакого промежуточного пути: люди должны либо “погибнуть”, либо “иметь жизнь вечную” [8].

Кто же направит ищущих по этому узкому пути? Многие могут предоставить им помощь, и некоторые из них могут оказаться лжепроводниками, которые слепы сами и ведут слепых к гибели. Как же их опознать? Внешне такой человек может показаться бесхитростным, как овца, с мягкими манерами и утонченным поведением. Он может прийти даже как будто посланник Бога, с

видимостью полномочий и внешней праведностью. В сердце же его будет только одна забота: о себе. Эгоцентричные люди всегда являются истребителями других, поглощающими их энергию и подавляющими их личность; эгоизм таких людей может погубить не только жизнь ближних, но и жизнь тех, кто только должен появиться на свет. Такие люди – “лютые волки”, о которых Павел предостерегал старейшин Ефеса: “они войдут к вам ... не щадящие стада” [9]. Они “ласкательством и красноречием” обольщают сердца простодушных, и, таким образом, служат причиной разделов и ошибок [10]. Мы твердо уверены, что в этих высказываниях Павел прямо ссылается на слова Господа.

Один признак безошибочен, если использован правильно: дерево можно определить по его плодам. Вы не сможете собрать винограда с куста колючей акации. Она может быть в цвету и покрыта листвой, но, испытанная по плодам, она оказывается бесполезной. В Евангелии смысл “никчемный”, “неудовлетворительный” передан словом “худой” почти в современном его значении: “испорченный, разложившийся”; в притче о Закинутом Неведе слово “худой” применено к рыбе, выброшенной вон из-за того, что она не годилась в пищу. Таким образом, каждое дерево приносит плоды согласно своему сорту: “доброе” дерево дает “добрые” плоды, а никчемный сорт дает и плоды невкусные или даже ядовитые. Контраст сразу бросается в глаза, ведь в Палестине земля дает не только такие хорошие плоды, как виноград и инжир, но, как известно, “вероятно, нет больше ни одной страны на земле такой же протяженности, которая имела бы так много растений с шипами и колючками”. Они представлены не менее, чем 50 сортами и 200 разновидностями.

Как и многие другие образы, используемые Господом, этот имеет свою историю, начало которой – в более ранних книгах Писания. Иеремия заимствовал из Первого Псалма идею и, почти дословно, язык, но развил ее для того, чтобы показать как источники плодов, так и их разнообразные сорта. “Человек, который надеется на человека, – говорит он, – будет – как вереск в пустыне”; благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование – Господь. Ибо он будет как дерево, посаженное при водах... и во время засухи оно не боится и не перестает приносить плод. Лукаво сердце человека и крайне испорчено; кто узнает его? Я, Господь, проникаю в сердце и испытываю внутренности, чтобы воздать каждому по пути его и по плодам дел его”. Поскольку есть сердце, то должны быть и “плоды дел его” [11].

В Новом Завете, кроме Павла, Иаков придавал этому особенное значение, обращаясь к одному образу, чтобы подтвердить другой, а оба, фактически, родились из слов Иисуса. “Течет ли из одного отверстия источника, – говорит Иаков, – сладкая и горькая вода? Не может, братья мои, смоковница приносить маслины, или виноградная лоза смоквы: также и один источник не может на самом деле изливать соленую и сладкую воду” [12]. Он обращается к образу деревьев как к хорошо известной аксиоме, которая подтверждает другой образ: источника воды, последний же основан на мысли о том, что “от избытка сердца говорят уста”, которая связана со ссылкой на дерево и его плод в Матфее 12:32-37.

Иаков способен помочь нам в определении, что это за плод, который в такой степени не оправдал свой источник: является он учением или образом жизни? Ответ не так прост, как те, в которых естественно выбрать между тем или иным, во что хотелось бы верить. Увещевание Иоанна, обращенное к евреям и гласящее: “Сотворите же достойный плод покаяния”, потому что “уже и секиры при корне деревьев лежат” [13], – относится в первую очередь к образу жизни. В Матфее 12, однако, где Иисус говорит с теми, кто возводит “хулу на Духа”, приписывая его работу “Веельзевулу”, слова являются составной частью обсуждения. Хотя иудейские лидеры не могли отрицать ценности его работы, они представили его как худое дерево, а потому он, говоря о себе, резко возразил: “Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познается по плоду” (стих 33). Когда же в следующем стихе он оборачивает тот же аргумент против них, их слова являются именно тем плодом, по которому они осуждаются, и именно они, а не Иисус оказываются худым деревом: “Порождения ехидны! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста”. Таким образом, они будут приговорены своими же словами, которые являются злыми поступками, бьющими ключом из злого сердца. Записанная Лукой Проповедь, произнесенная не на Горе, а “на ровном месте” [14], гораздо ближе по смыслу к этому отрывку, чем к Матфею 7:20; она связывает сказанное и с высказыванием о сучке и бревне, но в этом контексте ученик Христа призван проверить себя, испытав, каковы его собственные плоды.

Те люди, о которых предостерегались римляне, последователи Христа, стали причиной раскола внутри учения – здесь мы снова возвращаемся к посланию к Римлянам 6:17, где им было сказано освободиться от рабства греха послушанием “тому образу учения,

которому предали себя”. Несомненно, это относится к иудеям, подобным тем, кто стал причиной такого количества неправильных шагов в Галатии, где они проповедовали искаженное Евангелие. В Ефесе Павел также “возвещал всю волю Божию”, но “лютые волки”, желавшие опустошить стадо Божие, были людьми, которым хотелось “говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою”. Такое точное сравнение с волками имеет отношение к людям, упомянутым в послании к Римлянам, которые “служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву”.

Контекст послания Иакова также говорит о произносимых словах и их возможном эффекте, поэтому он начинает так: “Братья мои! не многие делайтесь учителями”, – и продолжает, предупреждая об ответственности за недостойное поведение такого органа нашего тела как язык. “Им, – говорит Иаков, – благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человека, сотворенных по подобию Божию”. Горечь же и столкновения происходят от “земной” мудрости, в то время как “мудрость, сходящая свыше... полна милосердия и добрых плодов”.

Суть состоит в том, что нельзя провести четкой границы между учением и образом действий. Слова – это поступки; учение – это жизнь. Во что человек верит, тем он и станет; другими словами, он демонстрирует своей жизнью то, во что он верит действительно, а не то, что является его официальным вероисповеданием. О человеке сказано: “Каковы мысли в душе его, таков и он” [15]. Если в умах людей ценность Евангелия милосердия снизилась, рано или поздно характер, формирование которого было его целью, должен измениться; если поступки людей отклоняются от требований Евангелия, то самому учению грозит гибель. Новый Завет постоянно внушает, что ложные учения несут на себе моральную ответственность; искаженная доктрина, в конце концов, способна привести к ошибкам в склонностях чувств и воли. Результатом (будущим, если не немедленным) может стать формирование других жизненных идеалов, а потому и других стандартов поведения. Это будут, возможно, и суровые нормы поведения, но они не будут нормами Христа.

Если мы теперь спросим: “Что же это за плоды?” – то ответ будет состоять в том, что это – все, что дерево рождает в виде слов и поступков. Пророки должны были подвергнуться испытанию и тем, что они предсказывали, и тем, как они поступали: если то или другое противоречило духу Христа и “истине”, являющейся истиной в Иисусе, то они были лжепророками и своекорыстными людьми, волками, а не овцами.

Примечания к главе 6.3

1. Второзаконие 30:15-20	8. Иоанн 3:16
2. Иеремия 21:8	9. Деяния 20:29
3. Притчи 2:18-19, сравните с 7:27;
14:12	10. Римлянам 16:17
4. как в Притчах 7:27	11. Иеремия 17:7-10
5. Лука 13:24-30	12. Иаков 3:11-12
6. Матфей 19: 16,17,23,24,29	13. Матфей 3:8-10
7. Матфей 18:8-9: “войти в жизнь”	14. Лука 6:43-45
	15. Притчи 23:7

4. *Последнее испытание (Матфей 7: 21-27)*

*Не всякий говорящий Мне: “Господи! Господи!”
войдет в Царство Небесное,
но исполняющий волю Отца Моего Небесного.*

*Многие скажут Мне в тот день:
“Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?
и не Твоим ли именем бесов изгоняли?
и не Твоим ли именем многие чудеса творили?”
И тогда объявлю им:
“Я никогда не знал вас;
отойдите от Меня,
делающие беззаконие”.*

*Итак всякого, кто слушает слова Мои сии
и исполняет их,
уподоблю мужу благоразумному,
который построил дом свой на камне;
И пошел дождь,
и разлились реки,
и подули ветры,
и устремились на дом тот;
и он не упал,
потому что основан был на камне.*

*А всякий, кто слушает сии слова Мои
и не исполняет их,
уподобится человеку безрассудному,
который построил дом свой на песке;
И пошел дождь,
и разлились реки,
и подули ветры,*

*и налегли на дом тот;
и он упал,
и было падение его великое.*

В процессе проверки плодов тех учителей, которые претендуют на то, чтобы их выслушали, ученик сам подвергается испытанию. Умение различить ложное и истинное, зло и добро, будет плодом его собственного сердца. В то же время, то, что слово делит людей на разные группы, проверяет каждого отдельного ученика “вплоть до разделения души и духа, составов и мозгов”; окончательное же деление произойдет в тот день, когда судья провозгласит, кто “войдет в Царство Небесное”, а кто будет “изгнан”. Слова “тот день” в библейском и иудейском применении являются специальным термином для времени вынесения решения.

Величайшая сущность этих стихов состоит в том, что Иисус спокойно берет на себя роль будущего Судьи. Судьба людей будет в его руках, и предстоящие перед ним обратятся к Иисусу с пылким благоговением: “Господи, Господи!” В связи с этим слово “Господи” выходит за рамки формы учтивости (“Господин”) и приобретает смысл духовного звания: изображая себя в этой роли, он заявляет о себе не только как о Мессии, но как о Сыне Божиим. К этой высшей точке прилежные читатели подошли подготовленными: Иисус уравнил страдания во имя правды со страданиями за Него; он, будучи тем, кто больше Моисея, дал новый закон [1]. Учение, данное им, неотделимо от его личности и характера. Никто, кроме Иисуса, не мог произнести Нагорную Проповедь. В то же время, он не только сам воссиял посредством Проповеди, он как будто приоткрыл завесу над будущим: без слова претензии слушателям была дана быстро промелькнувшая картина лабиринта времени, где они увидели Судью, восседающего на троне, и это был никто иной как Иисус Назарянин. Проповедник, способный сделать такое, не был просто крестьянином, обладавшим талантом учить.

Он описал два типа людей, приходящих к его судейскому месту. Первые – люди, щедрые на слова. Всю свою жизнь они горячо исповедовали его имя, потому что назвать его “Господом” в полном смысле слова – это и есть вероисповедание [2]. Это, однако, бесплодное дерево, рождающее только листья, и пустая душа, приносящая только слова [3].

Учитывая этот приговор, другие молят Судью принять во внимание их дела. Они были учителями, сильными в Писаниях, имели влияние среди новообращенных и основывали церкви. (Так, может

быть, можно перефразировать их заявления, пользуясь современным языком.) Если же кто-то из критиков отважится сказать, что лучше было бы кормить голодных или одевать раздетых, он не должен игнорировать, что они следовали примеру самого Христа. В дни его плотской жизни он был прежде всего пророком, а самой главной его работой было прощение грехов, поэтому проповедь Христа распятого и несение людям примирения с Богом не могли не нравиться Иисусу. Тем не менее он “объявляет” (и это слово кажется иронической копией их заявлениям об его имени): “Я никогда не знал вас”. Эти слова – самые страшные во всем Писании. При всем своем рвении эти люди были неизвестны ему, потому что они никогда не знали его; употребляя его имя, они обманывали самих себя, но его они не ввели в заблуждение. И, как бесценный вывод, он добавляет слова Псалмопевца: “Отойдите от Меня, делающие беззаконие” [4]. Когда они заявляют у Луки: “Мы ели и пили перед Тобою, и на улицах наших учил Ты”, – они названы “делателями неправды” [5]. Ни причисление себя к его церкви, где он находился между ними во время Преломления Хлеба, ни деятельность по распространению Благой Вести и учреждению общин верующих не гарантирует его одобрения в день суда.

Мы, кажется, зашли в тупик. Если ни слова, ни дела не принимаются во внимание, чего же требует от нас этот Судья? И по какому закону может считаться “беззаконным” следование образцу его собственной деятельности? Решение обеих проблем может быть найдено в критерии, определяющем, кто может войти в Царство, провозглашенном в стихе 21: “исполняющий волю Отца Моего Небесного”. Исполнять волю важнее, чем выполнять работу, ведь все проявления усердной работы могут быть только внешними, а в конце окажутся пустыми и горькими, как плоды Мертвого моря. В то время как человек не может выполнять волю, не делая работы, – ведь от него требуется делать, а не просто знать – он может работать по каким-то другим мотивам, чем желание выполнить волю Божью. Он может так поступать, чтобы добиться человеческого восхищения его дарами, его рвением, его самопожертвованием; или его тайным мотивом может быть желание возложить на Бога свои долги, что, по его мнению, означает, что Бог должен выполнить Свою часть “сделки”, даровав усердному человеку вечную жизнь в ответ на труд и лишения в этой жизни.

Закон Христа – закон любви, поэтому все, что делается без любви – незаконно. Отсюда следует, что “если я раздам все имение мое и

отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы” [6]. Тот же человек, для которого Божья воля становится его собственной, будет выполнять работу естественно: он не будет пытаться считаться с Богом, не будет подсчитывать, сколько он сделал того или другого, его правая рука не будет знать, что делает левая. Он станет орудием осуществления Божьей воли, потому что благодаря любви его собственная воля поглотится Божьей. Только действительно сильное побуждение может превратить человеческую личность в нечто целое, объединив его сердце в страхе имени Господа [7]. Когда это так, чувства, фантазии и желания могут сосредоточиться в одной точке и укрепить волю так, чтобы придать постоянное направление внутренней жизни человека. Следовательно, слова и дела людей не являются разобщенными, они – не результат эгоистических и непоследовательных мотивов, а часть целого, отражающего Личность более значительную, чем они сами. Таким людям посвящена молитва Павла: “Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа” [8].

Мы были бы лицемерами, если бы не признали, что такое единство разума и воли в любви кажется каждому из нас неким идеалом, неясно осознанным и недостижимо далеким; мы не в состоянии поддерживать нашу линию поведения без постоянной борьбы, и это обстоятельство отражено во многих метафорах, сравнивающих путь последователя Христа со спортивным состязанием (в том числе и в словах самого Господа): “Подвизайтесь (т. е. старайтесь) войти сквозь тесные врата”. Это все еще идеал, который должен быть достигнут в будущем, когда Бог будет “все во всем”, а где есть любовь Бога, в том направлении мы будем незаметно тянуться. Этого не может быть без любви, а потому без любви не может существовать никакой жизни.

Однако Иисус не использует нигде в Нагорной Проповеди абстрактное существительное “любовь”, и оно только дважды встречается в синоптических Евангелиях. В первых трех Евангелиях он даже воздерживается от глагола “любить”, применяя его редко, за исключением тех случаев, когда он ссылается на Ветхий Завет [9].

Не трудно понять, почему это так: абстракции могут слишком легко быть оторваны от реальности и стать средством выражения бесстрастной философии или многословной сентиментальности. Слово “любить”, в частности, имеет склонность приобретать такой эмоциональный ореол, который вводит в заблуждение по отношению к

своему значению до такой степени, что люди говорят: “Я не могу полюбить этого человека”, – имея при этом в виду, что не чувствуют эмоционального тяготения к нему. Иисус скорее бы дал изображение любви в ее жизненном проявлении; предпочтение абстрактному конкретному, отличающее еврейское мышление, нигде так не очевидно, как в его словах. Если, однако, для наших рассуждений нам потребовалось бы выделить то качество, которое является общим для всего, что описывает Иисус в Нагорной Проповеди, то единственным качеством, служащим корнем для всего остального, была бы любовь; это еще вернее по отношению к личности Христа и к тому откровению, которое он воплотил в себе, или, выражаясь на языке закона: “Люби Господа, Бога твоего”. В такой любви, которую требовал закон и которую Иисус продемонстрировал на словах и на деле, и состоит секрет преданной воли. Этот принцип нужно иметь в виду, когда читаешь притчу, которой завершается Проповедь.

В одной узкой долине, простирающейся вниз к Галилейскому морю, два человека решили построить дома. Лето было достаточно ранним, и по скалистому дну долины текли ручьи, а после зимних разливов осталось пространство, покрытое песком. Здесь, прежде чем строить, нужно было немного разровнять площадку, благо вода была под рукой. Один человек так и поступил, и строительство стало продвигаться очень быстро. Иногда он поглядывал с иронической усмешкой на другого строителя, работавшего без передышки выше, на выступе скалы.

Этот человек, однако, знал свою страну. Когда вернется зима, в результате сильных ливней долину заполнят потоки воды, ветер, ворвавшись в пространство между холмами, подует, как из трубы, с безумной яростью и поднимет огромные волны далеко на море. Все это, вместе с проливным дождем, станет испытанием для многих здешних домов.

Так и случилось; вся сила бури обрушилась на дом, стоящий на скале, но напрасно. Другой же дом был разрушен. Водоворот рек размыл песок и гравий в основании дома. Пошел дождь, нанесший сокрушительный удар, вся конструкция закачалась и затряслась на ветру, подмытые снизу и разбитые сверху, бревна и балки дома затрещали, упала крыша и рухнули стены. От дома не осталось ничего, кроме множества обломков, подхваченных рекой.

В Галилее, где была произнесена Нагорная Проповедь, каждый понимал, что один из строителей был разумным и предусмотрительным человеком, другой же – глупцом, ведь они знали,

что для строительства твердого фундамента дома, в зависимости от обстоятельств, нужно либо раскопать наносы до скалистого основания, либо строить на каменных выступах. Понимали ли они при этом, что тот же принцип содержится в вопросе вечной жизни? Или они полагали, что закон причины и следствия не имеет отношения к духовным вещам?

Притча установила три вещи. Во-первых, она снова провозгласила принцип человеческой свободы: люди способны выбирать, на каком фундаменте строить. Без этой свободы притча бы не имела смысла; если люди были бы просто автоматами, запрограммированными для жизни или гибели, эти слова стали бы насмешкой над ними. Во-вторых, притча призвана поддержать работу самого человека: фундамент – не просто восприятие слов Христа, но и их воплощение в жизнь; на этом фундаменте человек и призван строить. И, наконец, третий и самый важный урок гласит: каковы дела человека, таков будет и их итог.

Этот урок никогда не был так актуален, как в наше время. Вещи таковы, каковы они есть, и последствия будут такими, какими будут, и никакими попытками обмануть природу мы не сможем этого избежать. Люди, знающие, что они не могут игнорировать гравитацию и законы механики, обижены на то, что Божьи пути в духовной сфере так же неколебимы, как в материальной. Они знают, что поиски вечного двигателя – занятие для чудаков, живущих в иллюзорном мире, созданном ими самими; однако, в непостижимых вещах они принимают сентиментальную позицию, разрушающую нравственный порядок человеческого мира. Почему они думают, что могут избежать последствий пренебрежения Божественными принципами? Отрицать, что жизнь может быть построена на Божьем фундаменте, значит отвергать порядок и рациональность Его творения, то есть смеяться над Богом, а “Бог поругаем не бывает”, ведь (заимствуя другой образ из Писания): “Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную” [10].

Результат, к которому приводят Божественные принципы, провозглашен был в прежние времена в словах, составляющих суть притчи Господа: “Как проносится вихрь, так нет более нечестивого; а праведник – на вечном основании”; “Коснись нечестивых несчастье – и нет их, а дом праведных стоит” [11]. Подобно стене, которую “обмазывают ... грязью”, “бурный ветер разорвет” нечестивых в Божьем гневе [12]; и буря, которая возметет их, как “прах”, – Суд Божий в “тот день” [13].

В то время как на этом смысле притчи можно не очень подробно останавливаться, следует все-таки остерегаться возможного неправильного толкования. Речь идет о следующей из этой притчи доктрины о спасении делами. Такое неверное понимание возможно только, если оторвать притчу от ее основания. “Слова”, которые люди должны услышать и исполнить, целиком охватывают учение, приведенное выше. Оно отражает две контрастные идеи праведности: с одной стороны, праведность закона, а с другой – праведность сердца. Недостаток закона в том, что ему не удастся преобразить человеческую личность. Однако существует предел тем требованиям, которые предъявляет закон, детальный и суровый. Если бы каждое наставление было бы выполнено до конца, праведность была бы достигнута и больше ничего бы не требовалось. Однако, даже если бы человек, предположим, мог соответствовать нормам поведения во всех деталях, вся сфера его сокровенного “я” осталась бы нетронутой законом. Нечто в самой сердцевине его существа осталось бы не просто неизменным, но и недостижимым для закона.

Жизнь, однако, будет сильно проигрывать высочайшим нормам закона; как результат этого, человек, честно преследующий цель достигнуть такой законной праведности, никогда не познает истинного мира в душе, за исключением, конечно, тех случаев, когда требования закона касаются не больше, чем простейших социальных норм его времени. Если же человек стремится к чему-то большему, чем этот низкий уровень, он будет постоянно неудовлетворен тем, что его достижения так невелики. Допустим (а это легко может произойти), его душевная честность ослабла от напряжения. Это может повлечь за собой одно из двух (или и то, и другое): в лучшем случае человек будет довольствоваться выполнением внешних поступков, так или иначе сердце его будет участвовать в том, что он делает. Достаточно того, что он совершает движение праведности, как обряд, выполняя его без ошибок. Он может более скрупулезно выполнять требования закона, тем самым успешно скрывая от себя свою внутреннюю тревогу. Как только человек согласился с этой особой и реальной нормой, вторая опасность притаилась рядом: он может делать что-то для того, чтобы люди могли видеть, насколько он праведен; если поступки совершаются не для Бога, то они делаются для людей. В любом случае человек играет роль, и во втором примере он – лицемер, обманывающий других и, возможно, самого себя. Его действия являются внешней демонстрацией, которой могут прямо противоречить его мысли и побуждения.

Всему этому Иисус противопоставил праведность, имеющую отношение к Царству Божию: праведность, не знающую пределов; он рассматривает каждый поступок как выражение побуждения, а любое побуждение – как потенциальный поступок. По этому стандарту закон, запрещающий убийство, осуждает злобу, а закон, запрещающий прелюбодеяние, порицает вожделенный взгляд. Сфера его действия – все человеческое существо; находясь под таким законом мы никогда не можем сказать: “Мы сделали достаточно”. Качества, изложенные в Заповедях Блаженства, должны были отразить все стороны жизни; только тот, кто сам проявляет характер Небесного Отца, является истинным Божиим Израилем, народом Его завета и Его детьми.

Что же такое “камень” из притчи? В раввинской интерпретации это один из элементов истины, связывающий вторую часть Притчи 10:25 с Мессией как “Праведником”, вечное основание, на котором стоит мир. Поэтому Иисус говорит, что тот человек, который слушает и поступает по его учению, строит окончательно. Христос же и есть тот Камень, потому что от него произошли слова жизни, ставшие фундаментом для людей. “Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос” [14]. Однако, в свете того, что Иисус сам говорил: “не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих”, – он взял на себя ответственность за то, что сказанное им – это слова Бога. Если же Слово Божье есть основа всего в мире, а слово Иисуса – фундамент жизни, то, следовательно, в нем говорит Бог. Не удивительно изумление его слушателей, ведь “он учил их как власть имеющий, а не как книжники”. Простой крестьянин, он произносил красивые и мудрые слова, постепенно готовя слушателей к тому, чтобы идти дальше, чем когда-либо шли в своих речах пророки в старину, потому что он говорил божественные вещи: его учение – это та основа, которая должна определить судьбы людей. “Никогда человек не говорил так, как Этот Человек!”

Но его слово – не только фундамент, оно же и разделяет людей. Начиная с отделения Церкви от мира, этот процесс продолжался в рамках Семьи, отличая истинных братьев от ложных; завершится же все делением пополам сердец в “тот день”, когда тайное станет явным. Постепенно действие слова разделяет людей на две группы: благоговейных и чувственных, тех, кто стремится к жизни, и тех, кто держит путь к гибели, исповедующих Христа истинно и ложно, и, наконец, тех, кто выполняет волю Отца, и тех, кто действует по собственной воле. И в этой заключительной притче это разделение

является полным: люди, построившие конструкцию своей жизни и личности на основании его учения, устоят, в то время как дома других будут превращены в руины, когда налетит буря Суда. Судный День откроет их качества, потому что слово, сказанное им, вынесет им в последний день приговор.

Примечания к главе 6.4

1. Матфей 5:10-11, 28, 34, 39, 44	9. Второзаконие 6:5; Левит 19:18
2. сравните с 1-м Коринфянам 12:3	10. Галатам 6:7-8
3. Иаков 2:17; Иоанн 2:4	11. Притчи 10:25; 12:7; сравните с Притчами 1:27-31; 14:11; Псалтирем 36:10
4. сравните с Псалтирем 6:8	12. Иезекииль 13: 10-14
5. Лука 13:25-27	13. Псалтирь 1:4; Матфей 7:22
6. 1-е Коринфянам 13:3	14. 1-е Коринфянам 3:11
7. Псалтирь 85:11	
8. 1-е Фессалоникийцам 5:23	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 Подготовка Учителя к Проповеди	3
1. Слово сказанное и Слово, ставшее плотью	3
2. Он рос, мудрея	8
3. Мудрость, укрепшая в испытаниях	12
Глава 2 Народ Завета	17
1. Царство Небесное (Матфей 5:3)	17
2. Будущие граждане (Матфей 5:3)	22
3. Радость для плачущих (Матфей 5:4)	24
4. Наследие кротких (Матфей 5:5)	26
5. Пир Царства (Матфей 5:6)	29
6. Милость для милостивых (Матфей 5:7)	35
7. Стоящие перед Царем (Матфей 5:8)	40
8. Сыны Божии (Матфей 5:9)	43
9. Веселье во имя Господа (Матфей 5:10-12)	48
10. Верующие и мир (Матфей 5:13-16)	51
Глава 3 Жизнь странников	59
1. Закон Новый и Ветхий	59
2. Праведность в изобилии (Матфей 5:20)	67
3. Закон сердца (Матфей 5:21-24)	73
4. Наказание и милость (Матфей 5:25-26)	78
5. Мысль и поступок (Матфей 5:27-32)	82
6. Геенна (Матфей 5:29-30)	89
7. Мысль и слово (Матфей 5:33-37)	93
8. Путь непротивления (Матфей 5:38- 42)	101
9. Мерило совершенства (Матфей 5:43-48)	108
Глава 4 Живущие с Богом	118
1. Тайное и явное (Матфей 6:1-6; 16-18)	118
2. Обучение молитве (Матфей 6:7-9)	127
3. Отец Небесный (Матфей 6:9)	133
4. Святое Имя (Матфей 6:9)	138
5. Царство и Воля (Матфей 6:10)	143
6. Основа жизни (Матфей 6:11-12, 14-15)	149
7. Избавление от зла (Матфей 6:13)	154
Глава 5 Живущие в Боге	159
1. Сила притяжения сердца (Матфей 6:19-23)	159

2. Господь сердца (Матфей 6:24-25)	164
3. Господь жизни (Матфей 6:26-34)	169
Глава 6 Живущие под судом	176
1. Судьи или подсудимые? (Матфей 7:1-6)	176
2. Отеческие дары и отклик сыновей (Матфей 7:7-12).....	181
3. Путь и проводники (Матфей 7:13-20)	188
4. Последнее испытание (Матфей 7: 21-27)	194

Л. Дж. Сарджент

УЧЕНИЕ ГОСПОДА

Изучение Нагорной Проповеди

Перевод с английского языка
Ирины Андрониковой